А.Е. Белькова

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ТЮМЕНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ

КОНЦЕПТОСФЕРА, СУБТЕКСТОВЫЙ СОСТАВ

Монография

Издательство Нижневартовского государственного университета 2014

ББК 63.3(2)521
Б 44

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
Нижневартовского государственного университета

Рецензенты:
д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, классического и славянского языкознания Омского государственного университета *Е.Н.Гуц*;
д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета *О.С.Иссерс*

Белькова А.Е.

Б 44 **Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления:** концептосфера, субтекстовый состав: Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. — 176 с.

ISBN 978–5–00047–188–3

Монография представляет собой исследование жанровой структуры метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления; характеристики формуляра данного вида деловых текстов с их составом типологических субтекстов, репрезентирующих локальную языковую картину мира. Обращение к архивным источникам мотивировано недостаточной изученностью регионального материала. Введение в научный оборот МКТ существенно дополняет сведения о состоянии делового языка первой половины XIX века и позволяет проследить специфику отдельных функционально-стилевых, жанровых и текстовых образований.

Для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений.

ББК 63.3(2)521

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 24.11.2014
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 11,25. Тираж 300 экз. Заказ 1595

Отпечатано в Издательстве Нижневартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ISBN 978–5–00047–188–3

© Белькова А.Е., 2014
© Издательство НВГУ, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Первая половина XIX века является одним из важнейших периодов развития русского языка. Именно в это время, как отмечал В.В.Виноградов, «намечаются по разным направлениям и в разных социальных сферах пути синтеза национально-русских, церковнокнижных и западноевропейских элементов в составе русской литературной речи. Но в этих попытках нет единства, нет последовательности и устойчивости» [Виноградов 1982:222]. Деловая письменность XIX века отличается рядом характерных особенностей, вызванных и внешними обстоятельствами (новой социально-политической обстановкой, культурными и административными течениями), и самим ходом развития письменных форм русского языка. Происходит заметная бюрократизация языка, его «огражданствование», что приводит к постепенной унификации различий государственных и местных форм выражения деловой речи. Поэтому XIX век явился той ареной «делового» строительства, на которой предстояло опробовать и обозначить пути совершенствования «гражданского посредственного наречия» [Никитин 2004:248].

В эволюции языка в этот период значительную роль играли стилистические традиции употребления языковых средств, складывающиеся внутри одной из функциональных разновидностей языка — деловой речи, что было следствием отражения в деловой письменности всех сторон социально-экономической жизни народа.

Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления способствуют уточнению статуса делового текста, тем более что «… место деловой письменности в языковом и историко-культурном процессе до сих пор еще окончательно не определено» [Никитин 1999:122].

В XIX веке Тюмень становится культурным центром Западной Сибири. В это время православная церковь укрепляла свои позиции. К началу XIX века на территории города Тюмени насчитывалось десять церквей (Градо-Тюменская Михайло-Архангельская, Градо-Тюменская Соборо-Благовещенская, Градо-Тюменская Кресто-Воздвиженская (до 1845 г. — Воскресенская), Градо-Тюменская Вознесенская, Градо-Тюменская Знаменская,

Градо-Тюменская единоверческая, Градо-Тюменская Пророко-Ильинская (до 1895г. — Покровская), Градо-Тюменская Спасская, Градо-Тюменская тюремная, Градо-Тюменская Успенская). Регистрируя акты гражданского состояния, церковь тем самым выполняла определенные функции государственного учреждения.

При описании делового документа учитывается произошедшая в отечественной лингвистике смена научных парадигм. Переход от «системоцентричной» парадигмы, предполагающей изучение языка в «самом себе и для себя», к «антропоцентричной», ориентирующей исследователя на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, духовно-практической деятельностью, обусловил закономерное расширение границ науки о языке [Вежбицкая 2001].

Остается актуальным мнение С.И.Коткова о том, что «для успешного развития языкознания нужно не только совершенствовать какие-то теоретические методы, но и привлекать в область исследования новые лингвистические аннотированные источники» [Котков 1964:3], такие, например, как метрические книги.

Обращение к архивным источникам мотивировано недостаточной изученностью регионального материала. Введение в научный оборот метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления существенно дополняет сведения о состоянии делового языка первой половины XIX века и позволяет проследить специфику отдельных функционально-стилевых, жанровых и текстовых образований.

Вводимые в научный оборот метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления пополняют фонд текстов региональных лингвистических источников. Деловые документы (МК) позволяют восполнить некоторые пробелы в определении статуса регионального делового текста, а также обозначить общерусские тенденции в его структурно-семантическом оформлении.

Материалом для настоящей работы послужили рукописные метрические книги города Тюмени, хранящиеся в фонде Государственного архива Тюменской области (ГАТО):

- метрическая книга Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церкви (до 1895 г. — Покровская), фонд И-104, опись 1, дело 2, 1802—1842 гг., на 369 листах;

- метрическая книга Градо-Тюменской Вознесенской церкви, фонд И-112, опись 1, дело 6, 1830 г., на 273 листах;
- метрическая книга Градо-Тюменской Покровской церкви, фонд И-104, опись 1, дело 8, 1843—1856 гг., на 640 листах;
- метрическая книга Градо-Тюменской Покровской церкви, фонд И-104, опись 1, дело 16, 1857—1862 гг., на 307 листах;
- метрическая книга Градо-Тюменской Знаменской церкви, фонд И-104, опись 2, 1853 г., на 120 листах;
- метрическая книга Градо-Тюменской Знаменской церкви, фонд И-254, опись 1, дело 27, 1860 г., на 302 листах;
- метрическая книга Градо-Тюменской Знаменской церкви, фонд И-104, опись 2, 1865—1867 гг., на 530 листах;
- метрическая книга Градо-Тюменская Пророко-Ильинской церкви (до 1895 г. — Покровская), фонд И-104, опись 1, дело 26, 1865 г., на 116 листах.

Метрические книги велись в приходе, как правило, в течение 5—20 лет. Хронологические рамки их заполнения зависели от частоты случаев рождения, венчания и смертей в приходе и общего числа прихожан. Объем МК составляет от 116 до 640 листов. Каждый экземпляр МК заполнен от руки. Одна книга объединяет в себе три вида записей гражданского состояния прихожан: о рождении, браке и смерти отдельного лица. Отдельные книги за каждый год переплетены и прошнурованы в большой фолиант с сургучной печатью, «форматом в лист» (35 х 22 см.). На толстой синей, голубоватой и желтоватой бумаге различные водяные знаки (филиграни) — вертикальные линии, буквы, цифры.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1802 по 1867 гг. Развитие Тюмени в первой половине XIX века связано с упрочнением института Русской Православной Церкви. Священнослужители осуществляли духовное наставничество вверенной им епархии с целью поддержания православной традиции на территории города Тюмени. На материале метрических книг изучается процесс организации приходской жизни различных категорий населения. «Значима роль церкви как важнейшего элемента прихода, к которому тяготеет вся жизнь прихода, и благодаря которому она приобретает определенный порядок, объединяя мирян в едином годовом круге богослужений» [Ермацанс 2006:20].

Методологические подходы в монографии согласуются с известными методиками анализа делового текста, разработанными В.Я.Дерягиным (1980) (единицами лингвотекстологического анализа являются словосочетания, модели предложений с более или менее постоянным лексическим составом); О.В.Бараковой (2003) (рассматриваются деловые тексты как полисубтекстовые структуры и выявляется набор формул каждого субтекста; дается анализ стилеобразующих лексико-фразеологических средств для реконструкции языковой картины мира); С.Н.Смольниковым (2005) (антропонимия описывается с точки зрения функциональных категорий, обусловленности контекстом и установок составителя документа).

Глава 1
МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1.1. Метрические книги как историко-лингвистический источник

В делопроизводстве церквей широко использовались церковные книги. «*Под церковными книгами* подразумевается несколько видов документов, в которых регистрировалось приходское население. К ним относятся книги конфирмантов (причастников), персональные книги (с подробными сведениями обо всех членах прихода) и *метрические книги* (с записями о крестившихся, венчавшихся, погребенных)» [Князева 2004:78].

В специальной литературе находим следующие определения терминов *метрическая книга и метрика*: «*Метрика* — приходской список рожденных, умерших и повенчанных» [Даль II:323]; «*Метрическая книга* — совокупность актов культовой регистрации, удостоверяющих события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц в виде хронологических записей в книжной форме» [Брокгауз и Ефрон 1894:201]; «*Метрическая книга* представляет собой совокупность хронологических записей о рождении, браке и смерти по установленной форме. По принципу документирования и хранения делятся на приходские и консисторские» [Генеалогическая информация 1996:47].

Метрические книги велись церковнослужителями в двух экземплярах. Первый отправлялся в духовную консисторию, а второй оставался в приходской церкви. Книги состояли из трех разделов (о рождении, о бракосочетании, о смерти) и оформлялись одним церковнослужителем или несколькими по очереди (обычно не более трех человек). Каждая запись завершалась подписью лица, совершившего требу.

Ведение метрических книг в России получило законодательное оформление в решении Московского собора 1666—1667 гг. Но соборное правило не вполне определило технику ведения метрик о рождении (крещении), браке и смерти. Первое светское узаконение практики ведения метрических книг было произведено указом Петра I от 14 апреля 1702 года «О подаче в Патриарший

духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших» [Георгиева 1999:137].

Двадцатые годы XVIII в. стали временем активного формирования, становления и распространения метрических книг на территории России. В мае 1722 года «Прибавлениями к духовному регламенту» было установлено законодательное повсеместное ведение книг церковного учета в Российской империи. В пункте 29 «Прибавлений» говорилось: «Должны же отселе священники иметь всяк у себя книги, которые обычно нарицаются метрики, то есть книги записные» [Елпатьевский 1979:55]. 29-й пункт «Прибавлений к духовному регламенту» установил необходимость ежегодной подачи в органы епархиального управления кратких списков с метрических книг.

Синодский указ от 20 февраля 1724 года «О содержании священниками метрических книг для записи рождающихся, браком сочетающихся и умирающих, о присылке ежегодно из оных экстрактов к Архиереям» впервые ввел графические нормы метрических книг. Записи событий в метрических книгах приобрели законодательную упорядоченность и единообразие, которые, однако, далеко не сразу вошли в практику [Розанов 1869].

Указ Синода от 23 ноября 1779 года «О исправном содержании метрических книг во всех приходских церквах» повторил нормы ведения книг в двух экземплярах и обязательность наличия книг в приходах, усложнял практику ведения метрических книг, вводя скрепу и свидетельствование благочинным [Розанов 1869].

В то же время формируется внешний вид метрической книги. Метрическая книга представляла собой «фолиант», объем которого варьировался в зависимости от экземпляра. Традиционным материалом переплета консисторских книг являлся картон или серое льняное полотно; приходские книги часто имели корешок и переплет. По указу Синода от 1806 года были введены специальные бланки с церковно-славянским ординарно-церковным шрифтом заголовков и водяными знаками на бумаге с гербами. Эти листы, сброшюрованные в книгу, выдавались приходским священникам из консистории через духовные правления. В соответствии с утвержденным 24 января 1822 года мнением Государственного Совета право печатать такие бланки принадлежало только одной типографии — Московской Синодальной. В 1875 году изменились

водяные знаки на гербовой бумаге при печатании бланков метрических листов и других церковных документов. Изображения льва и единорога были заменены изображением в виде сетки из побегов с овалом в центре и гербом в виде двуглавого орла с надписью под ним вязью: «Синодальная типография» [Розанов 1869].

Синодский указ от 17 мая 1802 года «О содержании в предписанном порядке метрических книг» придал консисторскому экземпляру статус оригинального документа, а приходскому — его списка.

Указ Синода от 28 февраля 1831 года скорректировал формы метрик. Были уточнены названия отдельных граф, в записях о рождении введена раздельная нумерация по полу и указание имени и отчества матери рожденного или рожденной, дата события стала обозначаться прописью.

22 ноября 1837 года была утверждена обновленная форма метрических книг. Указом Синода от 7 февраля 1838 года были добавлены графы удостоверения событий церковнослужителем и свидетелями (при рождении) и поручителями (при бракосочетании). Подпись свидетелей и поручителей при отсутствии соответствующей графы не была обязательной. Часть «О смерти» дополнялась именем священника, совершившего обряд. Этот формуляр просуществовал всю дальнейшую историю метрик.

Утверждение ведения метрических книг стало одним из главных элементов внедрения систематического документирования и было обусловлено практической надобностью рассматриваемой документной системы для государства.

Смена государственного строя в октябре 1917 года резко изменила судьбу метрических книг, систему их движения и хранения. По декрету ЦИК СНК от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» ведение актов состояния перешло к государству. Регистрационные книги для дальнейшего их хранения пересылались в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы. На этом был завершен активный период документирования метрик, хотя в некоторых местах священники продолжали их ведение до конца 20-х и даже начала 30-х годов [Елпатьевский 1979].

С точки зрения видовой классификации, метрические книги — это акты церковных властей регистрационно-учетного вида

с конкретным типом формуляра, соответствующим совокупности отдельных типов документов, объединенных общим графическим формуляром [Антонов, Антонова 2006].

Метрическая книга имеет организованную структуру, что позволяет сравнительно легко использовать данный вид источника.

«Структурными элементами метрической книги являются: метрическая тетрадь; часть метрической книги; метрическая запись; метрическая выпись; метрический экстракт (ведомость).

Метрическая тетрадь — это составная часть консисторской метрической книги одной церкви-прихода, число тетрадей соответствовало количеству приходов в уезде, в округе.

Часть метрической книги — это составляющая метрической книги, которая в совокупности двух аналогичных компонентов образует метрическую книгу.

Метрическая запись — отдельная запись в метрической книге, удостоверяющая событие крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретного лица.

Метрические экстракты (ведомости) — вторичный статистический документ, составленный на основе метрических книг и содержащий суммарные годичные данные о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в их половозрастной структуре на уровнях прихода, уезда, епархии (в зависимости от места составления)» [Генеалогическая информация 1996:47—50].

Приходские экстракты, как правило, вносились в оба экземпляра метрических книг, уездные — собирались и хранились в консисторских архивах, епархиальные — посылались в Синод. Аналогичные (по способу документации) экстракты составлялись и на основе духовных росписей. В отличие от метрических экстрактов они содержат общую численность прихода по сословно-половым характеристикам.

«*Метрическая выпись* — выпись из метрической книги, удостоверяющая факт рождения, брака или смерти» [Генеалогическая информация 1996:47].

По ряду оснований метрические книги относят к материалам фискального, административного и хозяйственного учета, более конкретно — к материалам церковного учета населения различных конфессий [Мильков 1912:8].

Метрические книги можно классифицировать по ряду признаков. Вслед за историками Д.Н.Антоновым и И.А.Антоновой мы выделяем несколько классификационных систем метрических книг:

I. По месту дальнейшего документирования:

— приходские метрические книги;

— консисторские метрические книги.

Консисторский экземпляр называют также «беловой метрической книгой», поскольку он представляет собой список с приходского экземпляра. Приходский экземпляр называют «черной метрической книгой».

II. По конфессиональному (принадлежность к религиозной системе) признаку:

а) на христианские:

— православные (ортодоксальные) метрические книги;

— православные (старообрядческие) метрические книги;

— католические метрические книги римско-католической церкви и различных поместных католических церквей;

— протестантские метрические книги евангелическо-лютеранской церкви, баптистов, менонитов и других.

б) нехристианские:

— мусульманские метрические книги;

— иудейские метрические книги.

III. По авторскому признаку:

— одноклировые метрические книги;

— двуклировые метрические книги;

— трехклировые метрические книги.

IV. По характеру воспроизведения:

— беловые церковно-приходские книги;

— черновые церковно-приходские книги.

V. По статусу церкви:

— метрические книги соборов, имеющих приход;

— метрические книги монастырских церквей, имеющих приход;

— метрические книги ружных церквей, имеющих приход;

— метрические книги казенных церквей (бесприходных);

— метрические книги богадельных церквей (бесприходных);

— метрические книги домовых церквей (бесприходных);

— метрические книги кладбищенских церквей (бесприходных);

— книги полковых священников и капелланов [Антонов, Антонова 2006].

Правила ведения метрических книг (создание приходского и консисторского экземпляров, принципы регистрации, защита от фальсификации и т.п.) были едиными для церквей всех статусов; однако имелись различия в их содержании. Отличительной особенностью метрических книг бесприходных церквей и книг полковых священников является регистрационное постоянство населения (для демографии — оседлость или подвижность) и его социопрофессиональный или иной отличительный состав. Метрические книги в монастырях, в церквях при казенных, учебных и благотворительных учреждениях чаще всего были представлены только своей частью об умерших [Чижевский 1893:39].

Изучение и использование метрик в исторической науке в России началось с XVIII века. Первое направление научного использования метрических книг связано с вопросами культа и права, издания и комментирования законоположений, касающихся церковно-приходского учета.

Среди историков, занимающихся изучением метрических книг, необходимо отметить А.И.Парвова (1864), А.М.Луканина (1879), И.Чижевского (1893), С.П.Григоровского (1893, 1895), Л.П.Новикова (1907) и др.

Для выявления динамики демографических коэффициентов (брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста населения) незаменимым источником являлись метрические книги, учитывавшие число родившихся, сочетавшихся браком и умерших по приходам.

Во второй половине XVIII века Л.Ю.Крафтом (1787) началось социально-демографическое исследование метрических книг.

С конца XVIII века разработка этих проблем перешла в качественно иную стадию. В.Я.Буняковский (1865), А.Бессер, К.Баллод (1897), В.М.Кабузан (1963), Н.А.Миненко (1977), А.И.Аксенов (1988) на основе материалов МК определяют численность населения России, проводят исследования о движении народонаселения.

В семидесятые годы XX века изучением метрических книг занимался А.В.Елпатьевский (1979). Историк написал статью «О документированных источниках современных историко-биографических

и генеалогических исследований», посвященную вопросам документирования актов гражданского состояния. А.В.Елпатьевский раскрыл становление метрик как одну из самых устойчивых документных систем, определил их общественно-правовое значение, указал на закрепление в них сословной принадлежности.

В справочном издании Я.М.Вилейшиса (1915) отмечены особенности юридической практики организации посемейного учета в предреволюционной России.

В начале XX в. К.Б.Литвак (1990), А.Храмков (2002) изучали социальную историю сельского населения отдельных регионов.

Вопросы динамики численности и состава городского населения дореформенной Сибири рассматривались в русле демографического и социального изучения городов (см. работы В.М.Кабузана (1963), Л.М.Горюшкина (1979, 1984), В.П.Шпалтакова (1984; 1988), А.Д.Колесникова (1973; 1992), В.А.Зверева (1991), М.Г.Рутц (1994), В.И.Пронина (1997), А.Р.Ивонина (2000) и др.). Внимание исследователей направлено на делопроизводственную документацию, отражающую не столько сферу посемейного бытования, сколько сводную официальную статистику. Материалом для данных исследований также послужили МК.

Е.А.Зуева (1987, 1992), А.Н.Сагайдачный (2000) и Ю.М.Гончаров (2003) изучали социальное развитие семей сибирских горожан, систему их взаимоотношений, включающую правовые, демографические, экономические, межличностные связи.

В работе Д.Н.Антонова и И.А.Антоновой (2006) «О метрических книгах» определена сущность данного исторического источника, его историография; даны классификация, критерии, методы фондирования, документирования, советы по работе с метрическими книгами.

Итак, работа с метрическими книгами как историческим источником началась с XVIII века. Методами их разработки стали методы демографии, статистики и документоведения. В конце XIX в. МК становятся предметом подробного изучения и рассматриваются как исторический, генеалогический и демографический источник.

МК выполняли функцию официального документа (духовного, гражданского, юридического), так как содержали сведения о рождении, браке и смерти отдельного лица. МК являются универсальным

историческим источником, служащим незаменимым свидетельством давно ушедшего прошлого.

Информационный материал их поистине неисчерпаем. В церковно-приходских метриках содержатся данные, которые могут заинтересовать представителей разных научных дисциплин: генеалогии, истории ментальностей, исторической демографии, этнографии, социальной истории, семейной и локальной истории, юриспруденции. Исключительное значение этого источника становится все более очевидным именно сейчас, в период своеобразного взрыва научного и общественного интереса к ним.

Данные метрических книг вводятся в научный оборот лингвистами гораздо позже, в конце XX века.

Изучением региональной антропонимии метрических книг XVIII—XIX вв. занимались исследователи: смоленских и вяземских — И.А.Королёва (1999), саратовских — А.А.Волков (2001), зауральских — Н.Н.Парфёнова (2002) и А.И.Назаров (2003), тамбовских — О.В.Наумова (2004), дальневосточных — О.В.Паловец (2006), тюменских — Л.Г.Замалутдинова (2007), камчатских — Е.П.Абрамова и А.С.Сесицкая (2007), воронежских — Л.Н.Верховых (2008).

И.А.Королёва (1999) исследует историю складывания антропонимических категорий, их обязательность или факультативность в структурных моделях, засвидетельствованных в разнообразных по жанру памятниках письменности г.Вязьмы и г.Смоленска. Автор отмечает, что в МК второй половины XVIII в. «крестьяне записаны трехчленной антропонимической формулой, включающей в свой состав личное имя, полуотчество и фамилию. Отчества фиксировались для всех социальных групп населения России» [Королёва 1999:133].

А.А.Волков (2001), анализируя саратовские МК, отмечает, что «в 20—30-е годы XX века была предпринята попытка изменить и систему антропонимикона: в него стали включаться так называемые «новые» имена, которые давали на октябринах — торжественной церемонии наречения именем нового члена нового общества. Весьма распространенными были Вилор (Владимир Ильич Ленин, Октябрьская революция), Владлен (Владимир Ленин) и подобные. Во многих календарях того времени предлагались новые имена, чтобы люди выбрали «правильное» имя» [Волков 2001:38].

А.И.Назаров (2003) в книге «Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков» рассматривает историю возникновения фамилий казаков, лексические основы фамилий, фамилиеобразующие суффиксы, отражение в фамилиях диалекта уральских казаков и принципы создания словаря уральско-казачьих фамилий на Яике/Урале на основе метрических книг разных церквей г.Уральска и Уральской области за 1833 г.

О.В.Наумова (2004) описала антропонимикон Тамбовского края XVIII — начала XIX вв. Объектом ее исследования стали все формы личных собственных имен, патронимы, прозвища, андронимы, фамилии и типы личных именований, зафиксированные в тамбовских метрических книгах церквей XVIII века. В области языковой номинации О.В.Наумова выделяет «апеллятивную, проприальную и проприально-апеллятивную номинацию» [Наумова 2004:15].

Н.Н.Парфёнова (2002) при составлении словаря русских фамилий конца XVI—XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья) опиралась на памятники деловой письменности разных жанров, в том числе на материалы метрических книг XVIII века.

О.В.Павловец (2006), изучая личные имена, зафиксированные в дальневосточных метрических книгах второй половины XIX в., установила, что «процесс освоения русского канонического именника в его региональном варианте в середине XIX в. еще не завершился. Народные или разговорные формы имен чаще всего возникали как результат комплексных фонетических изменений канонической формы. Данные антрополексемы называли лиц, принадлежащих к разным социальным слоям» [Павловец 2006:106].

Е.П.Абрамова, А.С.Сесицкая (2007), изучив МК, отмечают, что «подавляющее большинство фамилий Камчатки — это фамилии, принесенные сюда пришлым русским населением — казаками, промышленниками, крестьянами. Ассимиляция их с местным населением происходила самым естественным путем — посредством браков (преимущественно русских на камчадалках, учитывая малочисленность русских женщин), дети от которых получали русские фамилии» [Абрамова, Сесицкая 2007:5].

Л.Г.Замалутдинова (2007), изучая деловые документы, в том числе материалы МК Тюменского района второй половины XX века, провела этнолингвистическое исследование антропонимии

тарских и барабинских татар Тюменского района Тюменской области. Автор отмечает, что для наречения новорожденных используются канонические мусульманские имена; среди мужских личных имен преобладают двусложные, а среди женских — трехсложные. В работе описываются способы имяобразования: имятворчество и рифмование имен.

Л.Н.Верховых (2008) отмечает, что антропонимия МК Воронежского Прихоперья XVIII века «представлена не только официальными, но и уличными (дворовыми) фамилиями и прозвищами, личными именами, однако доминантными в сельской местности являются прозвищные названия и уличные фамилии, официальные именования находятся на периферии сельского антропонимического пространства» [Верховых 2008:17]. Исследователь приходит к заключению: «Большое число официальных антропонимов имеет некалендарное происхождение (73,9%), они характеризуют человека по профессиональной или служебной деятельности, восходят к названиям животных, отражают особенности поведения и характера человека» [Верховых 2008:18].

М.С.Выхрыстюк (2008) предлагает некоторые обобщения лингвоисточниковедческого характера МК.

Таким образом, метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления как жанр комплексному лингвистическому анализу не подвергались. Языковеды, как правило, уделяют внимание лингвистической содержательности МК.

1.2. Жанрово-стилевая характеристика делового текста

Проблема классификации деловой письменности (видов, жанров) стала традиционной в исследованиях по дипломатике, источниковедению и документоведению.

Изучение текстов делового письма и поиски принципов жанрового анализа документов, как указывает А.Н.Качалкин, началось уже в XIX веке, когда С.Саларев предложил первую классификацию актового материала. Основываясь на дипломатических признаках текстов («образе письма», печатях, титулах и др.), С.Саларев пытался выделить и охарактеризовать отдельные группы актов [Качалкин 1988:3].

В исторических исследованиях середины XIX века больше внимания уделялось юридическому смыслу документов или актов делового письма.

В основу классификаций А.С.Лаппо-Данилевского, С.М.Каштанова, Л.В.Черепнина положено деление актов, документов на публичноправовые и частноправовые (среди частноправовых выделяются акты церковного права или акты церковных властей — А.Б.) [Лаппо-Данилевский 1920; Черепнин 1950; Каштанов 1970].

А.П.Пронштейн, помимо собственно законодательных актов и юридических актов, предусмотренных законом, систематизировал также материалы текущего делопроизводства учреждений и частную переписку: канцелярские документы и деловые письма. Документацию исследователь классифицировал на три группы: внутренняя документация учреждений, переписка между государственными учреждениями страны, документация частных хозяйств и личная корреспонденция их владельцев (среди которых книги относит к внутренней документации учреждений) [Пронштейн 1971:62].

Приведенные опыты классификации деловой письменности показывают, что историков в первую очередь интересует дело, фактическое содержание документов, его тематическая отнесенность.

Вопросам классификации актового материала также уделяли внимание языковеды: С.Г.Шулежкова (1967), С.И.Котков (1973), С.С.Волков (1974), Г.И.Багрянцева (1986), А.Н.Качалкин (1988), А.П.Чередниченко (1990), Н.В.Викторова (1994), Т.В.Кортава (1998), И.А.Шушарина (1999), О.В.Владимирова (2000), О.В.Трофимова (2002), А.Г.Косов (2003), А.П.Майоров (2006) др.

Так, С.Г.Шулежкова, выделяя четыре группы деловых памятников: военно-административные; внутриканцелярские бумаги, дела самого учреждения; юридические документы, исходящие от лица пострадавшего или сопровождающие судебное следствие; документы социально-бытового характера (в зависимости от назначения, сферы употребления и авторства), относит метрические книги ко второй — «внутриканцелярские бумаги, дела самого учреждения» [Шулежкова 1967:127].

С.Г.Шулежкова отмечает стилистическое своеобразие делового слога, которое складывается из совокупности лексико-фразеологических, синтаксических и морфологических черт; особый

колорит исследуемым памятникам придают «канцелярские штампы», представляющие собой устойчивые словосочетания и являющиеся строительным материалом для различных жанров делового письма» [Шулежкова 1967:130].

По мнению С.С.Волкова, при лингвистической классификации актов деловой письменности необходимо учитывать общественное положение автора и адресата, информативность и форму акта. Анализируя лексику челобитных XVII века, он выделяет две группы документов: официально-деловые и частные акты [Волков 1974:8].

Другие языковеды, например, А.Н.Качалкин и И.А.Шушарина, систему документных жанров устанавливают через состав самоназваний документов [Качалкин 1988; Шушарина 1999]. Авторы считают, что грамматическая вариативность в большей степени зависит не от жанра, а от типа документа, и вслед за С.С.Волковым подразделяют тексты на официально-деловые и частно-деловые.

Содержательный принцип, функциональное назначение и соответствие языковых черт учитывает С.И.Котков, выделяя три разновидности памятников: актовые, эпистолярные и хроникальные [Котков 1991:124].

С учетом коммуникативной заданности документа А.Г.Косов делит тексты на три группы: 1) выражающие побуждение адресата к совершению каких-либо действий; 2) информирующие адресата; 3) придающие юридический статус какому-либо событию [Косов 2004].

Принимая во внимание функциональную направленность документов, А.П.Майоров разделяет их на девять групп: распорядительная; уведомительно-просительная; отчетно-исполнительная; просительные документы; документация судебно-следственных дел; регистрационная; сделочно-договорная; документы удостоверительного характера; акты принятия обязательств или отказа от них (МК им отнесены к регистрационной документации — А.Б.) [Майоров 2006:13].

В последнее время языковеды проводят классификацию и анализ текстологических единиц в соответствии с теорией речевых жанров (Н.В.Викторова, Т.В.Шмелёва). Исходя из целевой коммуникативной установки автора, они выделяют следующие типические формы высказываний в составе текстов, или речевые жанры:

информативные речевые жанры; императивные речевые жанры; речевые жанры, направленные в мир оценок и мнений; ритуальные речевые жанры [Шмелёва 1990:25; Викторова 1990:30].

В отечественном языкознании активно разрабатываются проблемы жанра. А.Н.Качалкин пишет, что «понятие жанра в философии издавна применяется к разным видам письменной словесности, но совершенно не используется по отношению к документу» [Качалкин 1988:5]. «Понятие жанра должно получить общефилологическое толкование, чтобы затем стать инструментом изучения текстов и принципов их обращения в различных сферах общения, или разных видах словесности», — считает Т.В.Шмелёва [Шмелёва 1990:22].

Актуальность исследования жанров обусловлена тем, что «современная научная парадигма в языкознании имеет в целом функциональный характер» [Дементьев 1997:118].

Проблема жанра не может считаться решенной: нет единого понимания речевого жанра, не принято единой типологии речевых жанров, не решен вопрос о том, что является базовой единицей речи: речевой жанр или речевой акт; остаются спорными критерии выделения жанра, характеристика жанра как типа текста, как типа высказывания.

Так, например, М.М.Бахтин использует термин *высказывание* и выделяет признаки минимальной единицы речи «целенаправленность, целостность, завершенность, непосредственный контакт с действительностью (через оппозицию «Автор — Адресат»), смысловая полноценность и типичная воспроизводимая жанровая форма» [Бахтин 1979:247].

М.Ю.Федосюк и Сы Ын Ён термин *высказывание* заменяют термином *текст* и признаки высказывания соотносят с такими признаками текста, как «завершенность, целостность, наличие авторского замысла, определенные композиционно-стилистические особенности» [Федосюк 1996:15, Сы Ын Ён 2000:69].

В специальной литературе представлены многочисленные определения жанра. Например, В.В.Дементьев выделяет три группы исследований, связанных с определением жанра:

1) концепции, опирающиеся на классическое определение жанра (Аристотель, Н.Буало). В этом случае жанр понимается или очень узко (применительно к произведениям художественной

литературы и искусства), или — слишком широко, или речь идет о жанрах монолога, диалога и полилога;

2) вторая группа исходит из описания отдельных аспектов жанровой организации речи. Однако в них нет целостной и четкой концепции речевых жанров;

3) третью группу составляют исследования, опирающиеся на концепцию речевых жанров М.М.Бахтина.

Речевые жанры, будучи «в общем гораздо гибче, пластичнее и свободнее языка» [Бахтин 1979:237], в то же время «безличны», ибо являются «типичной формой высказываний, но не самими высказываниями» [Бахтин 1979:268], [об этом см.: Дементьев 1997:110].

Языковеды в понимании речевых жанров, как правило, опираются на концепцию М.М.Бахтина, который определяет жанр как «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1996:164].

Жанр можно представить как тип высказываний или текстов с единой модальностью. Н.Г.Поспелов указывает: «Смысловым признаком жанра является определенный тип отношения содержания к действительности или модальность в широком смысле слова» [Поспелов 1978:232].

Модальность делового текста — широкое понятие, которое, как правило, конкретизируется через жанрообразующие признаки.

Л.А.Месеняшина отмечает: «Отчетливо ощущая различия между разными жанрами, филологи, тем не менее, до сих пор не могут прийти к единому мнению по вопросу о том, что считать жанрообразующими признаками, каково количество таких признаков. А это, естественно, приводит к разногласиям относительно границ между жанрами и уж, конечно, относительно того, к какому жанру отнести то или иное конкретное речевое произведение» [Месеняшина 1996:17].

Н.Ю.Шведова выделяет семь жанрообразующих признаков: 1) целеустановка; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) диктум; 5) фактор прошлого; 6) фактор будущего; 7) формальная организация [Шведова 1960].

О.В.Владимирова, анализируя деловые документы конца XVIII века (на материале документов Курганского городового хозяйственного управления 1799 года), указывает ряд параметров, которые

позволяют отнести документ к той или иной разновидности: принадлежность памятника к определенному документальному жанру; коммуникативная цель документа (констатация фактов или событий, приказание, просьба, отчет о предпринятых действиях, информация о допросах и т.д.); сходство формуляра документа [Владимирова 2000:16].

Лингвистический анализ текстов деловых документов XVIII века, проводимый О.В.Трофимовой в диссертационном исследовании «Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762—1796 гг.)», осуществляется с учетом «информационной программы», которая включает три основные составляющие акта коммуникации: информацию о предмете речи, отражение точки зрения говорящего и модель адресата [Трофимова 2002]. В соответствии с этим О.В.Трофимовой выделяются и анализируются традиционные для российского источниковедения и археографии документы: просительные (челобитная, доношение, просьба, прошение), распорядительные (копия с журнала, определение, предложение, приказ) и докладные (объявление, промемория, рапорт) (МК к исследованию не привлекались — А.Б.).

С учетом коммуникативной заданности документа Урало-Сибирская проблемная группа делит деловые тексты на три группы: 1) выражающие побуждение адресата к совершению каких-либо действий (решение проблемы, участие в каком-либо деле, совершение каких-либо действий); 2) информирующие адресата; 3) придающие юридический статус какому-либо событию [Косов 2003; Выхрыстюк 2008].

Таким образом, количество жанрообразующих признаков, выделяемых лингвистами, различно (от трех до семи).

Жанры выделяются по функциональному основанию и по самоназваниям. Как считает А.Н.Качалкин, именно название документа связует оформляющую и содержательную части акта и тем самым наиболее ярко реализует модальное, жанровое значение текста: «Оформляющая часть документа (формула автора и формула адресата), способствуя движению документа по каналам документооборота, раскрывает его коммуникативную структуру. Содержательная (или основная) часть документа передает предметный смысл коммуникации» [Качалкин 1988:10].

Для идентификации жанра необходимо учитывать и его стилистические особенности. «В выявлении общих и специфических особенностей разных текстов деловой прозы, в углубленном изучении жанров через устойчивые и терминологизирующиеся названия видов документов с их языковыми особенностями... можно видеть дальнейшие задачи изучения русских документов» [Качалкин 1990:381].

По мнению А.П.Майорова, проблема классификации жанров деловых текстов охватывает ряд вопросов лингвоисточниковедческого характера: «1) становление и историческая динамика жанров деловой письменности; 2) анализ формуляра деловых бумаг разных жанров; 3) установление жанрообразующих критериев и жанрово-стилистических средств; 4) характер взаимодействия книжно-славянской и разговорной языковых стихий в сфере деловой письменности в зависимости от жанра документа, его прагматической цели» [Майоров 2006:12].

Проблематика жанра текста связана с теорией функциональных стилей, функционально-стилистических систем языка. Г.Я.Солганик пишет о том, что «каждый функциональный стиль — это особая влиятельная сфера литературного языка, характеризующаяся своим кругом тем, своим набором речевых жанров, специфической лексикой, фразеологией» [Солганик 1997:172].

Деловые тексты XIX века (МК) соотносим с функциональным стилем. Вслед за М.Н.Кожиной под функциональным стилем понимаем «своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемой особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организации» [Кожина 1993:51].

«По существу, языковые или функциональные стили, — писал М.М.Бахтин, — есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения. В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы; этим жанрам и соответствуют определенные стили. Стиль входит в жанровое единство высказывания» [Бахтин 1996:164]. В.В.Виноградов также указывал, что «... функционально-стилистическая окраска, присущая части слов, выражений

и даже конструкций, генетически обусловлена преимущественным употреблением этих языковых фактов и явлений в определенных видах речи, в определенных контекстах, — это очевидно» [Виноградов1961:70].

Нельзя не согласиться с мнением языковедов, считающих, что стиль текста включает жанровую информацию. Жанрообразующие признаки делового документа являются и стилеобразующими, поэтому, описывая деловой текст, выделяем его жанрово-стилевые характеристики. Стиль содержит жанровую информацию. Единство жанра достигается единством его стилистических характеристик. Единство стиля формируется специфическим набором жанров в определенных сферах общения. С одной стороны, жанр формирует стиль, с другой, — сам формируется им. Жанрообразующие признаки делового текста (МК) можно рассматривать и как стилеобразующие. Жанровая информация как специально обработанная и закрепленная в определенной форме может быть рассмотрена как стилистическая [Рудозуб 1999:72, Сы Ын Ён 2000:73, Баракова 2003:57].

1.3. Описание структуры и формуляра документа

В последние годы языковеды в своих работах, посвященных анализу документов (деловых текстов), уточняют терминологический аппарат исследования. При изучении письменных памятников они учитывают научные достижения в области истории права, дипломатики и лингвистики, определяют принципы текстологического анализа.

В описании формы (формуляра) используются методы русской дипломатики, частноправовых актов. А.Н.Качалкин считает, что «...вопросы исполнения документов, их языка, стиля, истолкования прямого значения текста, отнесенности ко времени и месту, определения авторства и условий возникновения документа, критический анализ текстов и выявление подделок первоначально изучались дипломатикой» [Качалкин 1988:3].

В.Я.Дерягин также указывает: «...отграничивая понятия и термины лингвистические от понятий и терминов собственно дипломатических, лингвист не может не использовать последних в историко-стилистическом исследовании актовых текстов, как

историк не может обойтись... без использования лингвистических понятий и терминов». Историк, начиная анализ текста с толкования его «смысла» и «грамматических структур», выводит из этого толкования дипломатическую схему документа. Лингвист, имеющий дело с тестом, с помощью дипломатической схемы документа «исследует стилистические особенности текста, его синтаксическое строение, семантику фразеологизмов и отдельных слов» [Дерягин 1980].

По мнению И.А.Малышевой, «в последние годы исследование делового языка все чаще основывается на изучении сначала формы того или иного жанра документного текста, а затем зависимость его лингвистического материала от особенностей его жанра» [Малышева 1997:147; Волков 1980:44].

Г.И.Багрянцева считает, что «стандартность структуры и формуляра есть средства, подготавливающие реципиента документа к восприятию определенного рода информации, заключенной в нем, и тем самым облегчающие ее восприятие» [Багрянцева 1986:18].

Языковеды в понимании документа, акта следуют за историками А.С.Лаппо-Данилевским и С.М.Каштановым (Ср.: акт — документ или «грамота» с правозначащим содержанием [Лаппо-Данилевский 1920:13]; акт — документ договорного характера [Каштанов 1970:9]).

Дипломатический анализ акта, по определению А.С.Лаппо-Данилевского, устанавливает типический формуляр данной группы актов и состоит из следующих операций: «расчленение каждого из них на его составные части — клаузулы; определение более или менее общих у него с другими актами той же группы или более или менее частных присущих ему клаузул; выяснение типического соотношения в сосуществовании или в преемственности клаузул данной группы актов» [Лаппо-Данилевский 1920:135].

А.С.Лаппо-Данилевский в составе каждого частного акта различает несколько юридических клаузул, отдельно обозначавших, например: «имена, фамилии, звания лиц, совершавших сделку; род самой сделки и ее предмет; условия о цене, уплате и т.п.» [Лаппо-Данилевский 1920:137].

Историки права сходятся в том, что практическое расчленение какого-либо акта, выделение из его состава отдельных клаузул

должно базироваться на точном понимании текста акта, на его грамматическом строе. Грамматически выделенная часть текста заключает в себе по смыслу определенно выраженное и запечатлеваемое то или иное отдельное действие: «Состав клаузул и порядок их расположения в данном отдельном акте являются теми характерными признаками, которые определяют собой то, что называется формуляром акта или его клаузальным составом. Таким образом, формуляр акта можно определить как порядковый перечень клаузул, входящих в данный акт, с точным обобщенным указанием их содержания» [Веретенников 1916:11].

В лингвистических работах термин *формуляр* определяется следующим образом: «*Формуляр* — стандартная языковая структура, позволяющая сопоставлять деловые тексты на высшем языковом (филологическом) уровне. Формуляр документа — совокупность расположенных в установленной последовательности реквизитов документа. Реквизит документа (автор, адрес, дата, заголовок и т.п.) — обязательный информационный элемент, присущий определенному виду письменного документа» [Качалкин 1988:5].

Формуляром будем называть «языковую оболочку», набор устойчивых формул, в которую «облекалось содержание акта» [Волков 1974:21].

Признается, что особенность языка актовых текстов состоит в том, что основное их содержание передается формулами. Так, В.Я.Дерягин указывает: «Для периода сложившейся деловой письменности в языковом отношении под *формулой* целесообразно понимать фразеологизм номинативного или коммуникативного характера, а также словосочетание, синтаксическую конструкцию (модель предложения) с более или менее постоянным лексическим составом. В отдельных случаях формула может состоять из нескольких предложений, связанных между собой синтаксически и по смыслу» [Дерягин 1980:21].

Как видим, историки анализируют текст с точки зрения его «смысла» и «грамматических структур» и выделяют дипломатическую схему документа; языковедов интересуют специфика жанра делового текста: стилистика, «синтаксическое строение, семантика фразеологизмов и отдельных слов» [Дерягин 1980:22].

По мнению А.Н.Качалкина, характерные особенности жанра проявляются «в соотношении и расположении отдельных содержательных и формулярных элементов» [Качалкин 1988:5]. Рассматривая формуляр с позиций речевого акта, А.Н.Качалкин выделяет в нем оформляющую и содержательную часть, что также позволяет говорить о выделении частей (структур) текста: в документах формуляр «закрепляет» модальные значения в определенных строгих формулах. «Оформляющая часть формуляра определенно называет участников речевого акта. Содержательная часть документа дает предмет речи и содержит словесные формулы, подчеркивающие взаимоотношения между участниками речевого акта. А это значит, что в тексте документа выражена связь между словом и делом » [Качалкин 1988:26].

Описывая особенности формуляра деловых документов, языковеды используют методику, предложенную В.Я.Дерягиным.

В.Я.Дерягин предложил трихотомический подход в лингвотестологическом исследовании актов. Так, первый этап изучения памятников деловой письменности состоит в выяснении типичного для данного вида текстов шаблона (формы такого текста в самом общем виде). Второй этап изучения источников (возможен при сравнительном изучении группы текстов) состоит в выяснении черт, характеризующих изложение отдельных писцов. На третьем этапе возможно выявление влияния заказчика (автора) на форму и язык текста [Дерягин 1971:151].

Языковеды применяют термины, позволяющие раскрыть специфику формуляра делового текста. Так, С.С.Волков (1980), описывая структуру и формуляр деловых документов, используют термины дипломатики *начальный протокол, конечный протокол*. А.В.Волынская (1992), рассматривая структуру документов, использует термины *вводная часть, итоговая запись, элементы формуляра*, для обозначения устойчивых сочетаний — *формула, формулировка*. Н.В.Викторова (1994) применяет термин *блок*. Она представляет письмо в виде цепочки блоков: начальный блок — от одного до десятков блоков основного содержания — конечный блок. Е.И.Рудозуб (1999), определяя стилеобразующие средства жанров делового и бытового общения в русском языке XVII века, отмечает, что «текст как наиболее полное, законченное высказывание имеет определенную структуру, композицию, составляющую

его единство; целесообразнее использовать не термин клаузула, а нужно говорить о структурных или композиционных частях текста; части текста могут члениться на более мелкие единицы, объединяющие несколько фраз». М.С.Выхрыстюк (1999) в формуляре текстов Тобольского мужского Знаменского монастыря второй половины XVIII века выделяет *клаузулы*: начальная, средняя (казусно-мотивировочная, констатирующая) и конечная. М.Д.Мазурин, исследуя монастырские тексты, обратил внимание на «структуру, основные формулярные средства и трафареты, при помощи которых оформлялись монастырские описи» [Мазурин 2000:9]. О.В.Трофимова (2000), анализируя купчие, рассматривает их с позиций текста, вводит термины *блок*, *текстовый блок*, *композиционный блок*, *структурный блок*. О.В.Баракова определяет формуляр таможенных книг *как состав субтекстов,* «структурно-семантических образований, иерархически организованных в рамках целого текста»; считает, что стандартность языковой структуры делового документа обусловлена стандартностью композиции (типичным «набором» типовых субтекстов) и совокупностью языковых средств, составляющих специфику данного типа текста. Формуляр целого текста рассматривается языковедом как совокупность формуляров субтекстов [Баракова 2003:60].

В последнее время при описании деловой письменности лингвисты используют термин *текст*.

В современном языкознании не существует терминологической строгости в употреблении термина *текст*, границы понятия нечетки; проблемы текстообразования, с точки зрения порождения, функционирования текста, лингвистами сводятся к активному апеллированию самой категорией *текст* и к описанию отдельных текстовых структурных составляющих.

Исследователи деловых текстов ссылаются на определение Т.М.Николаевой, представленное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», как общеизвестное. Считаем, что текст — феномен, исследование которого невозможно сводить к описанию только факта языка или фактов речи, речевой деятельности. Лингвисты понимают текст как диалектическое единство динамического процесса текстопорождения и статической данности — результата этого процесса [см., например, об этом Сы Ын Ён, 2000:56].

Деловым текстом (или текстом делового содержания) считаем текст, используемый в определенной сфере общественной жизни (делопроизводственной), определенной социальной коммуникации (деловой), обладающий свойствами цельности, связности и завершенности, обеспечивающими реализацию авторского замысла, имеющий определенное структурно-логическое оформление, композиционную структуру и обладающий определенными функционально-стилистическими и жанровыми характеристиками [Баракова 2003:46].

Вслед за О.В.Бараковой субтекстом делового текста считаем композиционно-концептуальную текстовую единицу, обладающую самостоятельной структурой и в то же время подчиненную общей текстовой интенции [Баракова 2003:55].

Жанровая структура деловых текстов того или иного жанра рассматривается нами как система субтекстов, которые, взаимодействуя друг с другом в линейной прогрессии текста, обеспечивают его композиционно-смысловую целостность.

Методика анализа делового текста, предложенная О.В.Бараковой, отражает композиционно-смысловую схему документа, способствует выявлению текстовых смысловых инвариантных единиц, функционирующих в рамках делового текста определенного жанра. О.В.Баракова уточняет: «В основе анализа делового документа лежит идея обусловленности концептом-доминантой линейной и смысловой структур делового текста. Содержание концепта, эксплицируемое средствами языковой номинации, связано с жанрово-стилевым и композиционным устройством текста. Концепт-доминанта репрезентируется через структуры делового текста — субтексты, с помощью которых композиционно «рассредоточено» информационное пространство. Стандартность композиции деловых текстов обусловлена типичным «набором» типовых субтекстов, находящихся в системных отношениях иерархической взаимообусловленности и отражающих доминирующий концепт» [Баракова 2003:55].

В работе мы учли опыт применения методов дипломатики в лингвистических исследованиях и использовали методики анализа делового текста, разработанные В.Я.Дерягиным и О.В.Бараковой.

1.4. Концепт как универсалия, влияющая на стилистико-текстовую организацию делового документа

Существующие функционально-стилистические подходы к изучению делового документа направлены на выявление стилистико-текстовой организации, обусловленной экстралингвистическими универсалиями.

Экстралингвистические универсалии, например, эпистемическая ситуация, концепт, определяют характер смысловой организации текстов (научного, художественного или делового). Так, Е.А.Баженова в своих исследованиях, посвященных анализу научного текста, использует понятие эпистемической ситуации, означающее «совокупность взаимосвязанных признаков коммуникативно-познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, рефлективного и коммуникативно-прагматического аспектов, оказывающих систематическое влияние на формирование научной речи, реализованных в научном тексте и определяющих его композиционно-смысловую и стилистико-речевую структуру» [Баженова 2001:19].

В современных исследованиях текстов разных стилей, наряду с термином *эпистемическая ситуация*, используется термин *концепт*.

В отечественной лингвистике термин *концепт* появляется во второй половине XX века и воспринимается как сугубо инородный, требующий углубленных комментариев [Слышкин 2000]. Пришедший в лингвистику из математической логики, он наполняется различным содержанием в работах по философии и истории языка, культурологии и лингвокультурологии, литературоведению, этно- и психолингвистике.

К концу XX — началу XXI вв. выделились два основных подхода к изучению концептов: когнитивный (Савченко 1972; Арутюнова 1992, 1993; Бабушкин 1996; Лихачёв 1997; Попова 2000; и др.) и лингвокультурологический (Морковкин, Морковкина 1994; Степанов 1997; Вежбицкая 1999; Проскуряков 2000; Красавский 2001; Карасик, Слышкин 2002 и др.).

Когнитивный подход включает в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей

языка. Совокупность концептов, концентрирующих в себе основу культуры нации, образует концептосферу данного языка. Лингвокультурологический подход рассматривает концепт в рамках проблемы «язык-сознание-культура», с точки зрения его места в системе ценностей, функций в жизни человека, этимологии, истории, вызываемых им ассоциаций.

Согласно когнитивному подходу, мы рассматриваем концепты как «лексические единицы» [Кубрякова 1996:6], в значении которых просматривается «способ (форма) семантического представления культуры и знаний о мире» [Ипанова 2001:10].

В настоящее время дефиниции термина *концепт* различны и раскрываются через «понятие» («концепт — понятие») (Чесноков 1967; Савченко 1972; Аскольдов-Алексеев 1997; Степанов 1997 и др.) и «смысл» («концепт — то же, что и смысл») (БТС 1998: 454; Красных 1998; Колесов 1999; Савельева 2006 и др.).

А.Г.Лисицин раскрывает концепт в двух значениях: 1) «первоначальное представление, стимулирующее порождение слова»; 2) «слово духовной культуры» [Лисицин 1994:98].

Е.И.Зиновьева, анализируя деловые тексты записных кабальных книг Московского государства XVI—XVII вв., также использует понятие *концепт*. Важными являются положения автора о том, что «концепт — воспроизводимая базовая односторонняя единица ментальной сферы. Образ, понятие, символ — единицы, также относящиеся к ментальной сфере. <...> Концепт может быть основан как на образе, так и на понятии и символе, нельзя употреблять термины концепт и понятие как равнозначные. <...> Концепт — это внутренняя форма слова; относительно же понятия концепт — это содержание понятия, которое, постепенно развиваясь, обрастает объемом [Зиновьева 2000:125].

В своем исследовании мы используем (вслед за Е.И.Зиновьевой) термины *понятие* и *лексическое значение слова*, вкладывая в них традиционное содержание: понятие — «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности, посредством фиксации их свойств и отношений; свойства и отношения выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесенные с классами предметов и явлений»; лексическое значение слова — «содержание слова, отображающее

в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении» [Зиновьева 2000:125].

При анализе деловых документов языковеды говорят о концептосфере деловых текстов. Концепты могут быть объединены в концептосферу — совокупность концептов, присущих сознанию отдельного индивидуума (индивидуальная концептосфера), характерных для той или иной нации (национальная концептосфера) и т.д. Концепты определенного национального языка в своей целостности, взаимосвязи и взаимообусловленности составляют концептосферу языка в определенную эпоху. Концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно [Лихачёв 1997; Зиновьева 2000]. Согласимся с мнением О.В.Бараковой, считающей концептами «универсалии, соединяющие в себе экстралингвистические и лингвистические характеристики, развивающиеся в линейной прогрессии текста; организующие структуру и систему смысла делового текста, влияющие на его жанрово-стилевые особенности <…> Концепты делового текста образует специфическую концептосферу, некую целостность, которая эксплицируется, прежде всего, через доминирующие лексические множества» [Баракова 2003:50].

Когда концепт получает языковое выражение, то используемые языковые средства выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.

Концепт репрезентируется в языке:

— готовыми лексемами и устойчивыми сочетаниями из состава лексической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» схемы;

— свободными словосочетаниями;

— структурными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);

— текстами или совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [Карасик, Слышкин 2001:75—80].

При описании концептов языковеды обращаются к словам, соответствующим универсальным философским концептам *(правда/истина, долг/обязанность, свобода/воля, добро/благо)*; понятиям, специальным образом выделенным в русской языковой

картине мира *(судьба, душа, жалость)*; к уникальным русским концептам *(тоска, удаль)*; к «мелким» словам, выражающим национальный характер *(авось, небось)*.

В настоящее время появляются работы, в которых дается анализ не менее важных конкретных концептов. Так, О.В.Баракова, характеризуя фрагмент языковой картины мира в таможенных книгах Московского государства XVII века, описывает концепт *таможенный сбор*.

Термин концепт связан с термином языковая картина мира. «В зависимости от аспектов и объема мира действительности, отображаемого языковой картиной, различаются глобальная картина мира, универсум (мир в полноте и целостности) и локальная картина мира (мир в одной из его составляющих, фрагмент мира). Наблюдается тенденция отображения в первую очередь локальных картин мира» [Баракова 2003:49]. В качестве рабочего определения термина языковая картина мира принимается определение Е.И.Зиновьевой: «Языковая картина мира — зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [Зиновьева 2000:14]. Заслуживает внимания мнение Е.И.Зиновьевой о том, что «при изучении языковой картины мира на материале письменных памятников прошлых веков следует учитывать наличие двух языковых картин, накладывающихся друг на друга, современного исследователя и автора памятника как представителей языковых личностей двух разных эпох» [Зиновьева 2000:15]. Однако В.Б.Касевич отмечает, что «есть ментальные и культурные доминанты, которые удерживаются, несмотря на радикальные сдвиги в типе ментальности и культуры» [Касевич 1996:15]. Е.И.Зиновьева подчеркивает: «Эти доминанты и составляют базовую часть картины мира носителей определенного языка, а совокупность языковых знаний, отражающих ментальные семантические оппозиции в области лексики и грамматики данного языка, составляют базовую инвариантную часть национального языка» [Зиновьева 2000:17].

При изучении деловых документов можно говорить об обобщенной языковой личности эпохи, т.е. о нулевом и первом уровнях структуры, об их инвариантной части. Но и на этих уровнях невозможна полная реконструкция семантико-строевой организации (общерусского языкового типа) и тезауруса личности, цельной

картины мира только на материале деловых документов. Для полной реконструкции первых двух уровней языковой личности необходимо изучение всех дошедших до нас памятников языка, всей совокупности текстов различных жанров. Реконструкция второго, по терминологии Ю.Н.Караулова, уровня языковой личности — устойчивого комплекса коммуникативных черт — в этой связи особенно сложна [Караулов 1996]. Поэтому в данной работе мы можем говорить лишь о фрагментах языковой картины мира, отраженных в деловой письменности XIX века, — репрезентации картины мира с устойчивым комплексом коммуникативных черт. Фрагментом языковой картины мира мы будем называть совокупность моделей, дающих разные интерпретации одного и того же понятия [Яковлева 1994].

В настоящей работе при описании содержания концептов в деловых текстах в качестве основополагающих мы приняли следующие положения:

1) система культурно-национального миропонимания передается из поколения в поколение с помощью языковой картины мира, которая опосредована культурным знанием;

2) фундаментальную основу языковой картины мира составляют концепт — «содержательная единица ментального лексикона, отражающая предметы и явления реального или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде, служащая для передачи информации об окружающем мире, определяющая национальное своеобразие языковой картины мира» [Савельева 2006:13];

3) репрезентантами концепта в языке выступают разноуровневые языковые средства (лексические, словообразовательные, стилистические, грамматические).

1.5. Антропонимия в деловом тексте

Антропонимия представляет собой неисчерпаемый источник для изучения языка и культуры ее народа. Современным исследователям свойственно представлять процесс создания имени собственного как разновидность кодирования историко-культурной информации. При таком подходе антропонимия может рассматриваться как своеобразный культурный текст [Занадворова

2003:20]. Для исторической ономастики особую значимость имеет положение о том, что имена собственные содержат ценные сведения о развитии языка и являются источником этнокультурной и социокультурной информации.

Актуальным направлением современных лингвистических исследований является историческая антропонимика, описывающая антропонимические системы. Изучением антропонимии новгородских памятников деловой письменности занимались Н.В.Комлева (2005), томских — В.В.Палагина (1968), воронежских — Н.К.Фролов (1973, 1977), Устюга Великого, Тотьмы, Устюгского и Тотемского уездов — Ю.И.Чайкина (1994), С.Н.Смольников (2005), карельских — И.А.Кюршунова (1994), уральских — Н.Н.Парфёнова (2002), смоленских — И.А.Королёва (2000), Н.В.Медведева (1999). Исследованием антропонимии Тюменской области занимались Е.Ю.Сидоренко (2005), Л.Г.Замалутдинова (2007), М.С.Выхрыстюк (2008) и др.

В современной лингвистике выделяется три основных подхода к описанию антропонимической семантики. Сторонники первого подхода считают имена собственные номинативными единицами; в рамках второго подхода имена собственные рассматриваются как единицы, обладающие значением лишь в речи, но не в системе языка; третий подход к изучению семантики имен собственных основывается на утверждении специфики лексического значения имен собственных по сравнению со значением апеллятивов. М.Косничану, В.И.Супрун, Е.А.Тарнопольская рассматривают в семантической структуре имени собственного национально-культурный компонент значения, содержащий многочисленные микрокомпоненты — фоновые, ассоциативные, этимологические, сакральные и другие семы. Именно национально-культурный компонент значения соединяет знак и концепты, стереотипы, эталоны, символы, на основе которых происходит формирование языковой картины мира [см. об этом: Смольников 2005:24].

Основными функциями имен собственных принято считать номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую. В качестве дополнительных («пассивных») функций исследователи называют социальную, эмоциональную, аккумулятивную,

дейктическую, функцию «введения в ряд», адресную, экспрессивную, эстетическую и стилистическую [Бондалетов 1983:21].

Классификационная функция по-разному проявляется у различных разрядов антропонимов. В календарных именах она выражена за счет специализации языковых единиц, в отчествах и фамилиях — за счет формальных показателей.

Исследователи антропонимии нередко отождествляют понятия идентификации лица и антропонимической номинации (предмет назван именем собственным — значит идентифицирован). При характеристике основных функций имени собственного языковедами учитываются «номинативная, или идентификативная функция (функция номинации, или идентификации)» и функция индивидуализации — «способность называть, идентифицировать единичный, неповторимый факт действительности» [Белецкий 1972:8]. В работах по исторической ономастике также под идентификацией понимается «номинация с учетом степеней известности лица другим» [Королёва 2000:40]. Между тем идентификация и номинация существенно отличающиеся друг от друга явления.

Идентификация предполагает установление тождества объекта самому себе при употреблении имени в разных контекстах [Арутюнова 1999:273].

Одна из важнейших причин парадигмообразования в номинативной системе антропонимии — это поиск оптимальных средств идентификации лица в речи, что требует рассмотрения идентифицирующей способности разных номинативных вариантов актуальных антропонимов с точки зрения их определенности/неопределенности.

Понятие определенности/неопределенности в лингвистике очень тесно связано с более общими категориями актуализации и референции. «Под референцией принято понимать соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями в речи. Именам собственным свойственно конкретно-референтное употребление, в речи они соотносятся с единичным, индивидуальным объектом действительности (уникальная референция), идентифицируют его с предметом речи» [Смольников 2005:63].

Учитывая традиционное для отечественной ономастики деление личных существительных на «идентифицирующие» (всегда

референтно определенные знаки, антропонимы) и «характеризующие» (апеллятивы), в именовании лица разграничиваем антропонимические средства и дополнительные апеллятивные конкретизаторы антропонимов.

«Определенность референции в естественном языке связана с такими семантическими противопоставлениями, как известность/неизвестность для говорящего, индивидуализированность/неиндивидуализированность, фокус эмпатии говорящего, предположение говорящего об известности/неизвестности объекта слушателю, а также с условиями речевого общения: непосредственным контактом собеседников или его отсутствием, нахождением предмета речи в поле зрения собеседников, субъективным намерением говорящего представить предмет как определенный или неопределенный» [Падучева 1996:245].

Разграничивая прагматический и логический подход в интерпретации определенности/неопределенности, А.Д.Шмелёв отмечает, что с точки зрения прагматики речи определенность связана с известностью референта участникам коммуникативного акта, при этом известным «считается любой объект, который когда-либо был введен в поле зрения участников коммуникации» [Шмелёв 2002].

При подходе, допускающем рассмотрение в составе антропонимической номинации и апеллятивных, и антропонимических средств, выделяются собственно антропонимические, апеллятивные и антропонимо-апеллятивные именования.

Отличие устойчивого антропосочетания (составного антропонима) от описательной антропонимической конструкции заключается в том, что степень слитности их компонентов различна. Составные антропонимы воспроизводят устойчивый порядок компонентов, не допускают их свободной перестановки относительно друг друга, в то время как антропонимические сочетания дескриптивного типа, включающие в свой состав посессивные компоненты, обладают свободой расположения компонентов именования.

Исследователи категории определенности/неопределенности отмечают ее связь с актуальным членением высказывания, выделением в его составе данного (известного) и нового, указывают на

зависимость референции имени собственного от коммуникативной организации предложения [Арутюнова 1999:5].

Наиболее ярко обнаруживается связь личного именования с категорией посессивности. Понятие посессивности антропоцентрично по своей сути. В его основе лежит представление о лице, связанном различного рода отношениями с предметами, явлениями, событиями, которые в совокупности образуют личную сферу человека. «В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян 1995:645—646].

Исследователи категории посессивности описывают ее в разных аспектах, предлагают различную трактовку понятия посессивности, по-разному очерчивают круг языковых средств, служащих для ее выражения [Чинчлей 1996:100—101].

Понятийное поле посессивности недостаточно исследовано в лингвистических работах. Общая семантика категории определяется посессивной ситуацией, предполагающей наличие посессора (лица-обладателя), предмета обладания и отношения между ними. И современной науке сложились как узкий, так и широкий подход в описании посессивности [Бондарко 1996:99]. При узком подходе посессивные отношения трактуются только как отношения собственно принадлежности /обладания. При широком подходе признак посессивности не отождествляется с понятием «владение» и связан с ним отношениями включения [Селивёрстова 1982:26]; помимо значений принадлежности и обладания понятийное поле посессивности при такой трактовке включает отношение части к целому (значение партитивности), свойства к его носителю (посессивно-экзистенциальное значение), предметного или непредметного продукта к его производителю (посессивно-креативное значение), взаимообусловленности расположения предметов в пространстве (посессивно-локативное значение) и др.

Функциональное поле посессивности в русском языке полицентрично и структурируется в соответствии с типологией средств выражения. Исследователи разграничивают предикативную и атрибутивную посессивность.

Справедливо утверждение Т.Ф.Ефремовой о том, что «отчества, будучи именами существительными, занимают особое место в системе посессивных средств. Образованные по регулярным словообразовательным моделям и оформленные специфичными суффиксами со значением «лицо, которое имеет родственное отношение (является сыном) к тому, кто назван мотивирующим именем существительным» [Ефремова 1996:322].

Особый статус отчеств (патронимов) в системе антропонимической лексики отмечался в работах по общим проблемам современной русской антропонимии. Исследователи указывали на переходное положение патронимов в системе современных нарицательных и собственных имен, называя их «полуантропонимами — полуапеллятивами» [Пеньковский 1976; Ратникова 1992], семантика которых обусловлена внутренней формой посессивных образований.

Вопрос о посессивном характере отдельных групп имен собственных часто ставился в исторической ономастике. Связь древнерусских патронимов и прозваний по мужу с категорией посессивности обстоятельно описана в работах Р.Мароевича (1981; 1986; 1990), Б.О.Унбегауна (1977). При описании зависимых компонентов личного именования в деловых документах обычно используют формулы, указывающие на их посессивную природу: «именование по отцу», «именование по мужу».

Антропонимия описывает патронимы и фамилии преимущественно с формальной точки зрения. Наименование лица рассматривается не как функциональное целое, а как набор отдельных самостоятельных элементов, соединенных друг с другом по определенной формальной модели. Отдельно вычленяются компоненты, оформленные патронимическими суффиксами, отдельно — сопутствующие термины. Термины родства, включенные в именование *(Иванов сын, Михайлова дочь, Петровская жена)*, рассматриваются как формальные показатели полуотчества или прозвания по мужу. Основная функция этого компонента определяется

как уточнение статуса антропонима (Чичагов 1959; Палагина 1968; Зинин 1969 и др.).

Определение специфики антропонимов/антропосочетаний с релятивной функцией требует рассмотрения именования лица в деловых документах и его компонентов в ряду сходных синтаксических конструкций с посессивным значением и конкретно-референтной отнесенностью, а также выявления некоторых условий, влиявших на функционирование данных единиц в деловой письменности XIX века. В данной работе, вслед за С.Н.Смольниковым, под антропонимической формулой понимаем «структурную схему (модель) антропосочетания, характеризуемую определенным компонентным составом и порядком расположения элементов» [Смольников 2005:74].

Для выявления особенностей функционирования антропонимических единиц в МК необходимо рассматривать их в контексте других средств, используемых для идентификации лица в документе. Поэтому при анализе следует выделять не просто сочетание антропонимов, а единицу, включающую более широкий круг средств идентификации и характеристики лица в МК, представляющую их сочетание и равную единому структурному отрезку текста. Именование лица может быть определено как речевая номинативная единица, использующая совокупность антропонимических и неантропонимических средств, связанных между собой, расположенных в определенной последовательности и относящихся к одному референту. Содержание и структура официального именования в деловой письменности обусловлены требованиями к объему и характеру информации о лице в документе.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Обзор работ историков позволил проследить становление метрики в России. Впервые ведение метрических книг было законодательно оформлено Московским собором в 1666 году. Однако практика ведения метрических книг начала осуществляться с 1702 года (указ Петра I). На территории России с 1722 года началось повсеместное ведение книг церковного учета (метрических книг). Синодским указом с середины XVIII века было предписано введение

графических форм метрических книг, что способствовало упорядоченности и единообразию записей в них. Указом Синода 1779 года закреплялось ведение книг в двух экземплярах и обязательность наличия книг в приходах. К этому времени оформились требования к внешнему виду метрической книги. К середине XIX века появляется обновленная форма ведения метрик (в формуляр добавляются графы, в которых содержатся удостоверение событий церковнослужителем и свидетелями (при рождении) и поручителями (при бракосочетании), подпись священника, совершившего обряд). В таком измененном виде формуляр метрических книг просуществовал до 1917 года. На этом был завершен активный период документирования метрик.

Метрические книги историки относят к частноправовым актам церковного права с конкретным типом формуляра, соответствующим совокупности отдельных типов документов, объединенных общим графическим формуляром.

Историки занимались изучением данного источника с XVIII века. По данным МК они освещали вопросы культа и права, издания и комментирования законоположений, касающихся церковно-приходского учета; демографии, документирования актов гражданского состояния. Историки констатировали, что к концу XIX века метрики стали одной из самых устойчивых документных систем. На материале МК Сибири ими предложены выводы о развитии семей сибирских горожан.

Метрические книги, отражающие процессы развития русского языка, также заинтересовали языковедов. Лингвистические работы, посвященные изучению МК, появились значительно позже, и их количество невелико. Объектом лингвистического исследования, главным образом, стал антропонимикон различных регионов (календарные имена, а также зарождающиеся отчества, фамилии различного происхождения). Языковедами представлены отдельные наблюдения стилистического и лексикографического характера МК.

В работе предложена классификация видов МК. Метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления по месту откладывания и документирования определяем как приходские; по конфессиональному признаку — православные; по авторскому признаку — двуклировые и трехклировые;

по характеру воспроизведения — беловые церковно-приходские книги; по статусу церкви — метрические книги монастырских церквей, имеющих приход.

Рассмотрение жанра МК первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления потребовало освещение проблем, связанных с современными подходами к изучению деловой письменности с позиций исторической стилистики и лингвистического источниковедения.

В первой главе определены составляющие жанрово-стилевой, структурной, формулярной, антропонимической характеристик делового текста. Концепт рассмотрен как универсалия, влияющая на стилистико-текстовую организацию делового документа. Метрические книги являются ценным историческим и лингвистическим источником, в котором представлена совокупность хронологических записей о рождении, браке и смерти по установленной форме.

Использован терминологический аппарат, позволяющий описать жанрообразующие признаки МКТ: текст, деловой текст, субтекст, формуляр, формула, концепт, языковая картина мира, фрагмент языковой картины мира, антропонимическая формула, антропонимические и неантропонимические характеристики лица, посессивность, определенность/неопределенность лица.

В последнее время в описании деловых документов все больше обращается внимание на анализ языковых единиц в структуре целостного текста определенного жанра.

Языковеды, как и историки, классифицируют деловые памятники (акты, документы, жанры деловых текстов). Обзор данных классификаций позволяет отнести МК к регистрационной документации.

Исследователи, как правило, описывают жанрообразующие признаки (от трех до семи) делового документа (назначение документа, сфера употребления и авторства, общественное положение автора и адресата, информативность и форма акта, самоназвание документа, функциональная направленность документа, целевая установка, диктум, фактор прошлого, фактор будущего, формальная организация, сходство формуляра документов и т.п.). Большинство лингвистов среди жанрообразующих признаков делового документа выделяют самоназвание, цель (коммуникативная) и функциональное основание.

Исследуя деловые документы (МК), учитываем следующие жанрообразующие характеристики:

1) *самоназвание документа* (метрическая книга);

2) *коммуникативную цель* (констатация фактов и событий рождения, заключения брака, смерти);

3) *отношение содержания текста к предметной ситуации (сфера использования)* (регистрация актов гражданского состояния);

4) *формуляр* (сходство формуляров субтекстов МК);

5) *формулы* (функционируют в составе субтекстов, представляющих стандартные записи о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших).

Жанр рассматриваем как тип текста с единой модальностью. При определении содержательных и структурных компонентов жанра проводится формулярно-содержательный анализ документов, поскольку именно в формуляре в конкретных формулах закрепляется модальное значение жанра. Один из жанрообразующих признаков деловых текстов — сходство формуляра. Стандартность структуры и формуляра подготавливают к восприятию определенной информации, заключенной в документе. В настоящей работе мы учли опыт дипломатического анализа формуляра актов, использовали лингвотекстологический анализ делового документа.

Проблематика жанра текста связана с теорией функциональных стилей. Жанрообразующие признаки деловых документов (в том числе метрических книг) могут быть рассмотрены как стилеобразующие, а жанровая информация — как стилистическая.

Тексты определенного жанра имеют в своем составе набор устойчивых сочетаний. Формулярные средства варьируются внутри отдельных жанров. Стабильные, а затем и стандартизованные элементы формуляра распространяются лексико-фразеологическими средствами терминологического и нетерминологического характера, развертывающими и дополняющими основное содержание документа. Первый уровень проявления этих черт — формуляр, в котором стереотипность выражений представлена в наиболее яркой форме. Формуляр — высший языковый уровень документа. Полагаем, что сама структура формуляра — первый стилеобразующий признак и показатель стиля. Формулы в деловых документах выполняют не только номинативную функцию,

но и выступают как формо- и стилеобразующие средства делового документа.

В исследованиях последних лет языковедами учитываются закономерности устройства делового текста в целом, его строевые единицы. В жанрово-стилевом описании деловых текстов предпринимаются попытки анализа от целого текста к его частям, а также учитывается соотнесенность всех стилеобразующих средств с жанровыми установками в реальных условиях деловой коммуникации.

Анализируя жанры деловой письменности, историки языка используют такую универсалию, как концепт. Концепты также связаны с жанрово-стилевыми характеристиками документа и отражают историю его возникновения и бытования. Описание концептов, репрезентированных в составе формул деловых текстов, позволяет говорить о некоторых общих закономерностях отражения определенных фрагментов языковой картины мира (в МК — связанной с регистрацией актов гражданского состояния).

В формуляре субтекстов делового документа формулы (слова, словосочетания, предложения) в разной степени репрезентируют концепты. Концепт репрезентируется в языке готовыми лексемами и устойчивыми сочетаниями и предложениями.

Описывая антропонимическую систему делового текста определенного жанра (МК), учитываем, что личные имена, патронимы и фамильные прозвания указывают на идентифицирующую функцию лица. Учитываем следующие признаки антропонимических формул и именований: компонентный состав, компонентный состав антропосочетаний; степень номинативной связанности компонентов; определенность/неопределенность именования лица.

Комплексному лингвистическому анализу (с учетом жанрово-стилевой, структурной, формулярной, концептуальной, антропонимической характеристик делового текста) метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления не подвергались.

Глава 2
СТРУКТУРА И ФОРМУЛЯР МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ: СУБТЕКСТОВЫЙ СОСТАВ, ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

2.1. Структура метрических книг

Структура текста, его формуляр, бесспорно, предопределяют стилевые свойства делового текста. Ученые предлагают рассматривать композицию текста как жанровую схему и данный подход определяют как структурный. А.А.Кибрик указывает: «Жанровая схема, соответствующая жанру X, — это последовательность компонентов» [Кибрик 2009:10].

«Жанровая схема» метрических книг Тюмени включает стандартный набор «компонентов» — пять субтекстов: субтекст заголовка, субтекст части 1 (о родившихся), субтекст части 2 (о бракосочетавшихся), субтекст части 3 (об умерших), субтекст итоговой таблицы (см. Приложение). Метрические книги заканчивались итоговой таблицей, в которой фиксировалось общее количество родившихся, бракосочетавшихся и умерших за год.

2.2. Формуляр субтекстов заголовков

В настоящей главе рассматривается формуляр текстов метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления, представленный субтекстом заголовка, субтекстом части 1 (о родившихся), субтекстом части 2 (о бракосочетавшихся), субтекстом части 3 (об умерших), субтекстом итоговой таблицы.

Анализ субтекстов начнем с исходных субтекстов заголовков метрических книг и их разделов (лингвистическому обозрению подвергнуто 22 субтекста).

Согласимся с утверждением А.Н.Качалкина о том, что «самоназвание — сильный, исключительно насыщенный семантически элемент документа. <…> Будучи представителем и заместителем целого документа, самоназвание позволяет представить проблемно-тематическое содержание документа. А через него и само дело» [Качалкин 1998:92].

Рассмотрим формуляр субтекстов заголовков в следующей хронологии: с 1802 года до 1860 года, что позволяет определить тенденции в их структурно-семантическом оформлении.

Анализ субтекстов заголовков метрических книг позволяет констатировать, что заголовки священнослужителями оформлялись ко всей книге и к каждой части метрической книги, соответствующей виду регистрации (о родившихся, о бракосочетавшихся и об умерших). Субтексты заголовков, оформленные ко всей книге в целом, весьма пространные: *Метрическая книга Градо-Вознесенской церкви — Метрическіе книги записи родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ по приходу (1802—1830 гг.) на 273 листахъ* [ГТВЦ, 1802, л. 1 об.]. *Метрическая книга, данная изъ Тюменского Духовнаго Правленія въ Градо-Тюменскую Знаменскую церковь для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ* [ГТЗЦ, 1860, л. 1 об.].

Субтексты заголовков разделов (частей) МКТ структурно-семантически «усечены»: *Метрическая книга о рожденіи* [ГТПИЦ, 1802, I, л. 3 об.], *Метрическая книга о бракосочетаніи* [ГТПЦ, 1802, II, л. 104 об.], *Метрическая книга о умершихъ* [ГТВЦ, 1802, III, л. 203 об].

Анализ субтекстов заголовков метрических книг свидетельствует о том, что в их структурно-семантическом оформлении можно выделить единое организующее начало. Общая модель субтекстов заголовков метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления включала следующий набор структурных элементов (формул) (данной конструкцией начинается 70% рассмотренных субтекстов заголовков МК Тюмени):

[*Название книги (книг) («Метрические (-ая) книги (-а)»*] + [*название церкви*] + [*указание разделов книги (для записи, о записи, записи), удостоверяющих события рождения (крещения), бракосочетания (венчания), смерти (погребения)*] + [*по приходу…*] + [*дата*] + [*количество листов*].

Например: *Метрическіе книги Градо-Вознесенской церкви о записи родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ по приходу (1802—1830 гг.) на 273 листахъ* [ГВТЦ, 1802, л. 1 об.]. *Метрическіе книги Градо-Тюменской Пророка-Ильинской церкви записи родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ по приходу (1809—1842 гг.) на 319 листахъ* [ГТПИЦ, 1809, л. 1 об.].

*Метрическ*ie *книги Градо-Тюменской Спасской церкви о записи родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ по приходу (1825—1840 гг.) на 315 листахъ* [ГТЗЦ, 1825, л. 1 об.].

Остальные 30% субтекстов заголовков МКТ содержат характеристики, дополнительные к указанным выше.

Субтекст заголовка мог содержать информацию о том, откуда и куда направлена МКТ и с какой целью:

[*Название книги — форма единственного числа*]
+ [*сочетание данная изъ ...*]
+ [*сочетание для записи…*].

Например: *Метрическая книга, данная изъ Тюменского Духовнаго Правленiя въ Градо-Тюменскую Знаменскую церковь для записи родившихся, браком*ъ *сочетавшихся и умершихъ* [ГТЗЦ, 1860, л. 1 об.].

Следует отметить особенности оформления заголовков МКТ по церквям. В документах одних церквей заголовки довольно пространные, в других — лаконичные. Немногословен заголовок МК Градо-Тюменской Пророка-Ильинской церкви и МК Градо-Тюменской Покровской церкви: *Метрическая книга (1843—1872) на 411 листахъ* [ГТПИЦ, 1843, л.1 об.], *Метрическая книга (1843—1856) на 640 листахъ* [ГТПЦ, 1843, л. 1 об.].

Краток заголовок МК Тюменского Духовного Правления в Градо-Тюменской Знаменской церкви*: Метрическая книга* [ГТЗЦ, 1845, л. 1 об.].

В МК Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церкви заголовок книги в целом не отмечен, дата вынесена в начало заголовка: *Начата въ 1865 окончена 1865 на 116 листахъ* [ГТПИЦ, 1865, л. 1 об.].

Название Градо-Тюменской Знаменской и Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церквей находим в субтекстах скрепы, удостоверяющей записи: *Къ метрической книге Градо-Тюменской Знаменской церкви руку приложили…* [ГТЗЦ, 1845, III, л. 65 об.]. *К метрической книге Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церкви священникъ Михайловъ руку приложилъ* [ГТПИЦ, 1865, III, л. 97 об.].

В заглавии метрических книг преимущественно используется имя существительное *книга* в форме единственного числа, менее употребительна форма множественного числа *книги*. Общее

содержание заголовка метрической книги сводится к сообщению о том, в какой церкви она составлена и за какие года.

Субтексты заголовков разделов (частей) присутствуют во всех метрических книгах первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления. В МКТ записи, сходные по содержанию, объединяются в составе отдельной части (тетради): *Часть первая, о родившихся* [ГТПЦ, 1860, I, л. 1 об.]. *Метрическая тетрадь о родившихся* [ГТПИЦ, 1808, I, л. 1 об.].

В словарях русского языка XIX века существительное *тетрадь* фиксируется в значениях: 1) «предмет для произведения записей, состоящий из скрепленных листов бумаги»; 2) «несколько сшитых вместе листов бумаги, всякого обреза или меры» [САР IV: 167; Даль IV: 28] (Ср.: словарь современного русского языка определяет значение существительного *тетрадь* как «сшитые листы чистой бумаги в обложке» [Ожегов, Шведова 1999:796]).

Существительное *тетрадь* употребляется в МКТ в значении «часть консисторской метрической книги».

Охарактеризуем названия субтекстов заголовков частей метрических книг.

Название заголовка части первой (о родившихся) представлено вариантами:

1) [существительное множественного числа в И.п. + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Записи о родившихся* [ГТВЦ, 1802, I, л. 1 об.];

2) [субстантивное словосочетание метрическая тетрадь + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Метрическая тетрадь о родившихся* [ГТПИЦ, 1808, I, л. 1 об.];

3) [дата (год) + предлог *о* + субстантивированное причастие настоящего времени в П.п.]: *1810 годъ, о рождающихся* [ГТЗЦ, 1810, I, л. 1 об.];

4) [числительное + существительное часть в И.п., единственного числа + дата (год)]: *1 часть (1842 годъ)* [ГТПЦ, 1842, I, л. 2 об];

5) [субстантивное словосочетание + предлог *о* + субстантивированное причастие настоящего времени в П.п. + (название церкви (имя собственное) + существительное церковь)]: *Часть первая о раждающихся (Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь)* [ГТПИЦ, 1845, I, л. 2 об.];

6) [субстантивное словосочетание + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Часть первая, о родившихся* [ГТПЦ, 1860, I, л. 1 об.].

В МКТ названия заголовков второй части (о бракосочетавшихся) представлены тремя вариантами:

1) [существительное множественного числа в И.п. записи + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Записи о бракосочетавшихся* [ГТВЦ, 1802, II, л. 113 об.];

2) [дата (год) + существительное множественного числа в И.п. записи + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времен и в П.п.]: *1810 годъ, записи о бракосочетавшихся* [ГТЗЦ, 1810, I, л. 1 об.];

3) [субстантивное словосочетание + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Часть втарая о бракосочетавшихся* [ГТПИЦ, 1842, II, л. 89 об.].

Укажем варианты названий заголовков третьей части МК, об умерших:

1) [существительное множественного числа в И.п. записи + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Записи о умершихъ* [ГТВЦ, 1802, III, л. 207 об.];

2) [предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *О умершихъ* [ГТВЦ, 1810, III, л. 217 об.];

3) [субстантивированное причастие прошедшего времени]: *Умершіе* [ГТПИЦ, 1842, III, л. 138 об.];

4) [субстантивное словосочетание + предлог *о* + субстантивированное причастие прошедшего времени в П.п.]: *Часть третія, о умершихъ* [ГТПЦ, 1845, III, л. 197 об.].

Анализ субтекстов заголовков метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления свидетельствует о вариантности их оформления в деловых документах Градо-Тюменской Пророко-Ильинской, Градо-Тюменской Вознесенской, Градо-Тюменской Покровской, Градо-Тюменской Знаменской церквей.

2.3. Формуляр субтекстов метрических книг Тюмени: часть 1, о родившихся

Рассмотрев особенности заголовков МКТ, перейдем к анализу формуляра метрических книг. В каждой из частей МК объединяются записи, одинаковые по содержанию.

Анализу подвергается субтекст части первой (о родившихся). Одной записью в данной части фиксировались рождение и крещение детей — два разных события: естественное событие рождения и церковное совершение таинства крещения. Рассмотрение субтекстов части первой метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления свидетельствует о том, что в их структуре выделяется единое организующее начало (рассмотрено 8 000 субтекстов первой части). Данный тип записей в МК Тюмени представлен многокомпонентной моделью, состоящей из пяти формул. Все пять формул объединяются, как правило, в составе трех предложений и составляют запись стандартного субтекста о родившихся:

I
[*№ записи: раздельно для женского и мужского пола*]
II
+ [*дата рождения — дата крещения ребенка*]
III
+ [[*место жительства, сословие, род деятельности*]
+ [*фамилия, имя, отчество отца ребенка*]
+ [*имя и отчество матери с указанием на законность брака и вероисповедание*] + [*имя родившегося*]]

IV
+ [[*место жительства, социальная принадлежность восприемников, их фамилии, имена и отчества*]
V
+ [*имя священника, совершившего таинство*]
+ [*подписи свидетелей*]]

I II
Например: [*16*] [*июль 14 — июль 20*]

III

\+ [*У мhщанина Ивана Соколова и законной жены его Анны Ивановой, оба православнаго вhроисповhданiя сынъ Николай*]

IV

\+ [*Тюменскiй купецъ Иванъ Емельяновъ Макилинъ и жена почетного гражданина Марiя*]

V

\+ [*Таинство крещhнiя совершилъ протоiерей Николай Солютинскiй*]

[ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.].

В первой записи содержится указание на номер записи о родившихся. Запись представлена конструкцией: [*№ записи — количественное числительное: для женского и мужского пола*]. Первая формула представлена отдельной записью: *5* [ГТВЦ, 1802, I, л.29 об.]; *23* [ГТПИЦ, 1802, I, л.43 об.] и т.д. В МК Градо-Тюменской Вознесенской церкви содержится указание на порядковый номер записи родившихся — «№ п/п» [ГТВЦ, 1830, I, л. 56 об.]. Позднее, к середине XIX века, появляется запись — «счет родившихся» [ГТПИЦ, 1857, I, л. 27 об.].

Во второй формуле сообщается о времени рождения и крещения, обозначены месяц и число. Она представлена конструкцией [*мhсяцъ ...число рожденiя*] + [*мhсяцъ ...число крещhнiя ребенка*]. Запись о рождении и крещении указывала дату естественного события — рождения и дату церковного обряда — крещения. Вторая формула оформлена следующей записью: *декабрь 16 — декабрь 19* [ГТПИЦ, 1802, I, л. 23 об.], *августъ 2 — августъ 9* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 28 об.] и т.д.

Интервал между рождением и крещением чаще всего составлял два дня, хотя по церковному обряду крещение должно было происходить на восьмой день. Этого порядка в большей степени придерживались дворяне и мещане. Крестьяне стремились как можно быстрее окрестить детей: детская смертность была очень высокой, а смерть младенца некрещеным являлась одним из тяжких грехов родителей [Григоровский 1895:681]. В метрических записях зафиксированы все родившиеся вне зависимости от того, сколько они прожили — несколько дней, неделю или несколько месяцев: *Четырнадцатаго числа Города Тюмени у отставного*

солдата Ивана Осипова Полотина сынъ младенецъ Ѳ*едоръ* (*7 дней*) [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.]. *Города Тюмени у крестьянской дочери дѣвки Парасковы Печенкиной дочь Дарія* (*5 дней*) [ГТВЦ, 1829, III, л.10 об.].

Третья формула — [[*место жительства, сословие, род деятельности*] + [*фамилия, имя, отчество отца ребенка*] + [*имя и отчество матери с указанием на законность брака и вероисповедание*] + [*имя родившегося*]] — имеет свои конструктивные особенности: центр — антропонимическая модель[1] — дополняется сопутствующими апеллятивами референтной определенности, идентифицирующими личность отца (указаниями на местожительство, социальное положение, профессию) и личность матери (указание на законность брака), а также сообщается имя собственное родившегося:

[[*географическое наименование*] + [*трехчленная антропонимическая*]
модель именования отца

и [*законной жены* [его] *двухчленная антропонимическая*]
модель именования матери

+ [оба] + *вероисповедание* + [сын, дочь *одночленная антропонимическая модель именования родившегося*]]

Например: *Города Тюмени у крестьянина Матвія Иванова Карасева и жены его Маріи Лукиной сынъ Александръ* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 51 об.].

«Основой антропонимической системы является личное имя — обязательный языковой знак индивидуализации, первое именование определенного лица» [Наумова 2004:6].

Говоря о личном имени родителей и родившихся детей, отметим употребление идентифицирующих календарных личных имен (100%): *Иванъ* [ГТЗЦ, 1840, I, л. 36 об.], *Василій* [ГТЗЦ, 1840, I, л. 37 об.], Ѳ*едоръ* [ГТЗЦ, 1840, I, л. 37 об.], *Петръ* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 42 об.], *Романъ* [ГТЗЦ, 1942, I, л. 56 об.], *Андрей*

[1] По количеству составляющих антропонимическая модель может быть охарактеризована как одночленная, двучленная, трехчленная или многочленная.

[ГТПИЦ, 1842, I, л. 56 об.], *Татіяна* [ГТПИЦ, 1845, I, л. 57 об.], *Мавра* [ГТПИЦ, 1845, I, л. 57 об.], *Александра* [ГТПИЦ, 1845, I, л. 60 об.], *Анисія* [ГТПЦ, 1845, I, л. 68 об], *Евдокія* [ГТПЦ, 1854, I, л. 68 об.], *Анна* [ГТПЦ,1854, I, л. 70 об.], *Борисъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.], *Валентинъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.], *Стефанида* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.] и т.д.

Личное календарное имя реализовывало только самые общие семы: «человек» — «мужчина»/«женщина» и было показателем уникальной референции, указывало на конкретную индивидуальную личную отнесенность именования.

Выбор имени определялся различными внеязыковыми факторами и имел свою специфику, которая связана с особым местом христианских имен в русском языке, их особой культурной и социальной значимостью. В целом система календарных имен воплощала собой идею соборности: «Имена святых возлагаются на нас в знамение союза членов Церкви земной с членами Церкви, торжествующей на небесах. Те и другие составляют одно тело под единою главою Христом и находятся в живом общении между собою» [Булгаков 1993:955].

Именование календарным именем связано с задачей сотворения духовной сущности в человеке и включалось в обряд крещения. Цель именования — не отразить свойства, присущие человеку, его характеристику, а, напротив, задать определенный вектор развития личности. При крещении на лицо переносилось имя другого человека, достигшего высшего уровня совершенства в духовном подвиге, — святого. «Всем православным имена должны быть даваемы исключительно в честь святых Православной церкви» [Булгаков 1993:955]. Имя вводило нарекаемого в круг христиан, знаменовало их общность. При этом имя не столько выделяло лицо среди других христиан, идентифицировало его, сколько, наоборот, уподобляло христиан друг другу, объединяло их в одно целое. Особую роль в этом играла повторяемость одних и тех же имен. Исследователи антропонимии характеризуют календарные имена и отчества как «знаки более частые, менее информативные» [Вуйтович 1986:144]. В ономастических исследованиях последних лет высказывается мнение об особом отношении календарных имен к категории определенности/неопределенности в языке, в частности им приписывается

свойство «генерализующей» определенности [Уляшева 2001:66]. Отмечается способность календарных имен к идентификации лица только в сочетании со средствами фонового, речевого и ситуативного контекста [Щетинин 1999:22].

«В результате выделения класса фамильных прозваний в официальных документах стала активно употребляться трехчленная формула именования. Это было удобно, так как при этом указывалось не только имя отца (главы рода), но и родовая, фамильная связь, что в сумме давало более полное юридическое описание характеризуемого лица даже без привлечения дополнительных данных. Трехчленная формула именования быстро вытеснила двучленную» [Зинин 1969:5].

В запись МК (1 часть, о родившихся) вводилась трехчленная антропонимическая формула отца, в которой назывались имя, патроним с суффиксами *-ОВ-/-ЕВ-* и фамильное прозвание на *-ОВ*/*-ИН*/*-ЕВ*, и двучленная формула именования матери, называющая имя и полуотчество с суффиксами *-ОВ-/-ЕВ-*.

«Отчества и полуотчества возникли из именований по имени актуального главы семьи в конце XVI — начале XVII веков. В полуотчествах с суффиксами -ОВ-/-ЕВ-/-ИН- сохранялось указание и на главу семьи, и на отца, что продолжает иметь место и в настоящее время: полное разделение функций фамилий и отчеств так и не произошло. В сельской местности и сегодня употребительны отчества типа Федоров, Петров (вместо Федорович, Петрович), в семантике которых сохраняется старое указание на главу семьи, хозяина двора» [Королёва 1999:112].

Справедливо утверждение Н.Н.Парфёновой о том, что «фамилия — самая поздняя из всех антропонимических категорий, процесс ее становления в русском языке протекал одновременно с закреплением слова фамилия в качестве антропонимического термина. Вошедшее в русский язык в начале XVIII в. через посредство польского или немецкого, слово фамилия первоначально было известно как «название рода», «семьи», «жены» [Парфёнова 2002:13].

В связи с долгим процессом закрепления термина фамилия (до 30-х гг. XX века) и неоднозначно рассматриваемым вопросом о времени появления фамилий на Руси, в антропонимической

литературе имеют место составные термины «родовое прозвание, семейное прозвание, фамильное прозвание» [Королёва 1999:45].

В МКТ (в первой части) записи о родителях (полные семьи) могли включать следующие антропонимические формулы:

1. Именование отца: [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ]: *Иванъ Григорьевъ Чмутинъ* [ГТВЦ, 1860, I, л. 191 об.], *Бордирій Сергѣевъ Воложенинъ* [ГТВЦ, 1860, I, л. 192 об.], *Николай Ивановъ Яковлевъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 194 об.], *Онуfрій Сергѣевъ Волонянинъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 192 об.], F*едоръ Саfоновъ Молодкинъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 195 об.], *Иванъ Васильевъ Ларионовъ* [ГТПЦ, 1860, I, л. 193 об.].

2. Именование отца: [личное имя + фамильное прозвание на -ЕВ(-ОВ), -ИН]: *Иванъ Тарасовъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 31 об.], *Богданъ* F*еоктистовъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 33 об], *Андрей Нестеровъ* [ГТЗЦ, 1830, I, л. 34 об.], *Василій Талчинъ* [ГТЗЦ, 1830, I, л. 35 об.], *Иванъ Симаковъ* [ГТЗЦ, 1830, I, л. 36 об.], F*едоръ Скоробогатовъ* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 37 об.], *Максимъ Набоковъ* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 38 об.], *Матвій Карасевъ* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 38 об.], *Александръ Октаевъ* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 39 об.], F*едоръ Расторгуевъ* [ГТПЦ, 1830, I, л. 40 об.].

3. Именование отца: [личное имя + фамильное прозвание на -*ОГО*(-*ЕВО*)]. Незначительную группу составляют именования лиц мужского пола, в которых идентифицирующим компонентом служит фамильное прозвание, образованное от имени отца в форме субстантивированного прилагательного на -ого(-ево): *Ивана Нехорошево* [ГТВЦ, 1830, I, л. 47 об.], F*едора Дворенского* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 54 об.].

4. Именование матери: [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ/-ИН]: F*еодосія Иванова* [ГТВЦ, 1830, I, л. 35 об.], *Анна Мешандрова* [ГТВЦ, 1830, I, л. 47 об.], *Парасковія Иванова* [ГТВЦ, 1830, I, л. 47 об.], *Анна Васильева* [ГТВЦ, 1830, I, л. 50 об.], *Марія Лукина* [ГТВЦ, 1830, I, л. 51 об.], *Марианна Гилева* [ГТВЦ, 1830, I, л. 41 об.], *Акулина* F*едорова* [ГТВЦ, 1830, I, л. 57 об.], *Ксенія Яковлева* [ГТВЦ, 1830, I, л. 57 об.], *Александра* F*едорова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.], *Евгенія Артымьева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 194 об.], *Степанида Стеfанова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 190 об.], *Александра* F*едорова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.], *Наталія Александрова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.].

5. Именование матери (неполная семья): [личное имя + патроним на ОВ/ЕВ + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ]: *У крестьянки, волости Тавдинской, вдовы Стеfаниды Стеfановой Матюшиной незаконнорожденный Православнаго вhроисповhдания* [ГТВЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *У крестьянской дhвки Багандинской волости Агрипины Михайловой Сирюлевой незаконнорожденная* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 194 об.]. *У Тюменской мhщанской дочери дhвки Александры Андрhевой Войлошниковой …* [ГТПЦ, 1860, I, л. 194 об.].

Все дети, рожденные незамужней женщиной от прелюбодеяния и рожденные после смерти мужа или расторжения брака более чем через 306 дней, именовались внебрачными и записывались в метрики на имя их матерей, с обозначением таковых детей незаконнорожденными [Гончаров 2003: 6]: *У вдовы мhщанской жены Fеодосiи Артемьевой Елипсевой незаконнорожденный* [ГТПЦ, 1848, I, л. 219 об.].

У женщин, состоящих в браке, ребенок мог быть записан как «*прижитый блудно*». Вероятно, имели место случаи отказа супруга признать отцовство или очевидное для всех его длительное отсутствие [Чижевский 1896:544]: *У крестьянина Гаврила Власова Шмурыгина и законной жены его Анны Григорьевой прижитый блудно сынъ Богданъ* [ГТЗЦ, 1866, I, л. 16 об.].

В случае рождения ребенка, свадьба матери которого состоялась менее чем за 9 месяцев до его рождения, вносилась запись, что он незаконнорожденный, поскольку его мать «*вhнчалась, будучи беременною дhвицiю*». Венец не покрывал грех [Чижевский 1896:544]. Под именем ребенка писалось и подчеркивалось слово «незаконнорожденный(ая)»: F*едоръ Семеновъ Берсеневъ и Акулина* F*едорова Богдашева вhнчалась, будучи беременною дhвицiю у нихъ незаконнорожденная* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 25 об.].

Родители незаконнорожденных детей часто являлись приехавшими из других населенных пунктов (приезжие) или принудительно сосланными на поселение (поселенцы). Вероятно, они старались таким способом скрыть факт незаконного рождения ребенка [Новиков 1907]: *Ялуторовского округа Рafайловской волости у поселенца Лариона Трofимова Рогожина и законной жены его Екатерины Ивановой незаконнорожденный* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 133 об.]. *У приhзжiй дhвки Багандинской волости Татiяны*

Васильевой Унжаковой *незаконнорожденная* [ГТПИЦ, 1860, л. 193 об.]. *У приhзжій поселенке Александры Ивановой Томиловой* *незаконнорожденный* [ГТВЦ, 1860, I, л. 192 об.].

В метрической книге Градо-Тюменской Знаменской церкви зафиксирован единичный случай, когда незаконнорожденный был записан на имя отца: *У крестьянина Петра Яковлева Варакина незаконнорожденный сынъ Михаилъ* [ГТЗЦ, 1866, I, л. 34 об.].

Целям идентификации лица служили приложения и конструкции, указывающие на социальный статус, род деятельности, место жительства лица: *Резановской Губерніи Спасского Уhзда Гавриловской волости крестьянинъ Ерофей Власовъ и законная жена его поселенка Мавра Афанасьева, оба православные* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 10 об.]. *Вятской губерніи Уржумскій мhщанинъ Алексій Алексhевъ Власьевъ*...[ГТПЦ, 1860, I, л. 190 об.].

Место жительства лица в первой части МК Тюмени обозначено с помощью географических названий разного типа. Выделим основные разновидности такого типа характеристик:

1) [административно-территориальный термин (волость, село, город, деревня, округ (существительное в форме родительного падежа)]: *Деревни Яровской у крестьянина Василія Васильева и законной жены его Прасковіи Ивановой сынъ Павелъ* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 17 об.]. *Деревни Мысовской у крестьянина Федора Скоробогатова и жены его Вали Васильевой близнецы Прокопій и Василій* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 37 об.]. *Города Тюмени у крестьянина Матвея Карасева и жены его Маріи Лукиной сынъ Александръ* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 51 об.]. *Туринского округа почтмейстеръ Федоръ Васильевъ Васильевъ и законная жена его Елена Николаева, оба Православнаго исповhданія* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *Калужской волости Василій Ивановъ Курыгинъ и законная жена его Татіяна Улисова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]. *Села Ставрова крестьянинъ Иванъ Михайловъ Гуляевъ и законная жена его Анна Васильева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.];

2) [составное географическое название (уезд–волость–деревня, губерния–уезд–село, округ–волость–деревня, округ–волость)]: *Ялуторовского уhзда Бобалевской волости деревни Ершиной крестьянинъ Федотъ Семеновъ Белошудовъ и законная жена его Ольга Иванова оба православнаго вhроисповhданія, священникъ Прохоръ Дизержовскій* [ГТЗЦ, 1840, I, л. 308 об.]. *Резановской*

Губернiи Михайловского Уѣзда Выскаго села, крестьянинъ Денисъ Евсѣевъ и законная жена его Акулина Федорова, оба православные [ГТЗЦ, 1842, I, л. 193 об.]. *Владимирской губернiи и того же уѣзда, Села Ставрова крестьянинъ Иванъ Терентiевъ Тимофѣевъ и законная жена его Мареміяна Васильева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.]. *Ялуторовского округа Агаранской волости деревни Шевшой поселенецъ Афанасiй Федотовъ Швецовъ и законная жена его Парасковiя Иванова, оба православнаго вѣроисповѣданiя* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 143 об.]. *Курганскаго округа Сычевской волости поселенецъ Матвей Максимовъ Муравьевъ и законная жена его Наталiя Трофимова оба православнаго* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 189 об.];

3) [географическое название, содержащее информацию о лице как *прибывшем* или *поселенце* (в субтексте МКТ дети данных лиц указывались, как незаконнорожденные)]: *Тюменскiй крестьянинъ изъ прибывшихъ крепостныхъ Василiй Михайловичъ Поровинъ и законная жена его Любовь Дмитрiевна, оба православные у нихъ незаконнорожденный сынъ Иванъ* [ГТПИЦ, 1843, I, л. 15 об.]. *Тюменскiй мѣщанинъ изъ поселенцевъ Францъ Францовичъ Мановецкiй Римско-католическаго исповѣданiя и законная жена его Ольга Федорова у нихъ незаконнорожденная дочь Марѳа* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.].

Фактические данные свидетельствуют, что при антропонимической модели в метрических записях первой части МКТ содержится указание на местожительство родителей, переданное с помощью географического названия (80% от общего числа записей). В ряде случаев указывалось название населенного пункта (18%), в котором находился приход (Ср.: «Церковный приход, парафия, община, принадлежащая, по духовным требам, к одной церкви» [Даль III: 164]): *Сѣго прихода Города Тюмени у крестьянина Федора Степанова Долотова и жены его Анны Борисовой сынъ Александръ* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 34 об.]. *Города Тюмени сѣго прихода Иванъ Петровъ Лопаткинъ и законная жена его Татьяна Василiева, оба православные* [ГТЗЦ, 1843, I, л. 14 об.].

В первой части МКТ в некоторых субтекстах косвенные указания на местожительство лица содержались в названии церквей (2%). В метрической книге Градо-Вознесенской церкви находим запись: *У Василiя Фомина Аносова и законной жены его Марѳы дочь Екатерина* [ГВТЦ, 1802, л. 17 об.]. Похожая запись

обнаружена в МК Градо-Тюменской Спасской церкви за 1830 год: *У помещика Захара Никитина Пушкарева и законной жены его Ольги…* [ГТЗЦ, 1853, л. 1 об.].

Наличие в МКТ составных географических названий разных структур свидетельствует о неупорядоченности в обозначении лица по месту жительства.

Субтекст части первой требовал неантропонимических характеристик отца родившегося (такого рода характеристики были, как правило, непространные):

1) социальных (дополнительно мог указываться апеллятив *изъ поселенцевъ*): *Тюменскiй купецкiй сынъ* ...[ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]; *Тюменскiй мѣщанинъ* ...[ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]; *…крестьянинъ Иванъ Терентьевъ Тимофѣевъ и законная жена его Маремьяна Васильева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.]. *Тюменскiй мѣщанинъ изъ поселенцевъ* ...[ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.];

2) социальных (с дополнительным сообщением о смерти отца): *Тюменскiй купецъ Павелъ Васильевъ Зайковъ умершiй 2-ого августа сѣго года и законная жена его Анна Ивановна, оба православнаго вѣроисповѣданiя* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 11 об.];

3) социальных характеристик в структуре сочетаний с аппозитивными отношениями: *Въ остроге пересыльный арестантъ — казакъ Николай Ивановъ Болдыревъ и законная жена его Анна Петрова, православные* [ГТВЦ, 1830, I, л. 604 об.] (Ср.: острог «тюрьма, арестантская, здание, окруженное острогом или стеною, где содержат узников, заключенников, тюремный замок» [Даль II:707]);

4) по чину, военному сословию военнослужащего: *Отставной солдатъ Иванъ Яковлевъ Лопатинскiй и законная жена его Ксенiя Яковлева оба православнаго вѣроисповѣданiя* [ГТВЦ, 1830, I, л. 143 об.]. *Тюменскiй отставной казакъ*... [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.];

5) по титулованной должности: *Отставной Титульный совѣтникъ Александръ Михайловъ Унжаковъ и законная жена его Евдокiя Петрова, оба православные* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 15 об.];

6) по профессии и месту работы: *Тюменской Почтовой конторы почталiонъ Иванъ Назаровъ Усковъ и законная жена его Екатерина Петрова, оба православные* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 16 об.].

В некоторых субтекстах первой части (о родившихся) отмечены развернутые модели именования лица (отца), включающие неантропонимические характеристики:

1) социальные (многословное именование места работы + однословное именование должности лица): *Служащій во штате Тюменского Земскаго суда писарь Григорій Никифоровъ Печеваевъ и законная жена его Параскева Григоріева, оба православные* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 313 об.]. *Прикомандированный Тюменской почтовой конторы Тобольскій почтальонъ Павелъ Михайловъ Сиволевъ и законная жена его Екатерина Степанова, оба православные* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 16 об.];

2) социальные (многословное именование места работы + двусловное именование должности лица): *Тюменского окружного суда канцелярскій служитель Александръ Василіевъ Рескинъ и законная жена его Матрона Тихонова, оба православные* [ГТВЦ, 1830, I, л. 590 об.]; *Тюменскаго Коллежского секретаря отставного казака Сергія Андрѣева Рескина и законной жены его Пелагіи Максимовой, оба православны* [ГТВЦ, 1830, I, л. 200 об.];

3) социальные (многословное именование места работы + многословное именование должности лица): *Тюменского Уѣздного Училища Учитель Губернскій Секретарь Николай Ивановъ Яковлевъ, Православнаго исповѣданія и законная жена его Евгенія Артемьева Лютеранскаго исповѣданія* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 194 об.]. *Тобольского военного батальона второй роты казакъ Павелъ Никифоровъ Алексѣевъ и законная жена его Татіяна Иванова, оба православные* [ГТЗЦ, 1866, I, л. 596 об.].

В части первой МК Тюмени нами отмечены именования женщин (вдов, жен, девок, дочерей): *Тюменскій мѣщанинъ Бордирій Сергѣевъ Воложенинъ и законная жена его Александра Федорова, оба Православнаго исповѣданія* [ГТВЦ, 1830, I, л. 192 об.]. *Въ остроге у пересыльной арестантке дѣвки Матильды Ашань, Лютеранскаго вѣроисповѣданія, незаконнорожденная*. [ГТПЦ, 1856, I, л. 600 об.]. *Въ остроге у подсудимой женки Марфы Лукьяновой Чилимовой незаконнорожденная* [ГТПЦ, 1856, I, л. 596 об.]. *У крестьянки, волости Тавдинской, вдовы Стефаниды Стефановой Матюшиной незаконнорожденный православнаго вѣроисповѣданія* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *У крестьянской дѣвки Багандинской волости Агрипины Михайловой Сирюлёвой*

незаконнорожденная [ГТПИЦ, 1860, л. 193 об.]. *У Тюменской мѣщанской дочери дѣвки Александры Андрѣевой Войлошниковой* ...[ГТПИЦ, 1860, I, л. 194 об.].

Описательные патронимы — посессивные конструкции с опорным термином родства, образованные от составного антропонима, называющего отца именуемого, обладают логической определенностью. Они используются, если называется лицо, идентификация которого дана с помощью антропонимических характеристик другого человека: *У Агрипины дочери рыбалова Ивана Федорова Остаркова незаконнорожденный сынъ Стефанъ* [ГТПЦ, 1856, I, л. 580 об.].

Записи детей, рожденных вдовой, содержали указание на имя ее умершего мужа: *У вдовы Анны умершего Коллежского Регистратора Петра Аудикова незаконнорожденный* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 139 об.].

Название вероисповедания в МКТ (часть первая, о родившихся) использовалась в составе конструкции [*оба* (местоимение) + *название вероисповедания*]. Данная конструкция включена, как правило, в состав двусоставного простого предложения. Выделим основные разновидности такого типа характеристик:

1) […[*оба*] + [*название вероисповедания*] (православнаго вѣроисповѣданія)]: *Отставной солдатъ Иванъ Яковлевъ Лопатинскій и законная жена его Ксенія Яковлева оба православнаго вѣроисповѣданія* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 143 об.]. *Тюменской Инвалидной Команды рhдовой Борисъ Ивановъ Седельниковъ и законная жена его Анна Алексѣева, оба православнаго исповѣданія* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]. *Туринского округа Калужской волости почтмейстеръ Федоръ Васильевъ Васильевъ и законная жена его Елена Николаева, оба Православнаго вѣроисповѣданія* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 190 об.];

2) […[*название вероисповедания (мужа)*] (римско-католическаго, православнаго, велико-католическаго вѣроисповѣданія) + [*название вероисповедания (жены)*] (православнаго, лютеранскаго вѣроисповѣданія)]: *Тюменскій мѣщанинъ изъ поселенцевъ Францъ Францовичъ Мановецкій Римско-католическаго исповѣданія и законная жена его Анѳиса Иванова Православнаго исповѣданія* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]. *Тюменского Уѣздного Училища учитель Губернскій Секретарь Николай Ивановъ Яковлевъ,*

православнаго исповѣданія и законная жена его Евгенія Артемьева Лютеранскаго вѣроисповѣданія [ГТЗЦ, 1860, I, л. 194 об.]. *Тюменской Инвалидной Команды рѣдовой Христофоръ Андрѣевъ Александровичъ, Велико-Католическаго исповѣданія и законная его жена Варвара Давыдова, Православнаго исповѣданія* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 196 об.];

3) [[*название вероисповедания* (существительное в родительном падеже с предлогом *изъ*)] + [*обращенъ къ православію*]]: *Изъ Магометанъ обращенъ къ Православію башкиръ Кантона 12 юрты, деревни Кизимбаевой Ряхмин-жанъ Камипенбрдиновъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 194 об.].

В анализируемых субтекстах первой части МКТ не прослеживается строгого порядка в записях о вероисповедании лиц. В ряде субтекстов наблюдается усечение слов (*вѣроисповѣданіе* — исповѣданіе; православные — православны), полное отсутствие записей о вере: *Курганскаго округа Сычевской волости поселенецъ Матвей Максимовъ Муравьевъ и законная жена его Наталія Трофимова оба православны* [ГТПЦ, 1848, I, л. 189 об.]. *Въ остроге пересыльный арестантъ Иванъ Андрѣевъ Масиянкинъ и законная жена его Пелагея Ефрешова, оба православные* [ГТПЦ, 1848, I, л. 595 об.]. *Тобольскаго военного батальона второй роты казакъ Павелъ Никифоровъ Алексѣевъ и законная жена его Татіана Иванова, оба православные* [ГТПЦ, 1848, I, л. 596 об.]. *Тюменскій мѣщанинъ Бордирій Сергѣевъ Воложенинъ и законная жена его Александра Федорова, оба Православнаго исповѣданія* [ГТВЦ, 1830, I, л. 192 об.]. *Тюменской Инвалидной Команды рѣдовой Валентинъ Тимофѣевъ Бландинъ, Римско-Католическаго исповѣданія и законная жена его Наталія Александрова Православнаго* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]. *Владимирской губерніи и того же уѣзда, села Ставрова крестьянинъ Иванъ Терентѣевъ Тимофѣевъ и законная жена его Маремьяна Васильева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.]. *Восьмаго числа у отставного солдата Федора Осипова Колодина и законной жены его Марианны Стефановой родился сынъ Мина* [ГТПИЦ, 1810, I, л. 211 об.].

Языковеды отмечают, что «при именовании женщин должно было быть указание на отношение к мужу. Наиболее распространенной была формула, состоящая из слова «жена», фамильного

прозвания мужа, имени и полуотчества самой женщины» [Зинин 1969: 6].

Устойчивое сочетание *и законная жена его (и законной жены его)* употреблялось в составе субтекста первой части (о родившихся) в том случае, если указывалась полная семья (отец и мать).

Однако патронимы могли формально совпадать с фамильными прозваниями, что затрудняло идентификацию лица. Формальное сходство посессивных антропонимов лишало именование матери определенности. Именно поэтому в метрической антропонимии достаточно активно в употреблении устойчивое сочетание *и законная жена его (и законной жены его)*, выполнявшее функцию фамилии (по мужу): *У мѣщанина Егора Силова и законной жены его Анны Ивановой, оба православнаго вѣроисповѣданія сынъ Иванъ* [ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.].

Четвертой формулой субтекста первой части МКТ характеризуются восприемники (их фамилии, имена и отчества, место жительства и социальная принадлежность): *Тюменской инвалидной Команды унтер-офицеръ Иванъ Васильевъ Ларсоновъ и мѣщанская дочь дѣвица Пелагея Иванова Тарасова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191. об.].

В словаре В.И.Даля значение лексемы *восприемникъ* дается как «лицо, принимающее ребенка на руки из купели при христианском обряде крещения» [Даль I:250]. Данные МКТ позволяют определить значение лексемы *восприемникъ* как «лицо, являющееся свидетелем и поручителем за веру крестника и обязанное в дальнейшем наставлять его в правилах христианской жизни».

Общее содержание записей МКТ о восприемниках сводится к сообщению имени, отчества и фамилии восприемников и обозначению идентифицирующих характеристик:

1) социальных: *Мѣщанинъ Александръ Егоровъ Куликовъ и мѣщанская дочь дѣвица Анна Иванова Шмурыгина* [ГТЗЦ, 1860, I, л.193. об.]; *Тюменскій купецъ Гаврила Тимофѣев Молодыхъ и купецкая жена Екатерина Иванова Чмутина* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192. об.];

2) социальных и по военному чину: *Отставной солдатъ Василій Яковлевъ Зайковъ и крестьянка вдова Наталія Яковлева Гилева* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 311. об.];

3) по военному чину с обозначением места работы: *Тюменской инвалидной Команды рѣдовой Тимофей Алексѣев Девятков*

и солдатская жена Домна Григорьева Голдобина [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191. об.].

Формулы, в которых сообщаются данные восприемников, имеют следующие конструктивные особенности: центр — трехчленная антропонимическая модель именования — дополняется апеллятивами, идентифицирующими личность (указаниями на местожительство, социальное положение, профессию). Данные формулы (составляют 68% из рассмотренных) представлены следующей конструкцией: [*социальные, профессиональные, по месту жительства характеристики восприемника + трехчленная антропонимическая модель именования восприемника + социальные, профессиональные характеристики восприемницы + трехчленная антропонимическая модель именования восприемницы*]: *Ялуторовской волости Архангельского села крестьянинъ Иванъ Яковлевъ Метровъ и крестьянка дочь дѣвица Надежда Яковлева Воронова* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 222 об.]. *Червишевской волости крестьянинъ Никита Петровъ Аржиловскій и крестьянка Дарья Харитонова Гилева* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 15 об.]. *Тюменскій мѣщанинъ Яковъ Андрѣевъ Козминъ и Тюменская мѣщанская дочь дѣвица Анна Иванова Опрокиднева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.]. *Коллежскій Секретарь Корчемный Заседатель Александръ Михаловъ Ужанковъ и вдова Коллежская Советница Евдокія Николаева Дашевская* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.].

В остальных 32% подобных записей о восприемниках содержатся дополнительные характеристики, указывающие на:

1) законность брака и вероисповедание восприемников: [[трехчленная антропонимическая модель именования восприемника] + (и законная жена его) + [двухчленная антропонимическая модель именования восприемницы] + [оба Православны]]: *Тюменской Инвалидной Команды Поручикъ Александръ Ильичъ Екимовъ и законная жена его Анастасія Иванова, оба Православны* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]. *Тюменскій мѣщанинъ Порѳирій Сергѣевъ Воложенинъ и законная жена его Александра* Ѳедорова, *оба православны* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]. *Тюменскій мѣщанинъ Тимоѳей Васильевъ Голышамановъ и законная жена его Агрипина Иванова, оба Православны* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.];

2) статус женщины (жена): [[трехчленная антропонимическая модель именования восприемника] + [жена…] + [двухчленная

антропонимическая модель именования восприемницы]]: *Поликарпъ Селиверстовъ Селиверстовъ и военного ѳельдшера Кирилла Андрѣева жена Александра Стеѳанова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.];

3) двухчленную антропонимическую модель именования восприемников: [[двухчленная антропонимическая модель именования восприемника] + [двухчленная антропонимическая модель именования восприемницы]]: *Города Тюмени мѣщанъ Семенъ Решетниковъ и мѣщанка Наталья Бузикина* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 13 об.]. *Тюменскiй мѣщанинъ Василiй Барановъ и мѣщанская дочь дѣвица Евдокiя Кiевская* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 13 об.]. *Багадинскай волости крестьянинъ Петровъ Колмаковъ и крестьянка Марiя Силина* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 2 об.];

4) социальные характеристики восприемников, особенности модели именования, указание лица, совершившего обряд крещения: [[социальные характеристики восприемников] + [двухчленная антропонимическая модель именования восприемника] + [трехчленная антропонимическая модель именования восприемницы] + [*крещѣнъ* [-а] одночленная антропонимическая модель именования священника]]: *Мѣщанъ Егоръ Сиритовъ мѣщанская дочь Григерiя Ѳедорова Пестерева* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.]. *Мѣщанъ Павелъ Стиновскiй мѣщанская жена Евдокiя Иванова Ситюкова крещѣн священникомъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 13 об.]. *Купецкiй сынъ Михаилъ Шапашинъ купецкая дочь Екатерина Давыдова Шапашина крещѣна священникомъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 13 об.];

5) восприемников (лексемы *крестный*, *крестная*), особенности модели именования, указание лица, совершившего обряд крещения: [[крестный] + [двухчленная антропонимическая модель именования восприемника] + [крестная] + [трехчленная антропонимическая модель именования восприемницы] + [*крещѣнъ* [-а] одночленная антропонимическая модель именования священника]]: *Крестный Матвей Войновъ крестная крестьянская дочь Анна Андрѣева Воронова крещѣна священникомъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.]. *Крестный Василiй Зайковъ крестная: дочь Настасiя Григорьева Зайкова крещѣна священникомъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.]. *Крестный Иванъ Черепашковъ*

крестная дочь Евдокія Никитина Елистева крещhнъ темъ же священникомъ [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.];

6) особенности модели именования восприемников (указываются социальные характеристики): *Коллежскій регистраторъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 17 об.]. *Отставной казакъ* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 196 об.]. *Уhздный приставъ Коллежскій секретарь* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.].

В субтексте первой части МК Тюмени в центре формулы антропонимической модели именования восприемников — личное календарное имя денотата (100%): *Иванъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.], *Пелагея* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.], *Поликарпъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.], *Александра* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.], *Гаврила* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Екатерина* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.] и т.п.

Из моделей именования восприемников в МК Тюмени самая употребительная — трехчленная (она составляет 68% от общего числа анализируемых именований): [личное имя + патроним восприемников на -ОВ/-ЕВ + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ]: *Константинъ Васильевъ Маевъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Яковъ Андрhевъ Козминъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Иванъ Васильевъ Ларионовъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Анна Иванова Опрокиднева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Ирина Осипова Лебедева* [ТТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Екатерина Егорова Соколова* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 195 об.] и т.п.

Фамильные прозвания, образованные от имени отца в форме субстантивированного прилагательного на -ЫХ, в именованиях восприемников встречаются очень редко: *Тюменскій купецъ Гаврила Тимоfhев Молодыхъ и купецкая жена Екатерина Иванова Чмутина* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.].

В МК Тюмени встречается двучленная модель именования восприемников (32% от общего числа именований): [личное имя + -ОВ/-ИН/-ЕВ восприемника], [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ восприемницы]: *Матвей Войновъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.], *Михаилъ Шапошинъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 36 об.], *Ольга Жерновникова* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 19 об.], *Иванъ Шаховъ* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 15 об.], *Неонила Овчинникова* [ГТПИЦ, 1830, I, л. 24 об.], *Татіяна Яковлева* [ГТПИЦ, 1836, I, л. 212 об.], *Мария Силина* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 2 об.], *Дарья Гилева* [МКТ, 1842, I, л. 15 об.],

Богданъ Куринцевъ [ГТПИЦ, 1842, I, л. 12 об.], *Константинъ Барановъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.], *Марія Федорова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.].

В записях первой части (о родившихся) содержатся указания на кровного родственника — мужчину (муж, брат, отец): [личное имя + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ восприемника] + [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ восприемницы]: *той же Команды Прапорщикъ Поликарпъ Сильвестровъ Сильвестровъ же и военного ѳельдшера Кирилла Андрѣева жена Александра Стефанова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]. *Секретарь Константинъ Васильевъ Маевъ и родная дочь Екимову Параскева Александра* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 193 об.]. *Слободской мѣщанинъ Вятинсокой губерніи Алексей Ивановъ Быковъ и родная сестра Петру Шмакову дѣвица Феодотія Андрѣева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 196 об.] и т.п.

В записях МКТ в первой части используется «нанизывание» именований лиц, что приводит к факультативности антропонимических и неантропонимических средств. «Нанизываемые» именования представляют собой аналитическую цепочку, начальный член которой — распространенное именование: *Тюменскій Городничій Капитанъ Арміи Андрей Васильевъ Батрановскій и родная сестра отцу новорожденной дѣвице Ольга Иванова Бараскева* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 194 об.]. *Дворянинъ Камиль Артемьевъ Кизерпукій и Кунчурского купца Корчемкина жена Анастасія Федорова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.]. *Братъ его Александръ Васильевъ Голышмановъ и сестра его вдова крестьянка Бараскева Васильева Маркадьева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 196 об.]. *Мѣщанинъ Николай Наумовъ Шумновъ и крестьянская жена Марія Петрова Гевлева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.].

В субтекстах МК Тюмени даются полные сведения о родственнике восприемницы: *Тюменскій мѣщанинъ Василій Андрѣев Синицинъ и Туринского округа Благовещенской волости поселенца Ивана Яковлева Кугрина жена Стефанида Яковлева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.].

По преимуществу в МК Тюмени нами отмечены именования восприемниц:

1) дочерей: *мѣщанская дочь дѣвица Пелагея Иванова Тарасова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]; *крестьянская дочь дѣвица Марія Тимофѣева Аникина* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.];

2) жен: *военного ѓельдшера жена Александра Стеѓонова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]; *купецкая жена Екатерина Иванова Чмутина* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]; *солдатская жена Ирина Осипова Лебедева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 194 об.]; *Священническая жена вдова Александра Тимоѓѣева Машанова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 197 об.];

3) вдов: *вдова Коллежская Советница Евдокія Николаева Дашевская* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.];

4) солдаток: *солдатка Наталія Михайлова Данилова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.].

В МК Тюмени встречаются двучленные именования восприемниц, идентификация которых дана с помощью антропонимических характеристик другого человека: ([*существительное + притяжательная форма (-ов)*]). Описательные номинации, включающие притяжательные прилагательные, образованные от имени посессора, в метрических книгах выражают различные посессивные значения собственно обладания: *Деревни Быковой крестьянинъ Иванъ Кондратьевъ Быковъ и крестьянка Ѓедора Иванова Быкова жена Анна Михайловна* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 211. об.]. *Екатеринбургскій мѣщанинъ Стеѓанъ Тихоновъ Нельниковъ и Пермской Губерніи Верхотурского села крестьянина Прокопія Евдокимова Попова жена Наталія Васильева* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 211. об.]. *Мѣщанинъ Стеѓанъ Ивановъ Опрекидневъ и мѣщанина Василія Петрова Опрокиднева жена Матрена Леокосева* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 221. об.]. *Священникъ Павелъ Машановъ и Тобольского города Чертежска Алексія Иванова Вагина жена Татіяна Арсентьева* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 139 об.].

Общепритяжательное значение суффикса *-ов-* способствовало его использованию для выражения отношений родства и свойства, в том числе свойственных патронимам [Смольников 2005]. Посессивные синтагмы с опорными словами *брат, сестра, жена* были специализированы в качестве прозвания по главе семьи или мужу, не имели самостоятельной номинативной функции, называли лицо только в аппозитивном сочетании с личным именем. В аналитических патронимах, мотивированных личным именем главы семьи и включающих термины родства *брат, сестра, жена*, термин выполняет роль опорного элемента, а притяжательная форма — зависимого. Такой патроним определяет имя лица

опосредованно, через апеллятив: *Тюменской Городовой инвалидной команды унтеръ офицеръ Герасимъ Ивановъ Козыревъ и пожарной команды Антона Михайлова жена* Феодосія Ефимова [ГТПИЦ, 1842, I, л. 143 об.]. *Крестьянина Федора Яковлева братъ родной Егоръ и сестра родная Долина Яковлена Зайкова* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 20 об.].

Характеристика восприемника дополнительно могла включать апеллятивы поселенец, поселенка: *Поселенецъ Николай Наумовъ Шумновъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.]. *Тюменской Инвалидной Команды унтеръ офицеръ Андрей Ивановъ Никитинъ и поселенка Татіяна Иванова* [ГТПИЦ, 1810, I, л. 222 об.].

В субтекстах первой части МК Тюмени фиксируются записи, свидетельствующие о стремлении церковных священников детализировать обозначение лица по месту жительства (использовались более развернутые и сложные по структуре номинации): *Тюменскаго округа начальникъ коллежского собранія Василій Яковлевъ Стефановскій и Тосманской первой гильдіи купца Патомировского почетного Ивана Васильева жена Едикія Іконникова* [ГТЗЦ, 1848, I, л. 2 об.]. *Симбирской губерніи, города Арбатова, крестьянинъ Гурій Ивановъ Черенковъ и Уржумская мѣщанская дочь дѣвица Марія Васильева Маклакова* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 196 об.]. *Тюменскій крестьянинъ Андроповской волости Елиманъ Даниловъ Левченковъ и мѣщанская жена Бараскева Козмина Евстафьева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 196 об.]. *Слободской мѣщанинъ Вятинской губерніи Алексей Ивановъ Быковъ и родная сестра Петру Шмакову дѣвица Феодопія Андрѣева* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 196 об.].

Социальные характеристики восприемников относились к антропосочетанию в целом: *Тюменской Городовой инвалидной команды унтеръ офицеръ Герасимъ Ивановъ Козыревъ и пожарной команды Антона Михайлова жена Феодосия Ефимова* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 143 об.]; *мѣщанинъ Пордирій Сергѣевъ Воложенинъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]; *Прапорщикъ Поликартъ Сильвестровъ Сильвестровъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192об.]; *военный фельдшеръ Кириллъ Андрѣевъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]; *унтер-офицеръ Иванъ Васильевъ Ларионовъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 191 об.]; *купецъ Гаврила Тимофѣевъ Молодыхъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.]; *Поручикъ Александръ Ивановъ Екимовъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 192 об.];

Городничій Капитанъ Арміи Андрей Васильевъ Батрановскій [ГТЗЦ, 1860, I, л. 194об.]; *Дворянинъ Камиль Артемьев Кизерпукій* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.]; *Кунчурскій купецъ Корчемкинъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.]; *Священникъ Павелъ Машановъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 197 об.]; *Коллежскій Секретарь Корчемный Заседатель Александръ Михайловъ Ужанковъ* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 195 об.] и т.п.

Пятая формула содержит информацию о лицах, участвовавших в таинстве крещения. Запись представлена конструкцией:

[*устойчивое сочетание: таинство крещѣнія совершилъ*] + [*двучленная антропонимическая модель именования священника*].

Например: [*Таинство крещѣнія совершилъ*] + [*протоіерей Николай Солютинскій*] [ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.].

Имена крестившего священника или причетников (дьякона, псаломщика и пономаря) представлены двучленной (реже одночленной) антропонимической моделью, дополняемой неантропонимическими характеристиками:

1) [однословное указание на должность священнослужителя] + [личное имя + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ/-СКИЙ]: *Тихонъ Богдановъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 16 об.], *Дiячокъ Николай Рычновъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 196 об.], *священникъ Прохоръ Дизержовскій* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 308 об.], *священникъ Георгій Глинскій* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 96 об.];

2) [однословное указание на должность священнослужителя] + [личное имя (фамильное прозвание) священнослужителя]: *священникъ Тихонъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 196 об.], *священникъ Гланскій* [ГТПИЦ, 1802, I, л. 23 об.], *священникъ Михайловъ* [ГТПИЦ, 1865, I, л. 17 об.].

Совершать обряд крещения мог любой из приходских священнослужителей. Краткие сведения о церковнослужителях заносились в графу «кем проводилось крещение». Этой графой заканчивается номинативный раздел формуляра 1 части, о родившихся.

2.4. Формуляр субтекстов метрических книг Тюмени: часть 2, о бракосочетавшихся

Брак определялся христианской церковью как таинство. Сочетал браком приходской священник. До 1774 г. священники не имели четкого руководства относительно возрастных ограничений для вступающих в брак. «Кормчая книга» — главный источник русского брачного права, прообраз кодекса о браке и семье — устанавливала «минимальный возраст для жениха —15 лет, для невесты — 13 лет» [Павлов 1885]. Позднее, в 1830 г., в целях предупреждения «вредных последствий, кои происходят от сочетания браков между несовершеннолетними», вышел закон, устанавливавший минимальный возраст для жениха — 18 лет, для невесты — 16 лет. Максимальный возраст вступления в брак по указу Синода от 12 декабря 1744 г. был 80 лет, «ибо брак от Бога уставлен есть ради умножения рода человеческого, чего от имеющегося за 80 лет надеяться весьма отчаянно» [Миненко 1979].

«Кормчая книга» исключала браки между родственниками не только по прямой, но и по боковой линиям (до седьмой степени включительно). Запрещались браки и между свойственниками — до 6-й степени включительно. Препятствием к вступлению в брак служило также духовное родство (или кумовство), основанное на восприятии от купели при крещении. Брак между такими родственниками запрещался до 7-й степени включительно. Указ от 19 января 1810 г. разрешил браки между такими родственниками по восприятию, запретив восприемникам вступать в брак с воспринятыми и их родителями. А в 1837 г. Синод издал новое постановление, согласно которому, с позволения епархиального начальства, разрешался брак между восприемником и восприемницей. До 1810 г. существовал запрет браков по усыновлению. Позже он был снят, но всякий раз при заключении таких браков требовалось получить согласие на брак от епархиальных властей. Следует отметить, что до 1810 г. существующие правила о браках, которые запрещались по родству и свойству, не удовлетворяли ни рядовое население, ни сельских священников, не всегда способных в этих правилах разобраться. Бракосочетание можно было совершать лишь в церкви, но для Сибири было сделано исключение «вследствие далекого расстояния селений от приходских

храмов», и венчание могло проводиться в часовнях. В брак разрешалось вступать не более трех раз. Причем третий брак вдовцу или вдове дозволялся только в том случае, если они не имели детей [Миненко 1979].

Во второй части МКТ (о бракосочетавшихся) фиксировались данные о числе браков, месяце и дне бракосочетания, фамилии, имени, отчестве, возрасте жениха и невесты, их сословной принадлежности, именах поручителей и их подписи, а также отмечалось, который по счету брак у жениха и невесты, кто совершал брак.

Анализ субтекстов части второй метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления свидетельствует о том, что в их структуре также выделяется единое организующее начало (рассмотрено 8 000 субтекстов). Данного типа субтексты МК Тюмени могут быть представлены многокомпонентной моделью, состоящей из шести формул (оформленных, как правило, тремя предложениями):

I II
[*N брака по порядку*] + [*точная дата совершения таинства*]
III
+ [[*место жительства, сословие, имя, отчество, фамилия жениха*
с указанием очередности брака]
IV
+ [*место жительства, сословие, имя, отчество, фамилия невесты*]
V
+ [*имя священника, совершившего таинство*]]
VI
+ [[*социальные характеристики лица, фамилия, имя, отчество свидетелей*].

I II
Например: [*14*] [*1829 годъ 6 сентября*]
III
+ [*Созоновского Прихода города Тюмени крестьянинъ Николай Никадоровъ Винниковъ первымъ бракомъ сочетался Градского благовещенскаго приказа*]

IV

+ [*с мѣщанской дочерью дѣвицей Анной Васильевой Чкаловой*]

V

+ [*Вѣнчанъ священникомъ Тихановымъ съ причетниками*]

VI

+ [*крестьяне Николай Переваловъ и Павелъ Лазаревъ*]

[ГТВЦ, 1829, II, л. 5 об.].

Первая формула во второй части МКТ сообщает номер брака по порядку, оформлена отдельной записью: *24* [ГТВЦ, 1802, II, л.78 об.], *31* [ГТВЦ, 1830, II, л.116 об.] и т.п.

Во второй формуле сообщается дата венчания (год, число и месяц). Формула представлена конструкцией [*...годъ ...число мѣсяца*]. Данная запись указывала на дату церковного обряда — венчания: *1829 годъ 5 іюля* [ГТЗЦ, 1829, II, л.125 об.], *1842 годъ 10 сентября* [ГТВЦ, 1842, II, л.128 об.] и т.п.

В 15% рассмотренных субтекстов статей МКТ дата венчания оформлялась словами и включалась в состав простого предложения (обстоятельство времени): *Двадцать четвертаго числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же именія Тимоѳей Лаврентьевъ Кузнецовъ холостой съ дѣвицей Анной Ивановой дочерью мѣщанина Градо-Тюменского Покровского прихода Алексѣева Ивана Голованова* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Двадцать третьего числа Тюменской третьей гильдіи купецъ цыганъ Иванъ Васильевъ* ...[ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.].

Третья формула — [*место жительства, сословие, имя, отчество, фамилия жениха с указанием очередности брака*] — имеет свои конструктивные особенности: центр — антропонимическая модель — дополняется апеллятивами, идентифицирующими личность жениха: [указание на место жительства] + [трехчленная антропонимическая модель именования жениха] + [очередность брака *(бракомъ сочетался, первымъ бракомъ сочетался, вторымъ бракомъ сочетался, 2-ой бракъ)*]: *Города Тюмени крестьянинъ Николай Степановъ Головинъ первымъ бракомъ сочетался Градского Благовещенского приказа…* [ГТВЦ, 1829, II, л.115 об.].

Во второй части, как и в первой части МК Тюмени, в центре третьей формулы — антропонимической модели именования жениха — индивидное однореферентное именование [100%]:

Василій [ГТПИЦ, 1810, II, л. 497 об.], *Петръ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 126 об.], *Андрей* [ГТЗЦ, 1830, II, л.116 об.], *Максимъ* [ГТВЦ, 1830, II, л. 256 об.], *Иванъ* [ГТВЦ, 1840, II, л. 206 об.] и т.д.

По особенностям мотивации и оценки именуемого все индивидуализирующие антропонимы (имена с абсолютной референцией), используемые в метрических книгах, можно отнести к нехарактеризующим именам.

Антропонимическая модель именования жениха могла быть представлена разными вариантами (укажем их, распределив по степени активности):

1. Именование жениха (как и именование отца родившегося в первой части МК) представлено моделью: [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ]: *Яковъ Кондратовъ Чикишевъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.], *Николай Афанасьевъ Захаровъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 154 об.], *Иванъ Федоровъ Виллиповъ* [ГТВЦ, 1829, II, л.55 об.], *Гурій Степановъ Быковъ* [ГТВЦ, 1829, II, л.76 об.], *Алексей Филипповъ Малыгинъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 96 об.], *Николай Григорьевъ Решетниковъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 88 об.];

2. [личное имя + фамильное прозвание на -ОВ/-ЕВ/-ИН]: *Егоръ Проскуриновъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 5 об.], *Александръ Герасимовъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 6 об.], *Юсиръ Емельяновъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 34 об.], *Илья Васильевъ* [ГТЗЦ, II, 1960 II, л. 6 об.], *Иванъ Никитинъ* [ГТВЦ, 1857, II, л. 152 об.].

Таким образом, из моделей именования жениха в МКТ (часть вторая) самая употребительная — трехчленная. Она составляет 94% от общего числа анализируемых именований. Двучленная модель именования жениха в МКТ составляет 6% от общего числа анализируемых, при этом 4,5% от общего числа двучленных наименований — модели [личное имя + патроним на -ОВ, -ЕВ]: *Федоръ Ивановъ* [ГТВЦ, 1847, II, л. 132 об.]. *Семенъ Фомѣевъ* [ГТВЦ, 1847, II, л. 132 об.]; 1,5% — модель именования жениха типа [личное имя + патроним на -ИН]: *Степанъ Дружининъ* [ГТВЦ, 1847, II, л. 98 об.], *Иванъ Никитинъ* [ГТВЦ, 1857, II, л. 152 об.].

Место жительства жениха в МК Тюмени обозначено с помощью географических названий. Выделим основные разновидности такого типа характеристик:

1) [топоним + административно-территориальный термин (уезд, село, город, деревня (существительное в форме родительного падежа)]: *Владимирскаго уѣзда крестьянинъ Иванъ Матвѣевъ Лагутинъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Села Ставрова крестьянинъ Егоръ Лукинъ Марыкинъ* [ГТВЦ, 1860, II, л. 190 об.]. *Сѣго прихода города Тюмени крестьянинъ Иванъ Михайловъ Берлоковъ …* [ГТВЦ, 1847, II, л. 108 об.]. *Созоновского прихода, деревни Борновской крестьянинъ Иванъ Ѳедоровъ Корохинъ …* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.]. *Градского Знаменского прихода деревни Зубаревой крестьянинъ Гурій Степановъ Быковъ …*[ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.]. *Градо-Тюменского Знаменскаго прихода крестьянинъ Дориментъ Стеѳоновъ Нестеровъ первымъ бракомъ сочетался сѣго прихода деревни Яровской* [ГТВЦ, 1852, II, л. 9 об.];

2) [составное географическое название (губерния–уезд–село, город–деревня, округ–приход–имение, округ–волость)]: *Владимирской губерніи того же уѣзда, Села Ставрова крестьянинъ Иванъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Города Тюмени деревни Букиной крестьянъ Яковъ Кондратовъ Чикишевъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Двадцать четвертаго числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же именія Тимоѳей Лаврентьевъ Кузнецовъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Туринского округа Калужской волости почтмейстеръ Ѳедоръ Васильевъ Васильевъ …*[ГТВЦ, 1860, II, л. 190 об.];

3) [апеллятив + географическое название]: *Города Тюмени изъ поселенцевъ Алексей Филипповъ Малыгинъ вторымъ бракомъ сочетался съ поселенкой Евдокіей* [ГТВЦ, 1829, II, л. 6 об.]. *Города Тюмени изъ военнорабочихъ крестьянинъ Иванъ Емельяновъ первымъ бракомъ сочетался …*[ГТВЦ, 1847, II, л. 108 об.].

Мужчины, ранее не состоявшие в браке, обозначались во второй части МКТ лексемой *холостой*: *Двадцать втораго числа Градотюменского Покровского прихода Городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Гаврилъ Васильевъ Вороновъ холостой* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]. *Двадцать четвертаго числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же*

именiя Тимоѳей Лаврентьевъ Кузнецовъ холостой [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.].

Стандартный субтекст метрической записи данных жениха содержал средства референтной определенности, в частности, неантропонимические характеристики:

1) социальные: *Крестьянинъ Гаврилъ Васильевъ Вороновъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]; *Города Тюмени мѣщанинъ Николай Аѳанасьевъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.]; *Города Тюмени мѣщанинъ Левъ Ивановъ Кривошеинъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.]; *Купецкiй сынъ Николай Григорьевъ Решетниковъ* [ГТВЦ, 1830, II, л. 182 об.];

2) профессиональные: *Тюменского военного Лазарета* ѳельдшеръ *Иванъ* Ѳилипповъ *Штотень* [ГТПЦ, 1842, II, л. 144 об.]; *Градо-Тюменской Покровской церкви пономарь Левъ Алексѣевъ Башеновъ* [ГТПЦ, 1842, II, л. 153 об.].

В субтекстах второй части МКТ священники указывали сословную принадлежность жениха: *помещичiй крестьянинъ Иванъ* Ѳедоровъ *Корохинъ* [ГТВЦ, 1830, II, л. 15 об.]; *временнообязанный крестьянинъ Гурiй Степановъ Быковъ* [ГТВЦ, 1830, II, л. 15 об.]. По мнению историков, «обозначение «помещичий крестьянин» исчезает из языка метрических книг в конце 1860 г. — начале 1861 г., затем появляется категория «временнообязанный крестьянин», а впоследствии, в начале 1870 г., после подписания крестьянскими сельскими обществами уставных грамот постепенно распространяется категория «крестьяне-собственники» [Антонов, Антонова 2006:130]. Данные наших источников позволяют уточнить время появления в языке сочетания «временнообязанный крестьянин»: оно появилось в языке в 1830 году.

В метрических записях для обозначения сословия жениха употребляется лексема *дворовой (изъ дворовыхъ людей)*. До отмены крепостного права для владельческих крестьян указывалось также имя помещика или купца, собственностью которого они являлись: *Сѣго Вознесенского Прихода купца Егора Проскуринова дворовой изъ Калинова Александръ Герасимовъ первымъ бракомъ сочетался, созоновского прихода съ крестьянской дочерью дѣвицей Маріей Егоровой Кривозиновой* [ГТПЦ, 1856, II, л. 144 об.].

«Метрические записи чутко реагировали на изменения форм собственности и фиксировали их на персональном уровне»

[Антонов, Антонова 2006:131]. Формула полного именования лица находилась в прямой зависимости от общественного положения носителя имени.

Характеристики лиц военных, офицерского и рядового состава отличались подробностями и включали названия воинской должности, указания на принадлежность к воинскому подразделению, формы отношений, связывавших военнослужащего с его подразделением *(находящійся въ отпуске, въ бессрочномъ отпуске, билетный рhдовой, уволенный въ запасъ)*: *Служащій во штате Тюменского батальона Григорій Никифоровъ Томашовъ* [ГТПИЦ, 1840, II, л. 413 об.]. *Уволенный въ запасъ Иванъ Яковлевъ Мехонинъ* [ГТВЦ, 1842, II, л. 178 об.]. *Тюменской команды внутренней отправки билетный рhдовой Михаилъ Вячеславовичъ Ганемень* [ГТЗЦ, 1848, II, л. 21 об.]. *Тобольского военного батальона второй роты Иванъ Никифоровъ Обрядинъ* [ГТЗЦ, 1848, II, л. 796 об.].

Для жениха из купеческого сословия отмечалась гильдия с сословной характеристикой — купец или купеческий сын: *третьей гильдіи купецъ цыганъ Иванъ Васильевъ Четвериковъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.]; *Тюменского уhзда второй гильдіи купеческій сынъ Григорій Яковлевъ Пермитинъ* [ГТПЦ, 1841, II, л. 144 об.].

В XIX веке крупные торговцы обязаны были выкупать гильдейские свидетельства, чтобы иметь право на торговую деятельность. По жалованной грамоте по городам в 1807 году для получения свидетельства третьей гильдии нужен был объявленный капитал в восемь тысяч рублей, второй гильдии — двадцать тысяч рублей, первой гильдии — пятьдесят тысяч рублей. *Купцы-первогильдейцы* имели право на торговлю внутреннюю и внешнюю по всей стране, *второгильдейцы* — только на внутреннюю торговлю в городах и на ярмарках, *третьегильдейцы* — лишь на мелочную торговлю в своей волости и на содержание трактиров [Елпатьевский 1984].

В четвертой формуле [*место жительства, сословие, имя, отчество, фамилія невhсты*] антропонимическая модель дополняется апеллятивами, идентифицирующими личность невесты: [предлог с + социальные характеристики] + [трехчленная антропонимическая модель именования невесты]: [*...съ мhщанской дочерью дhвицей Анной Васильевой Чкаловой*] [ГТВЦ, 1829, II, л. 6 об.].

В центре четвертой формулы — антропонимической модели именования невесты — календарное личное имя денотата (имя собственное), употребленное в творительном падеже с предлогом *с*ъ: *съ Акулиной* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.], *съ Татіяной* [ГТЗЦ, 1830, II, л. 116 об.], *съ Анной* [ГТПИЦ, 1830, II, л. 497 об.], *съ Александрой* [ГТВЦ, 1830, II, л. 256 об.], *съ Маріей* [ГТВЦ, 1849, II, л. 126 об.], *съ Ектистой* [ГТВЦ, 1852, II, л. 182 об.].

Из моделей именования невесты во второй части МК Тюмени самая активная — трехчленная (96%), менее активная — двухчленная (4%). Это подверждает то, что «в XIX веке под воздействием трехчленной модели именования мужчин формула называния женщин в письменной речи также становится трехзвенной на тех территориях или в тех социальных группах, где фамилия функционировала как обязательный член антропонимической модели. <…> Формула именования женщины все более сближается с мужской: помимо личного имени женщины в составе ее, как и в мужской модели, появляется полуотчество» [Чайкина 1994:68].

Именование невесты представлено следующими моделями:

1) [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ (в форме творительного падежа)] (96% от общего числа трехчленных именований): *Акулиной Ефимовой Вилижиной* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.], *Акулиной Ивановой Калмаковых* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.], *Маріанной Васильевой Куприяновой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.], *Татіяной Егоровой Ефремовой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 7 об.], *Агафьей Ивановой Токаревой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.], *Евдокіей Ивановой Набоковой* [ГТВЦ, 1852, II, л. 9 об.];

2) [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ в форме творительного падежа] (4% от общего числа именований невесты): *Маврой Ивановой* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.], *Ектистой Васильевой* [ГТВЦ, 1852, II, л. 182 об.], *Пелагһей Максимовой* [ГТЗЦ, II, 1960 II, л. 6 об.].

Специализированным средством выражения относительности посессивного отношения, которое мыслилось как ирреальное, утраченное, были образования типа *Иванова жена, Александрова дочь, крестьянская вдова* и т.п. В именованиях женщин патронимы, включающие образования с суффиксом *-ов-/-ев-/-ин-*, указывают на кровнородственное отношение как постоянное, неизменное

свойство лица, на брачное отношение, которое утрачивалась после смерти одного из супругов [Смольников 2005]: *Градского Ильинского прихода м*h*щанинъ Иванъ Семеновъ Коробниковъ Зверинского села умершего дьячка Ивана Корчнова съ дочерью его д*h*вицей Маріей. В*h*нчаны священникомъ Тихановымъ съ причетниками* [ГТВЦ, 1840, II, л. 7 об.].

Как видим, «женская формула именования носила зависимый характер от именной формулы мужа и отца. История ее развития предопределила современную систему: незамужняя женщина имеет фамилию отца, замужняя — мужа» [Парфёнова 2002: 17].

От именований замужних женщин отличались именования вдов. Термины свойства «жена» и «вдова» различались модальностью отношения, в первом случае брачные отношения мыслились как реальные, во втором — ирреальные. Например: *Градотюменского прихода деревни Ожениной крестьянинъ Алексей Осифовъ Проскурковъ 2-ой бракъ: Ильбинского прихода Тюмени съ вдовой крестьянкой женой Акулиной Ефимовой Вилижаной. М*h*щанинъ Иванъ Стефанофъ Ингулдъ и Егоръ* F*едоровъ Пантелhевъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]. Слово *вдова* в этом случае выражает оценку посессивного отношения, указывает на относительность реляционного признака, выражаемого словом *жена*. По наблюдению С.И.Зинина, употребление в составе именований вдов слова «жена» было нормой до первой четверти XVIII века в актовых книгах Москвы, место опорного элемента описательных конструкций андронимического характера последовательно занимает слово «вдова» [Зинин 1969:83].

В метрических записях второй части МКТ употребляются номинации женщин, содержащие антропонимические характеристики бывшего или умершего мужа: ... *съ вдовой Акулиной крестьянкой женой Ивана Ефимова Вилижанина* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]; …*съ купецкой дочерью вдовой Татіяной Ефимовой женой умершего Николая Рычкова* [ГТВЦ, 1852, II, л. 183 об.].

Использование подобных конструкций, характерных для именования вдов, нередко приводило к образованию особой словообразовательной модели именования женщины по умершему мужу и большей специализации суффикса, не требовавшего терминов родства: *Купецкій сынъ Николай Григорьевъ Ванковъ первымъ*

бракомъ сочетался съ купецкой дочерью вдовой Fектистой, женой умершего Ивана Барашникова [ГТВЦ, 1852, II, л. 182 об.].

В именовании невесты нашли отражение социальные характеристики отца: ...*съ солдатской дочерью дhвицей Акулиной Ивановой Калмаковых* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.]; ... *съ мhщанской дочерью дhвицей Марианной Eфимовой Куприяновой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.];… *съ крестьянской дочерью дhвицей Агаѳьей Ивановой Токаревой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.]; ... *съ мhщанской дочерью дhвицей Татьяной Егоровой Гневской* [ГТВЦ, 1829, II, л. 7 об.]; … *Богадинской волости поселенская дочь дhвица Александра Петрова Иванова православнаго вhроисповhданія* [ГТЗЦ, 1848, II, л. 21 об.].

Неопределенность именования невесты могла быть связана с неизвестностью фактов, необходимых для идентификации компонентов именования (предлагаемых официальной формулой). Отсутствие имени, патронимов и фамильных прозваний в именованиях невесты могло определяться недостаточностью ономастической информации о лице: *Деревни Нехрековой крестьянина Терентія Михайлова сынъ Иванъ Терентьевъ, Православный первымъ бракомъ* [ГТПИЦ, 1840, II, л. 357 об.]. *Тюменского военного Лазарета ѳельдшеръ Иванъ Fилипповъ Штотень, православный, первымъ бракомъ* [ГТПЦ, 1842, II, л. 144 об.]. *Градо-Тюменской Покровской церкви пономарь Левъ Алексhевъ Башеновъ, первым бракомъ* [ГТПЦ, 1842, II, л. 153 об.].

Пятой формулой характеризуются факт венчания (венчан), указываются должностные и антропонимические характеристики священно- и церковнослужителей (данной конструкцией начинается 60% рассмотренных записей МК Тюмени): [Bhнчанъ] + [должность + двучленная антропонимическая модель именования священнослужителя]: *Bhнчанъ священникомъ Иваномъ Тихановымъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 5 об.]. *Bhнчанъ священникомъ Михайломъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.].

Справедливо утверждение Е.Ю.Сидоренко о том, что «наименование лиц духовного сословия наиболее однотипны по структуре и составу. Абсолютное большинство случаев употребления двучленных структур, редки случаи одночленных» [Сидоренко 2005].

Остальные 40% подобных записей представлены вариантами:

1. [Вhнчанъ(-ы)] + [должность + фамильное прозвание священнослужителя (одночленная модель именования)]: *Вhнчаны священникомъ Григорьевскимъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.].

2. [Вhнчанъ(-ы)] + [должность + фамильное прозвание священнослужителя (одночленная модель именования) + должность церковнослужителя (существительное в творительном падеже с предлогом съ)]: *Вhнчанъ Глинскимъ съ причетниками.* [ГТВЦ, 1829, II, л. 15 об.]. *Вhнчанъ священникомъ Блиненнымъ съ причетниками.* [ГТВЦ, 1839, II, л. 7 об.]. *Вhнчанъ священникомъ Тихановымъ съ дiякономъ и причетниками* [ГТВЦ, 1852, II, л. 9 об.]. *Вhнчаны священникомъ Глинскимъ съ дiякономъ и причетниками* [ГТВЦ, 1852, II, л. 65 об.]. *Вhнчанъ священникомъ Тихановымъ съ Дiаниномъ и причетниками* [ГТВЦ, 1852, II, л. 182 об.] (Ср.: причетник «тот, кто принадлежит к церковному причту, клиру, а также причетник, низший чин церковного причта» [СлРЯ XI—XVII, XX, 78]).

3. [Вhнчанъ] + [должность + двучленная антропонимическая модель именования священнослужителя] + [должность церковнослужителя (существительное в предложном падеже с предлогом ПРИ) + двучленная (одночленная) модель именования]: *Вhнчанъ священникомъ Михайломъ Богдановымъ при причетнике Кузнецове* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.]. *Вhнчанъ священникомъ Михайломъ Богдановымъ при причетниками Тимоѳей Мамановъ и Дмитрiй Кузнецовъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]. *Вhнчанъ священникомъ Михайломъ Богдановымъ при причетнике Машановъ Кужировъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.].

4. [Вhнчанъ] + [должность + трехчленная антропонимическая модель именования священнослужителя] + [при браке были + должность церковнослужителей (существительные в именительном падеже) + трехчленная антропонимическая модель именования]: *Вhнчанъ той же церкви священникъ Прохоръ Косминъ Дизертовскiй при браке были дiяконъ Григорiй Ивановъ Космаковъ пономарь Iоаннъ Яковлевъ Машановъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.].

5. [Должность (существительное в именительном падеже) + трехчленная антропонимическая модель именования церковнослужителя]: *Пономарь Дмитрiй Ивановъ Кузнецовъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.].

Шестой формулой обозначаются свидетели (поручители за веру родившегося), их фамилии, имена и отчества, место жительства, социальная характеристика. Поручители отвечали за достоверность информации о том, что жених и невеста не являлись близкими родственниками и не состояли в браке на момент венчания.

Антропонимическая модель в данном типе записей дополняется сопутствующими апеллятивами референтной определенности, идентифицирующими личность свидетелей, их социальное положение, профессию (90% рассмотренных записей МК Тюмени): [социальные характеристики (существительное в именительном падеже) + двучленная антропонимическая модель именования свидетелей].

Например: *Крестьянинъ Fедоръ и Матвей Войновы* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Крестьяне Николай Переваловъ и Павелъ Лазаревъ* [ГТВЦ, 1829, II, л. 5 об.].

Остальные 10% записей о свидетелях представлены такими разновидностями, как:

1. Многокомпонентная модель с характеристиками, содержащими одновременное указание на свидетелей со стороны жениха и невесты (распространены неантропонимическими данными) (социальными характеристиками, указанием на место жительства)): [[*По жениху*] + [социальные характеристики + трехчленная антропонимическая модель именования свидетеля] + [указание на место жительства] + [*по невѣсте*] + [социальные характеристики + трехчленная антропонимическая модель именования свидетеля] + [указание на место жительства]]: *По жениху городовой волости крестьянинъ Илья Леонтьевъ Брюмановъ, по невѣсте городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Андрей Ивановъ Вороновъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]. *По жениху: Тюменскiй мѣщанинъ Fедоръ Алексѣевъ Сотниковъ, по невѣсте Тюменскiй мѣщанинъ Андрей Ивановъ Никоновъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.].

2. Многокомпонентная модель с характеристиками, содержащими одновременное указание на свидетелей со стороны жениха и невесты (распространены социальными характеристиками): [[*По жениху*] + [социальные характеристики + трехчленная антропонимическая модель именования свидетеля] + [*по невѣсте*] + [социальные характеристики + трехчленная антропонимическая

модель именования свидетеля]]: *По жениху Тюменскiй мhщанинъ Петръ Ивановъ Бородинъ, по невhсте крестьянинъ Иванъ Аfанасьевъ Берестовъ* [ГТПИЦ, 1812, II, л. 117 об.]. *По жениху Тюменскiй мhщанинъ Андрей Николаевъ Никоновъ, по невhсте Тюменскiй мhщанинъ Иванъ Ивановъ Тонковъ* [ГТПИЦ, 1834, II, л. 201 об.].

3. [Поручители (существительное в именительном падеже) + социальные характеристики + трехчленная антропонимическая модель именования поручителей]: *Градотюменского прихода деревни Ожениной крестьянинъ Алексей Осиfовъ Проскурсковъ 2-ой бракъ: Ильбинского прихода Тюмени съ вдовой крестьянкой женой Акулиной Еfимовой Вилижаной. Поручители мhщанинъ Иванъ Стеfаноfъ Ингулдъ и Егоръ Федоровъ Пантелhевъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.].

Как и в первой части МКТ, во второй части (о бракосочетавшихся) отмечается вариантность в обозначении лиц. Особое внимание уделяется антропонимическим характеристикам записи брачующихся (жениха, невесты) и поручителей.

2.5. Формуляр субтекстов метрических книг Тюмени: часть 3, об умерших

Самый распространенный способ регистрации умерших (а равно родившихся и брачующихся) — это церковные записи, «метрики». «В общественном сознании событие смерти было менее значимым, чем брак и рождение, поэтому в совершении обряда погребения было меньше условностей. По полному чину погребались только православные, иноверцы — с неполным церковным отпеванием. Священник был обязан проводить тело от дома до кладбища. По полному обряду нельзя было хоронить умерших без исповеди. Христианского погребения лишались самоубийцы, умершие от пьянства, что расценивалось как вольное самоубийство, убитые при разбое или поединке. Умышленного самоубийцу положено было палачу оттащить в бесчестное место и там закопать» [Антонов, Антонова 2006:187]. Не совершались погребения и публичные поминовения усопших в дни величайших гражданских праздников, рождения и тезоименитства

государя императора, государыни и наследника цесаревича, на Пасху и Рождество.

Независимо от условий смерти и чина, всех умерших записывали в метрическую книгу, в том числе иноверцев, которых отпел православный священник [Нечаев 1910:430]. Основное внимание при регистрации смерти уделялось двум моментам светского характера: естественности наступления события (отсутствие криминала) и соблюдению предосторожностей по защите здоровья живых (в случаях смерти от заразных болезней, особенно при эпидемиях). Запрещалось до судебно-медицинского осмотра предавать земле тела: а) умерших после наружных механических насилий (ушиб, рана, падение с высоты); б) умерших скоропостижно, с необыкновенными припадками (возможно отравление); в) умерших от употребления вредных паров, мазей и т.п.; г) тех, чье тело было найдено; д) здоровых, но скончавшихся скоропостижно; е) после криминального аборта; ж) умерших в результате непозволительного лечения шарлатанами; замерзших, утонувших и т.п. Запрещалось вообще хоронить мертвых до истечения трех суток после удостоверения в их смерти, если смерть наступила не от заразных болезней. Особое внимание полагалось проявлять к мнимой смерти (после родов, обмороков, удушья при пожарах, сильного испуга и т.п.). Однако этот запрет священники нарушали по просьбе крестьян, просивших похоронить покойника ранее трех дней, чтобы не находиться в тесной избе вместе с телом покойного. Умерших от чумы полагалось хоронить немедленно, так же, как и умерших от других заразных болезней — гнилой и прилипчивой горячки, оспы, кори, скарлатины [Буняковский 1865:2].

Умершие и погребенные регистрировались в третьей части метрических книг. Содержание субтекстов третьей части (об умерших) включало номер умершего по порядку, точную дату погребения, имя, отчество, фамилию умершего, указание на его место жительства, сословие, причину смерти, место погребения и имя священника (с рукоприложением).

Анализ субтекстов части третьей метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления свидетельствует о том, что в их структуре выделяется единое организующее начало (рассмотрено 8 000 субтекстов). Данный тип субтекста

мог быть представлен многокомпонентной моделью, состоящей из шести формул:

I II
[*N умершего по порядку*] + [*точная дата погребения*]
III
+ [[*место жительства, сословие, имя, отчество, фамилия умершего*]
IV V VI
+ [*причина смерти*] + [*место погребения*] + [*имя священника*

I II
Например: [*27*] [*1829 годъ 17 октября*]
III
+ [*Города Тюмени мѣщанин Федоръ Яковлевъ Бабаевъ*]
IV
+ [*умеръ скоропостижно*]
V
+[(*похороненъ*) *на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ*]
VI
+ [*Священникъ Иванъ Никольскій руку приложилъ*]]

[ГТВЦ, 1829, III, л. 35 об.].

Шесть формул субтекстов записей о смерти, как правило, оформляются простыми двусоставными предложениями: *Тюменская мѣщанская дочь дѣвица Ульяна Леонтьева Опаренова умерла отъ старости* [ГТПЦ, 1836, III, л. 129 об.].

В первой записи сообщается номер погребенного по порядку. Каждый умерший в приходе при регистрации имел свой порядковый номер, раздельно для мужского и женского пола. Запись вносилась по дате погребения в хронологическом порядке *(N...)*: *40* [ГТВЦ, 1802, III, л. 190 об.], *40* [ГТВЦ, 1830, III, л. 214 об.] и т.п.

Во второй формуле сообщается о времени погребения, указаны год, месяц и число. Формула представлена конструкцией [*...годъ, ...число, месяцъ (погребенія)*]. Данная запись указывала на дату церковного обряда — отпевания и погребения. Вторая формула оформлялась таким образом: *1839 годъ 17 августа* [ГТЗЦ, 1839, III, л. 175 об.], *1842 годъ 3 октября* [ГТВЦ, 1842, III,

л. 168 об.] и т.п. Регистрация умерших проводилась по дате погребения, а не по дате его смерти. События смерти и погребения имеют регулярную двухдневную разницу, как того требовал обычай.

Третья формула — [*место жительства, сословие, имя, отчество, фамилія умершего*] — имеет свои конструктивные особенности: центр — антропонимическая модель — дополняется сопутствующими средствами создания референтной определенности, идентифицирующими личность умершего: [*указание на местожительство, социальные характеристики*] + [*трехчленная антропонимическая модель именования умершего*]: *Города Тюмени вдова мhщанская жена* F*еодосия* F*едорова Присолова* [ГТВЦ, 1810, III, л. 115 об.].

Важный типологический признак именования умершего — номинативная связанность компонентов именования: одни из них могли употребляться в качестве самостоятельной номинации, а другие функционировали только в составе устойчивого сочетания: *Города Тюмени Якова Алексhева Низовина жена Ольга Николаева умерла отъ сердечной боли* [ГТВЦ, 1832, III, л. 130 об.]. *Семенъ Степановъ Корикинъ умеръ отъ старости* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 18 об.].

В третьей части МК Тюмени, как в первой и второй частях, центром третьей формулы антропонимической модели именования умершего является календарное личное имя денотата [100%]: F*еодосія* [ГТВЦ, 1810, III, л. 115 об.], *Параскова* [ГТВЦ, 1829, III, л. 11 об.], *Яковъ* [ГТВЦ, 1830, III, л. 256 об.], F*едоръ* [ГТЗЦ, 1831, III, л. 116 об.], *Василей* [ГТПИЦ,1831, III, л. 497 об.], *Михаилъ* [ГТВЦ, 1832, III, л. 126 об.], *Данiилъ* [ГТВЦ, 1840, III, л. 206 об.], *Марія* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 14 об.] и т.д.

Номинативно связанные антропонимы обладали свойствами единой номинации (укажем их, распределив по степени активности):

1. Именование умершего: [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ + фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ] (80% от общего числа трехчленных наименований): *Марана Андрhева Токарева* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.], *Андрей Антипьевъ Парfеновъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.], *Татiяна Михайлова Елисова* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.], *Данiил Григорьевъ Коровинъ* [ГТПЦ, 1843, III, л. 121 об.], *Евдокія Иванова Соколова* [ГТПЦ, 1843, III, л. 153 об.],

Анна Антонова Гуляева [ГТПЦ, 1856, III, л. 604 об.], *Дмитрій Осиповъ Ложайхинъ* [ГТПЦ, 1856, III, л. 604 об.].

2. Именование умершего: [личное имя + патроним на -ОВ/-ЕВ] (19% от общего числа наименований): *Дмитрій Шешуковъ* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.], *Федоръ Каршевъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.], *Григорій Сидоровъ* [ГТВЦ,1829, III, л. 160 об.], *Параскова Васильева* [ГТВЦ, 1829, III, л.160 об.], *Параскова Кириянова* [ГТВЦ, 1829, III, л. 11 об.], *Екатерина Егорова* [ГТПЦ, 1843, III, л. 121 об.].

3. Именование умершего: [социальная характеристика + личное имя] (1% от общего числа наименований): *крестьянинъ Иванъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 17 об.], *вдова Анна* [ГТПЦ, 1845, III, л. 157 об.].

4. Именование умершего: [апеллятив *(сынъ, дочь, сынъ младенецъ, дочь младенецъ)* + личное имя (с обозначением характеристик отца)]: *Багадинской волости деревни Антипиной крестьянина Евдокима Аникимова Баризонова сынъ Яковъ* [ГТПЦ, 1845, III, л. 130 об.].

Неопределенность именования могла быть связана с отсутствием необходимых данных для идентификации умершего компонентов именования, предлагаемых официальной формулой. Отсутствие патронимов и фамильных прозваний в именованиях умерших могло определяться недостаточностью ономастической информации о лице.

Одночленные именования используются в третьей части МКТ также при повторном именовании лица (но не умершего), если ранее имя его было представлено в полной форме: *У поселенца Богдана Федорова Байдакова дочь Анна отъ поноса* [ГТПЦ, 1845, III, л. 157 об.]. *Втораго числа у поселенца Богдана сынъ Иванъ отъ боли въ горленной* [ГТПЦ, 1845, III, л. 160 об.].

Таким образом, в третьей части МК из моделей именования самая употребительная — трехчленная. Так, в МКТ она составляет 80% от общего числа анализируемых именований, двучленная модель именования — 19% от общего числа анализируемых именований, 1% — одночленная модель именования лица.

Идентификации умершего лица способствовали используемые термины родства, названия лиц по социальному статусу,

профессиональные и должностные именования. В третьей части МКТ нами выделены:

1. Именования, которые строились по модели словосочетаний с подчинительной связью компонентов: *Тюменской Инвалидной команды рhдового дочь Анна Дмитрiя Петрова Аfоневского* [ГТПЦ, 1843, III, л. 158 об.]. *Багадинской волости деревни Антипиной сынъ Егоръ крестьянина Семена Матвhева Неверова* [ГТПЦ, 1844, III, л. 121 об.].

Зависимый компонент в таких именованиях выполнял функции опосредованной номинации. Номинация лица через именование его родителя или главы семьи выражала относительную референцию «через несимметричные отношения партитивности, посессивности, координированности и локальности» [Арутюнова 1999:35] и отличалась от абсолютной референции, выражаемой прямым отнесением имени к предмету.

2. Модели именований, компоненты которых включали аппозитивные отношения: *Тюменского округа Сазановской волости деревни Михряковой поселенца Макара Данилова дочь Оксана* [ГТПЦ, 1856, III, л. 129 об.]. *Багадинской волости деревни Антипиной крестьянина Евдокима Аникимова Баризонова сынъ Яковъ* [ГТПЦ, 1856, III, л. 130 об.].

3. Модели именований, включающие лексему *младенецъ*: *Четвертаго числа города Тюмени у крестьянина Гаврила Гачина сынъ младенецъ Иванъ* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 215 об.]. *Пятаго числа онъ же, дочь младенецъ Александра* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.].

Отношения формального тождества компонентов именования подчеркивались при помощи отождествительной частицы же, что способствовало идентификации компонентов и выражению ими классификационных значений. В результате этого именование становилось в большей степени определенным: *Деревни Быковой крестьянина Дмитрiя Шешукова же жена Татiяна* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.]. *Пересыльный Илья Ивановъ Ивановъ же и пересыльная женка Марfа Андрhева* [ГТПЦ, 1843, III, л. 163 об.]. *Города Тюмени крестьянинъ Степанъ Павловъ Пуртовъ же и дочь Александра* [ГТПЦ, 1846, III, л. 104 об.]. *Пересыльный же арестантъ Дмитрiй Осиповъ Ложайхинъ и пересыльная жена Анна Антонова Гулhева* [ГТПЦ, 1856, III, л. 604 об.].

Частица же указывала не только на родственные отношения между лицами, но и на тезоименность, которая учитывалась священнослужителями.

Целям идентификации умершего служили приложения и конструкции, указывавшие на социальный статус, род деятельности, место жительства лица (родственника умершего). Характеризующие компоненты относились к антропосочетанию в целом, могли употребляться как в препозиции к именованию, так и в постпозиции к нему: *Города Тюмени у крестьянина Стеѳана рыбалова сынъ младенецъ Николай* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. *Города Тюмени Андрея Трубачева портного мастера жена Ольга Григорьева* [ГТПЦ, 1844, III, л. 135 об.]. *Троицкой волости купец-третьегильдиецъ Ѳедоръ Яковлевъ Макаровъ* [ГТПЦ, 1857, III, л. 21 об.]. *Яровской волости купец-второгильдиецъ Стеѳанъ Косминъ Вороновъ* [ГТПЦ, 1862, III, л. 287 об.]. *Градо-Тюменской Покровской церкви дiякона Ѳедота Задонского дочь Ульяна* [ГТПЦ, 1843, III, л. 163 об.]. *Уѳимской губернiи Силябского уѣзда крестьянинъ Данiилъ Григорьевъ Коровинъ* [ГТПЦ, 1843, III, л. 121 об.]. *Ялуторовского округа Раѳайловской волости поселенецъ Дмитрiй Ермолаевъ Ермолаевъ* [ГТПЦ, 1845, III, л. 153 об.]. *Пересыльный же арестантъ Дмитрiй Осиповъ Ложайхинъ и пересыльная жена Анна Антонова Гуляева* [ГТПЦ, 1856, III, л. 604 об.]. *Мѣщанинъ Андрей Антипьевъ Парѳеновъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Мѣщанинъ Ѳедоръ Каршевъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Тринадцатаго числа города Тюмени Инвалидной команды солдатъ Ѳедоръ Ананьевъ Семеновъ* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.].

Для записи умерших лиц женского пола дополнительно сообщались сведения о социальном статусе и роде деятельности мужа: *Города Тюмени крестьянина Григорiя Сидорова жена Параскова Васильева* [ГТВЦ, 1829, III, л. 160 об.]. *У поселенца портного Михаила Моченова жена Евдокiя Иванова* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Червишенской волости крестьянина Никиѳора Иванова Дружинина жена Марiя Стеѳанова* [ГТПЦ, 1857, III, л. 260 об.]. Записи умерших жен содержали косвенное указание на социальный статус мужа: *Деревни Яровской вдова крестьянская жена Параскова Кириянова* [ГТВЦ, 1829, III, л.11 об.]. *Двенадцатаго числа города Тюмени мѣщанская вдова Татiяна Михайлова*

Елисова [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. Для записи умерших незамужних женщин (девиц) священнослужители использовали неантропонимические компоненты (косвенные указания на социальный статус, род занятий отца): *Рыбацкая дочь дhвица Марана Андрhева Токарева* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Солдатская дочь дhвица Евдокiя Иванова Соколова* [ГТПЦ, 1843, III, л. 153 об.].

В ряде случаев в субтекстах МКТ сообщаются антропонимические характеристики матери: *Умершего коллежского регистратора дочери дhвки Анны Петровой Худяковой дочь Пелагея* [ГТПЦ, 1846, III, л. 160 об.].

Если фиксировалась смерть ребенка, то обязательно указывались антропонимические и социальные характеристики одного из родителей: *Города Тюмени у крестьянина рыбалова Петра Козмина дочь Александра* [ГТВЦ, 1829, III, л. 11 об.]. *У поселенца отставного Гаврила Яковлева дочь Матрена* [ГТВЦ, 1829, III, л. 11 об.]. *У купецкого сына Василiя Колмагорова сынъ Александръ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 11 об.]. *Деревни Яровской у крестьянина Егора Зыкова дочь Павла* [ГТВЦ, 1829, III, л. 14 об.]. Именование по отцу, требуемое метрическим стандартом, являлось речевой номинацией и создавалось священнослужителем по определенной модели: *Дмитрiй Ивановъ сынъ Барандина…* [ГТВЦ, 1829, III, л. 12 об.]. *Григорiй сынъ Михаила Говоркова…* [ГТВЦ, 1830, III, л. 49 об.].

В составе антропонимической номинации умерших выделяются смешанные (антропонимо-апеллятивные) именования, включающие апеллятивы *сынъ*, *дочь*, *дети*, *сынъ младенецъ*, *дочь младенецъ*: *Деревни Яровой у крестьянина Fедора Чеглонова дочь Настасiя* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Двадцать втораго числа города Тюмени у отставного казака Прокопiя Иванова дочь младенецъ Матрона* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. *Тюменской Инвалидной команды рhдового Дмитрiя Петрова Аfоневского дочь Анна* [ГТПЦ, 1843, III, л. 158 об.]. *Покровской церкви дiякона Павла Потихарского сынъ младенецъ Петръ* [ГТПЦ, 1843, III, л. 163 об.]. *Въ остроге пересыльного Гаврила Мельникова сынъ Fилиппъ* [ГТПЦ, 1852, III, л. 633 об.].

В МКТ отражены антропонимические номинации с посессивным значением, образованные по определенной синтаксической

модели: *Города Тюмени ямщика Ивана Лужина дети Иванъ и Романъ* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.].

«Нанизывание» наименований использовалось в том случае, когда именования лиц, находящихся в родственных отношениях, следовали друг за другом. Это приводило к факультативности антропонимических и неантропонимических средств. «Нанизываемые» именования представляли собой аналитическую цепочку, начальный член которой — распространенное именование, поэтому повторяющиеся компоненты в следующих за ним именованиях опускались: *Втараго числа деревни Быковой у крестьянина Арлиппа Сергѣева Трушкина сынъ младенецъ Федотъ* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 215 об.]. *Седьмаго числа да у него же, дочь младенецъ Александра* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. *Того же числа и того же города у поселенщицы Натальи Ильиной незаконнорожденная дочь младенецъ Меланья* [ГТПИЦ, 1840, III, л. 216 об.].

Яркая тенденция антропонимии МКТ первой половины XIX века возрастание аналитизма именований: *Четырнадцатаго числа Города Тюмени у отставного солдата Ивана Осипова Полотина сынъ младенецъ Федор (7 дней)* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.]. *У мѣщанина Максима Паланцова сынъ Георгій* (*8 дней*) [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Города Тюмени у крестьянской дочери дѣвки Парасковы Печенкиной дочь Дарья (5 дней)* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Четвертаго числа Города Тюмени у крестьянина Стефана рыбалова сынъ младенецъ Николай* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.].

Возраст умершего обозначен в записях количеством исполнившихся на момент записи лет. В записях о смерти детей и младенцев возраст указывался более точно: с добавлением количества исполнившихся месяцев (до 7 лет), недель (для возрастов менее месяца), дней (для возрастов менее недели).

Священник, стремившийся точно отразить все события, связанные со смертью и погребением умершего, следовал сложившимся стандартам в оформлении субтекстов третьей части МКТ.

В четвертой формуле подтверждается факт смерти лица *(умеръ отъ…)*, указывается причина смерти (80% рассмотренных записей): [*факт смерти: глагол совершенного вида*] + [*причина смерти*: *существительное в Р.п. с предлогом* отъ]: [*умерла отъ грыжы*] [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.].

20% аналогичных записей могли содержать указания на:

1) пол, возраст умершего ребенка и причину смерти: [(умеръ, умерла) апеллятивы *сынъ, дочь, дети, дочь младенецъ, сынъ младенецъ*] + [существительное в Р.п. с предлогом *отъ*]: Города Тюмени крестьянина Ивана Яковлева Коркина *дочь* Ульяна *умерла отъ тифа* [ГТПИЦ, 1812, III, л. 82 об.]. Въ остроге пересыльного Гаврила Мельникова *сынъ младенецъ* Анапій *отъ родимца* [ГТПЦ, 1836, III, л. 633 об.]. Втораго числа деревни Быковой у крестьянина Архипа Сергѣева Пушкева *сынъ младенецъ* Ѳедотъ *отъ родимца* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 215 об.]. Тюменского округа, Сазоновскй волости деревни Михряковой поселенца Макара Данилова Данилова *дочь младенецъ* Оксана *отъ родимца* [ГТПЦ, 1856, III, л. 129 об.];

2) причину смерти и подтверждение факта смерти (найден(-а) мертвым(-ою)): У поселенца Михаила Матвеева Камкина жена Ольга Николаева *умерла отъ старости найдена мертвою* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. Мѣщанинъ Ѳедоръ Васильевъ Баженинъ *умеръ отъ сердечной боли найденъ мертвымъ* [ГТВЦ, 1834, III, л. 24 об.]. Червишинской волости крестьянина Никифора Иванова Дружанина жена Марья Стефанова *умерла отъ апоплексического удара найдена мертвою* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 14 об.];

3) причину смерти и дополнительную характеристику — отсутствие исповеди (по внезапной смерти не был исповедан): *Омского округа Колмаковской волости поселенецъ Николай Петровъ Висковъ умеръ отъ апоплексического удара по внезапной смерти не былъ исповеданъ* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 14 об.].

В пятой формуле сообщается о месте погребения (это всегда было кладбище при церкви или селянское кладбище). Данная формула представлена тремя вариантами (клишированными конструкциями): *На учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ* [ГТВЦ, 1830, III, л. 273 об.]; [ГТПИЦ, 1830, III, л. 369 об.]; [ГТПЦ, 1856, III, л. 640 об.]; *въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище* [ГТЗЦ, 1853, III, л. 120 об.]; [ГТЗЦ, 1860, III, л. 302 об.]; [ГТЗЦ, 1865—1867, III, л. 530 об.]; *на учрежденномъ Градскомъ кладбище* [ГТПЦ, 1857, III, л. 300 об.].

Шестая формула оформляла скрепы МКТ. Запись представлена конструкцией: [*Къ книгамъ*] + [*обозначение священнослужителя, оформившего рукоприложение*] + [*руку приложилъ*].

Например, [*Къ книгамъ*] + [*священникъ Глинскій*] + [*руку приложилъ*].

[ГТВЦ, 1852, III, л. 105 об.].

Скрепа, удостоверяющая запись, включает обязательное именное словосочетание с главным словом *книги* (реже в форме единственного числа — *книга*): *къ книгамъ* [ГТВЦ, 1830, III, л. 273 об.]; *къ книгамъ* [ГТЗЦ, 1853, III, л. 120 об.]; *къ метрической книге* [ГТПЦ, 1856, III, л. 640 об.].

В третьей части МКТ содержались дополнительные характеристики, указывающие на вид книги: *Къ метрическимъ книгамъ* [ГТПИЦ, 1830, III, л. 369 об.]; их географию: *Къ метрической книге Градо-Тюменской Пророко-Ильинской церкви* [ГТПИЦ, 1865, III, л. 116 об.]; *Къ метрическимъ книгамъ Градо-Тюменской Знаменской церкви* [ГТПИЦ, 1860, III, л. 302 об.].

В третьей части МКТ также указывалось лицо, оформившее рукоприложение (использовалась антропонимическая модель священнослужителя (двучленная, трехчленная, одночленная), дополняемая характеризующими неантропонимическими компонентами): однословным указанием на должность оформителя скрепы: *священникъ Михаилъ Богдановъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.]; *священникъ Иванъ Тихановъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 115 об.]; географическими и должностными характеристиками: *Тюменскій священникъ Прохоръ Косминъ Дизертовскій* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 213 об.]; *Тюменскій священникъ Григорьевскій* [ГТВЦ, 1830, III, л. 270 об.].

Удостоверяющая запись завершалась глагольным словосочетанием *руку приложилъ* [ГТВЦ, 1830, III, л. 273 об.]; [ГТПИЦ, 1830, III, л. 369 об.]; [ГТЗЦ, 1853, III, л. 120 об.]; [ГТПЦ, 1856, III, л. 640 об.]; [ГТЗЦ, 1860, III, л. 302 об.]; [ГТЗЦ, 1865— 1867, III, л. 530 об.].

В третьей части МКТ (об умерших) отмечается вариантность в обозначении лица, наполнении формул языковым материалом. Особое внимание уделяется антропонимическим характеристикам записи умершего.

Метрические книги заканчивались субтекстом итоговой таблицы, в которой фиксировалось общее количество родившихся, бракосочетавшихся и умерших за год:

месяцъ	родившихся			бракосочетавшихся	умершихъ		
	мужъ. пола	женъ. пола	обоhго пола		мужъ. пола	женъ. пола	обоhго пола
январь	2	3	5	4	1	2	4
февраль	4	3	7	5	2	3	5

[ГТПЦ, 1856, III, л. 640 об.].

Статистический раздел метрических книг основывается на персональных записях и содержит цифровые демографические данные. В МКТ только в субтексте итоговой таблицы отмечены сочетания «мужъ. пола», «женъ. пола», «обоhго пола», указывающие на пол.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Анализ жанровой структуры и формуляра четырех метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления позволяет сделать следующие выводы.

Типовое содержание МКТ передается с помощью субтекстов, формирующих стандартную структуру и объясняющих их жанрово-стилистическое своеобразие. Каждый из субтекстов репрезентирует языковую картину мира (концепты *рождение, брак и смерть*) и имеет типизированный набор формул, регулярно воспроизводимых в деловых текстах МКТ. В субтекстах отмечаем широкое варьирование языковых средств. К анализу нами привлечено 24 022 субтекста.

Инвариантная модель МКТ представлена стандартным набором пяти субтекстов: субтекстом заголовка, субтекстом части 1 (о родившихся), субтекстом части 2 (о бракосочетавшихся), субтекстом части 3 (об умерших), субтекстом итоговой таблицы общего количества родившихся, бракосочетавшихся и умерших за год.

В МКТ выявлены субтексты заголовков ко всей книге (самоназвания) и к разделам книг. Инвариантная модель субтекстов заголовков МКТ включала шесть формул: название книги, название церкви, название разделов книги, название прихода, указание на дату, количество листов.

Нами выявлена вариативность в оформлении субтекстов заголовков. Наиболее пространные субтексты заголовков находим в МК Градо-Тюменской Покровской церкви, Градо-Тюменской Знаменской церкви, Градо-Вознесенской церкви, менее пространные — в Пророко-Ильинской церкви, что, видимо, связано с традициями ведения делопроизводства писцами данных церквей, с творческой манерой отдельных исполнителей документа. В некоторых МКТ (Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь) дата выносилась в начало заголовка, а сам заголовок отсутствовал; в МКТ в субтекстах удостоверяющей записи отмечено указание на название церкви (Градо-Тюменская Знаменская церковь, Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь). В заглавии МКТ преимущественно использовалась форма единственного числа существительного книга (реже книги); в некоторых субтекстах заголовков частей употребительно существительное тетрадь. В ряде субтекстов заголовков указывалось, откуда (данная изъ ...), куда, с какой целью (для записи, о записи, записи) отправлена метрическая книга.

Названия заголовков частей МКТ варианты: в части первой (о родившихся) выделено шесть вариантов (в название заголовка могли быть включены лексемы *записи*, *тетрадь*, сочетания *часть первая, 1 часть, метрическая тетрадь*; в оформлении мог использоваться предлог *о*, в некоторых записях он отсутствовал; дата представлена цифрами, в некоторых записях она была исключена, могла выноситься в начало заголовка, в конец заголовка, заключаться в скобки или отсутствовала вообще; представлены варианты лексем *о рождающихся — о раждающихся — о родившихся*; в Градо-Тюменской Пророко-Ильинской МК в заголовке первой части указывается название церкви); во второй части (о бракосочетавшихся) выделено три варианта записи заголовка (используются существительные *записи, часть*, вводится дополнительно дата, иногда она выносится в начало записи); в третьей части (об умерших) зафиксировано четыре варианта записи заголовка (употребляются существительные *записи, часть*; заголовок мог включать предлог *о* или употребляться без него).

Анализ субтекстов названий заголовков книг и разделов книг (в хронологии) позволяет сделать вывод о том, что к 1860 году в их оформлении происходит отбор языковых средств, наблюдается

«свертывание» как заголовков книг, так и их частей (часть первая, о родившихся; часть вторая, о бракосочетавшихся; часть третья, об умершихъ).

Анализ субтекстов части первой метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления свидетельствует о том, что в их структуре выделяется единое организующее начало (рассмотрено 8 000 субтекстов первой части). Данный тип записей в МК Тюмени представлен многокомпонентной моделью, состоящей из пяти формул. Все пять формул объединяются, как правило, в составе трех предложений и составляют запись стандартного субтекста о родившихся: номер записи; дата рождения и крещения; именование родителей (имя, отчество и фамилия) с указанием на характеризующие неантропонимические компоненты; имя родившегося; именование восприемников (имя, отчество и фамилия) с указанием на характеризующие неантропонимические компоненты; имя священника, совершившего таинство; подписи свидетелей.

Среди специфических особенностей, характерных для первой части МКТ, укажем следующие: активность трехчленной модели (личное имя, патроним с суффиксами -ОВ-/-ЕВ- и фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ) именования отца, восприемников (крестных), разведенных матерей, незамужних, вдов, матерей (неполная семья). Фамильные прозвания, образованные от имени отца в форме субстантивированного прилагательного на -ЫХ, встречаются в именованиях восприемников. Двучленная модель именования лица (личное имя и патроним с суффиксами -ОВ-/-ЕВ-/-ИН-) использовалась для записей женщин, состоявших в браке, а также для записи лиц, участвовавших в таинстве крещения (дьякон, псаломщик или пономарь). Незначительную группу составляют именования лиц мужского пола, в которых идентифицирующим компонентом служит фамильное прозвание, образованное от имени отца в форме субстантивированного прилагательного на -ОГО(-ЕГО). Одночленные именования встречаются в записях о родившихся и при повторном именовании священнослужителей. Родившийся идентифицировался через антропонимические характеристики отца.

При антропосочетаниях в метрических записях первой части содержится указание на местожительство родителей, переданное с помощью географического названия (80% от общего числа

записей); в некоторых субтекстах указывалось только название населенного пункта, в которых был приход (18%); отдельные компоненты географии присутствуют имплицитно в названии церкви (включающей ее местонахождение), которое обозначено на обложке метрической книги (2%).

В субтексте части первой фиксировались неантропонимические характеристики отца родившегося (выделено 6 вариантов непространных записей и 3 варианта — развернутых). В части первой МК Тюмени нами отмечены именования женщин (вдов, жен, девок, дочерей). Записи детей, рожденных вдовой, содержали указание на имя ее умершего мужа.

В субтексты первой части (о родившихся) вводятся лексемы, указывающие на незаконность рождения ребенка *(незаконнорожденный; незаконнорожденная; прижитый блудно; вһнчалась, будучи беременной дһвицей)*. Устойчивое сочетание *и законная жена его (и законной жены его)* употребительно в составе первой формулы записей о родителях в МК Тюмени (отмечено в 65% анализируемых записей) в том случае, если указывается полная семья (отец и мать).

В первой части МКТ не прослеживается строгого порядка в записях о вероисповедании лиц. В ряде субтекстов наблюдается усечение слов *(вһроиспов*һ*данiе — испов*һ*данiе;* православные — *православны)*, полное отсутствие записей о вере; фиксируются названия вероисповедания (римско-католическое, православное, велико-католическое, лютеранское (передано существительным в родительном падеже с предлогом изъ) в сочетании с конструкцией *обращенъ къ православiю*.

В записях о восприемниках использовались лексемы *крестный, крестная*; характеристика восприемников давалась через указание на кровного родственника — мужчину. В Градо-Тюменской Пророко-Ильинской и Градо-Тюменской Знаменской церквях для характеристики восприемника по месту жительства дополнительно употребляется апеллятив *поселенецъ*.

Неантропонимические характеристики восприемников содержали указания на социальный статус, военный чин, место работы лиц, а также могли включать дополнительную информацию о законности их брака и вероисповедании, указание на лицо,

совершившего обряд крещения (выделено 9 вариантов такого типа характеристик).

Субтекст второй части (о бракосочетавшихся) (проанализировано 8 000 метрических записей) представлен многокомпонентной моделью, состоящей из шести формул: номер брака по порядку; дата; имя, отчество, фамилия жениха и невесты с указанием на характеризующие неантропонимические компоненты (место жительства, сословие, род, очередность брака); имя священника; именование свидетелей (поручителей) с указанием на характеризующие их неантропонимические компоненты.

Во второй части МК также самая употребительная (96%) трехчленная модель именования лица — жениха и невесты (имя, патроним с суффиксами -ОВ-/-ЕВ- и фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ). Двучленная антропонимическая модель (имя, фамильное прозвание на -ОВ/-ИН/-ЕВ) именования лица употребляется в записях свидетелей и священнослужителей.

В субтекстах второй части МКТ священники указывали сословную принадлежность жениха *(дворовой, изъ дворовыхъ людей)*. Для жениха из купеческого сословия отмечалась гильдия с сословной характеристикой — купец или купеческий сын. Характеристики лиц военных включали названия воинской должности, указания на принадлежность к воинскому подразделению *(находящійся въ отпуске, въ бессрочномъ отпуске, билетный рhдовой, уволенный въ запасъ)*. Мужчины, ранее не состоявшие в браке, обозначались при помощи лексемы *холостой*. В именовании невесты нашли отражение социальные характеристики отца, бывшего или умершего мужа.

Выделено 5 вариантов пятой формулы второго субтекста МКТ, характеризующей факт венчания лиц (вариантность предопределена антропонимическим наполнением формул).

Шестая формула (3 варианта) могла включать дополнительные сведения о поручителях, содержать лексемы *по жениху, по невhсте, поручители*.

Вариантны во второй части МКТ записи должностей церковнослужителей (употребляются существительные в И.п., в Т.п. с предлогом *съ*, в П.п. с предлогом *при*).

Субтекст 3 части, об умерших (проанализировано 8 000 метрических записей) состоит из шести формул: номер умершего

по порядку; дата погребения; место жительства сословие, имя, отчество, фамилия умершего; причина смерти; место захоронения; подпись священнослужителя.

В третьей части МК, как в первой и второй, наиболее употребительна трехчленная модель именования лица — умершего (80%). Двухкомпонентная формула (имя и патроним с суффиксами -ОВ-/-ЕВ-) использовалась, как правило, для записей умерших крестьян, мещан и пересыльных. Однокомпонентная формула употреблялась для именования умершего несовершеннолетнего ребенка.

Идентификации умершего лица способствовали используемые термины родства, названия лиц по социальному статусу, профессиональные и должностные именования (зафиксировано 3 варианта такого типа обозначений). Географические указания в антропонимических характеристиках умерших непространны или отсутствуют вообще. Характеризующие компоненты именований умерших относились к антропосочетанию в целом, могли употребляться как в препозиции к именованию, так и в постпозиции к нему. Для записи умерших лиц женского пола дополнительно сообщались сведения о социальном статусе и роде деятельности мужа. Для записи умерших незамужних женщин (девиц) священнослужители использовали неантропонимические компоненты (косвенные указания на социальный статус, род занятий отца). В ряде случаев в субтекстах МКТ сообщаются антропонимические характеристики матери. Если фиксировалась смерть ребенка, то обязательно указывались антропонимические и социальные характеристики одного из родителей.

В составе антропонимической номинации умерших выделяются смешанные (антропонимо-апеллятивные) именования, включающие апеллятивы *сынъ, дочь, дети*, указывающие на возраст ребенка лексемы *младенецъ, сынъ младенецъ, дочь младенецъ*.

Отношения формального тождества компонентов именования подчеркивались при помощи отождествительной частицы же. Частица же указывала не только на родственные отношения между лицами, но и на тезоименность, которая учитывалась священнослужителями.

Тремя вариантами представлена формула, подтверждающая факт смерти лица. В субтекстах третьей части фиксируются

клишированные конструкции *умеръ отъ* (причина смерти), *найденъ мертвымъ, найдена мертвою, по внезапной смерти не былъ исповеданъ*. Вариантны в своем обозначении наименование причин смерти лица. Запись места погребения представлена тремя вариантами *(на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ*; *въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище*; *на учрежденномъ Градскомъ кладбище)*.

Удостоверяющая запись включала именное словосочетание *руку приложилъ*.

Яркая тенденция в оформлении записей МКТ первой половины XIX века — возрастание цифрового аналитизма.

Метрические книги заканчивались субтекстом итоговой таблицы фиксирующей в цифровом оформлении общее количество родившихся, бракосочетавшихся и умерших за год. Только в субтексте итоговой таблицы отмечены сочетания «мужъ. пола», «женъ. пола», «обоhго пола», указывающие на пол лица.

Характерным для МК трех частей (о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших) является следующее: датировка, употребление, как правило, трехчленной модели именования лица, в ней личное календарное имя денотата. В именовании лица разграничиваются антропонимические средства и дополнительные апеллятивные конкретизаторы антропонимов. Включение дополнительных формул в именование лица также обусловлено жанровой спецификой МКТ: священнослужитель должен был дать полную информацию о лице.

Во всех трех частях МК формулы отличаются позиционной закрепленностью в формуляре, наполнением сходным языковым материалом.

Место жительства лица в МК Тюмени обозначено с помощью географических названий.

Определенность/неопределенность именования лиц в МК первой половины XIX века, наличие тех или иных компонентов именования, называющих или характеризующих лицо, было обусловлено типом деловой коммуникации, назначением документа, его структурой, изолированностью формул или их синтагматическими связями в пределах одного субтекста или нескольких.

Неопределенность именования в МК могла быть связана с отсутствием необходимых для идентификации лица компонентов

именования, предлагаемых официальной формулой. Отсутствие имени, патронимов и фамильных прозваний в именованиях могло определяться отсутствием ономастической информации о лице. В оформлении записей МК сказалось влияние личности писца (священника): он вносил в текст, с его точки зрения, обязательные подробности, уточнения.

Использование тех или иных способов антропонимической номинации в метрических книгах не было строго регламентировано, что создавало относительную свободу в выборе средств номинации. Вместе с тем обращает на себя внимание несомненное однообразие моделей именования, подчиненность их общим принципам номинации лица при помощи антропонимов. Во многом это было обусловлено существованием делового языка, обеспечивавшего употребление стандартных формул именования лица разными священнослужителями, унифицировавшими не только формуляр документов, но и лексические средства, наполнявшие его.

Анализ жанровой структуры метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления позволил не только охарактеризовать жанровые признаки МК, но и выявить возможные пределы модификации жанровой структуры документов, созданных на одной территории в один исторический период. Модификация жанровой структуры МКТ не выходит за рамки основного назначения документа — представить в книжной форме в виде хронологических записей события рождения (крещения), бракосочетания (венчания), смерти (погребения) конкретных лиц.

Глава 3
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В МЕТРИЧЕСКИХ КНИГАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ТЮМЕНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ

3.1. Человек в актах гражданского состояния

«Метрические книги фиксируют, прежде всего, культовое событие, приобретшее впоследствии значение юридического факта посредством его записи приходским священником. При этом в метрической записи присутствуют также биологические события рождения, брака или смерти, но они находится на втором плане. В актах гражданского состояния на первый план выступает демографическое (биологическое) событие, которое сразу же, в момент совершения записи акта, приобретает значение юридического факта, вследствие чего возникают частноправовые отношения. Само действие (запись) также имеет юридическое значение» [Антонов, Антонова 2006:23].

Справедливо утверждение Д.Н.Антонова и И.А.Антоновой о том, что «триединство основных групп информационно-поисковой модели — «хронологии», не имеющей материального носителя, «географии», из которой как бы рождается «персона», — ассоциируется с Троицей» [Антонов, Антонова 1996:147].

Информационно-поисковая модель метрических книг [Антонов, Антонова 1996] репрезентирует фрагменты языковой картины мира и эксплицируется на лексико-фразеологическом и композиционно-стилистическом уровнях.

Человек — главное действующее лицо МК: в записи о рождении — новорожденный, в записи о браке — бракосочетавшийся, в записи о смерти — умерший.

Метрические записи имеют значение в церковной жизни и еще больше — в гражданском быту: они составляют главное доказательство происхождения, возраста, событий крещения, брака и смерти внесенных в метрики лиц.

Основополагающими элементами, связанными с судьбой человека, являются жизнь и смерть. Тезис о том, что «Бог рождает человека не в смерть, а в жизнь» [Байбурин 1993], указывает на

особую ценность жизни и подтверждает ее первостепенность. Жизнь — время человеческого бытия. На временном отрезке, ограниченном датами рождения и смерти, разворачивается серия событий (рождение — бракосочетание — смерть), составляющих качественную наполненность жизни.

Жизнь — воплощение «природной силы», запас которой составляет протяженность человеческого Века. Значит, «смерть является следствием истощения жизненной силы» [Никитина 1996] (речь идет о нормальном течении жизни, естественным завершением которой является смерть).

Таким образом, смерть — непременный компонент жизни, в большей степени противопоставленный не самой жизни (ибо есть жизнь и после смерти), а другой загадке жизни — рождению.

Троичность Бога была окончательно сформулирована на Втором Вселенском соборе в 381 г. в виде никеоцареградского Символа веры. О Троице писали философы С.В.Булгаков (1993), Б.В.Раушенбах (1993) и другие. Так, академик Б.В.Раушенбах «находил понятие Троицы логически безупречным с позиции самой обычной формальной логики, рассматривая ее как совокупность триединости, едино-сущности, неслиянности и нераздельности» [Раушенбах 1993:65].

Можно усмотреть своеобразную «троичность» и в метрических книгах. Метрическая книга состоит из трех частей (о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших), что действительно записывается уравнением 1 = 3 и 3 = 1 [Антонов, Антонова 2006:147]. При формулярном анализе МК обнаруживается логика внутренней взаимосвязи трех частей.

Метрические книги содержат ответ на вопрос, что есть человек. В них заложена информация глобального значения, которая характеризует переход мыслящей личности, полностью зависящей от неодушевленной природы, к защите от неблагоприятных факторов ее воздействия через самопознание — к контролю собственных параметров рождаемости и смертности, осознанному изменению природы в своих целях и овладению категорией времени. Такое видение источника созвучно идеям А.С.Лаппо-Данилевского, В.И.Вернадского, Дж.Коллингвуда [Лаппо-Данилевский 1920; Вернадский 1975; Коллингвуд 1999].

Считаем, что метрические книги, содержащие сведения как персонального уровня, так и уровня малых социальных групп (семьи, рода, сословия, населения локальной территории), являются своеобразной книгой памяти о месте и времени жизни каждого конкретного человека.

В метриках был заложен как бы «поисковый образ» личности. Они фиксировали документально в правовой форме через запись тот минимум признаков, которые позволяли отличать отдельно взятое лицо от другого [Елпатьевский 1979].

Исследуя концептуальное поле метрических книг, выделим, прежде всего, концепты *рождение, брак, смерть*, репрезентирующие лицо в данном типе текстов.

3.2. Языковая репрезентация концепта рождение

Концепт вербализуется и становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков. В то же время концепт по мере погружения в культурное пространство конкретного этноса приобретает дополнительные вторичные признаки — образ и оценку. Концепты репрезентируются в языке МКТ в словах, словосочетаниях, субтекстах.

Особое внимание уделяем семантике конкретных слов, зафиксированных в МКТ первой половины XIX века, уточняем ее семантику по данным словарей XIX века и современного русского языка. Основная задача подобного описания — «выявление и формулирование семантической доминанты, не изменяющейся с течением времени, как основного признака в содержании выраженного словесным знаком концепта» [Колесов 1999:157].

Исходим также из положения, что фрагменты языковой картины мира формируются в субтекстах словообразовательными производными от слов-концептов и устойчивыми словосочетаниями различных типов.

В русском языке используются слова, содержащие сему «человек», раскрывающие разнообразные стороны человеческого существования и актуализирующие различные аспекты содержания концепта *человек*. В деловом тексте определенного жанра выбор того или иного варианта слова, обозначающего человека,

детерминирован не только прагматическими целями, но и представлением автора о сущности человека, о важнейших условиях его бытия.

Метрические записи представляют собой отдельные регистрации о рождении, браке и смерти человека.

Структурно обязательными компонентами записей о рождении человека являются сведения о новорожденном, его происхождении, его семье (место жительства, сословие, род деятельности родителей), восприемниках (место жительства, социальная принадлежность). Составляющие записей о браке — сведения о женихе и невесте, их поручителях (место жительства, сословие). В записях о смерти лица передаются сведения об умершем (место жительства, сословие, причина смерти).

Словоформа «человек» в МК квалифицируется как синсемантичная, требующая для полноты характеристики семантических конкретизаторов, вербализующихся через слова *рождение, брак, смерть* и производные от них.

Остановимся на вербально репрезентированных фрагментах языковой картины мира в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления. В большинстве своем эти фрагменты представлены в субтекстах МКТ вокруг слов *рожденiе, бракосочетанiе, смерть: незаконнорожденный, незаконнорожденная, о рождающихся, родившiйся, родившаяся, родился, родилась, прижитый блудно, вѣнчалась, будучи беременною дѣвицею, законная жена его (законной жены его), крестный, крестная, таинство крещѣнiя совершилъ*, *вѣнчанъ, бракомъ сочетался, холостой, по жениху, по невѣсте*, *поручители*, *умереть, помереть, мертвый, найденъ мертвымъ (найдена мертвою), по внезапной смерти не былъ исповеданъ, на учрежденныхъ на то при селенiяхъ ихъ кладбищахъ (въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище, на учрежденномъ Градскомъ кладбище)*.

Обратимся к анализу концепта, отражающего такой фрагмент жизни человека, как *рождение*.

Концепт *рождение* раскрывается с помощью конкретизаторов, указывающих на пол родившегося, его статус; на лиц, поручившихся за веру родившегося; совершивших таинство обряда крещения.

Пол родившегося указывался в МКТ при помощи лексем *сынъ, дочь, родился, родилась, родившiйся, родившаяся, родился (сынъ), родилась (дочь): У вдовы крестьянской жены Мавры Кичановой сынъ Иванъ* [ГТВЦ, 1830, I, л.4 об.]. *Временнообязанный крестьянинъ Гурiй Степановъ Быковъ и жена его Татiяна Николаева дочь Анна* [ГТВЦ, 1830, II, л. 15 об.]. *У крестьянина Макара Кириянова и законной жены его Ольги Ивановой родился Николай* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 215 об.]. *Двадцать четвертаго числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода Тимоѳей Микориковъ и законной жены его Ольги Матроновой родилась Ксенiя* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Родившiйся Борисъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *Родившiйся Валентинъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *Родившаяся Марiя* [ГТЗЦ, 1860 I, л. 193 об.]. *Родившаяся Евгенiя* [ГТЗЦ, 1860 I, л. 194 об.]. *Туринского округа Калужской волости у почтмейстера Ѳедора Васильева Васильева и законной жены его родился сынъ Иванъ* [ГТВЦ, 1860, II, л. 190 об.]. *Города Тюмени у отставного казака Ивана Леонидова Микулина и жены его Татiяны Миколовой родилась дочь Анна* [ГТВЦ, 1860, II, л. 191 об.] и т.д.

В словарях русского языка XIX века глагол *родиться* имеет следующие значения: 1) сов. вид к *раждаться* и *рожаться* «происходить, получать начало», «быть раждаему» и 2) стар. «находиться, быть» [СЦСРЯ IV: 139; САР V: 790; Даль IV: 9]. Словарь современного русского языка отмечает значения глагола *родиться*: 1) «получить жизнь в результате родов, появиться на свет»; 2) перен. «появиться, возникнуть»; 3) «вырасти, произрасти, давая урожай, плоды» [МАС III:724].

В субтекстах первой части МК лексемы *родился, родилась, родившаяся, родившiйся, о рождающихся* связаны в своем значении с «родиться, быть рожденным», «получить жизнь в результате родов, появиться на свет».

Статус родившегося обозначался при помощи лексем *незаконнорожденный*, *незаконнорожденная*; словосочетаний *прижитый блудно, прижитая блудно: У крестьянской дѣвки Багандинской волости Агрипины Михайловой Сирюлёвой незаконнорожденная* [ГТПЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *У прiезжей дѣвки Багандинской волости Татьяны Васильевой Унжаковой незаконнорожденная* [ГТПИЦ, 1860, л. 193 об.]. *У прiезжей поселенке Александры*

Ивановой Томиловой *незаконнорожденный* [ГТВЦ, 1860, I, л. 192 об.]. *У Павла Трифанова Белянина и жены его Марiи Петровой* *прижитая блудно* *дочь Пелагея* [ГТПЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *У крестьянина Гаврила Власова Шмурыгина и законной жены его Анны Григорьевой* *прижитый блудно* *сынъ Богданъ* [ГТЗЦ, 1866, I, л. 16 об.] и т.д.

В словаре В.И.Даля субстантивированное причастие *незаконнорожденный(ая)* имеет следующие значения: 1) «противный обычаям, преданиям, обрядам, приличию»; 2) «незаконный ребенок, незаконнорожденный, небрачно, вне брака рожденный, незаконноприжитый, безотний, семи батечный (бранно), от небрачной четы» [Даль II:519]. Современный словарь русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой отмечает одно значение субстантивированного причастия *незаконнорожденный* как «рожденный от родителей, не состоявших в законном браке» [Евгеньева II:444]. В наших источниках лексемы *незаконнорожденный* и *незаконнорожденная* также имеют значение «вне брака рожденный ребенок».

В субтекстах, содержащих лексемы *незаконнорожденный*, *незаконнорожденная*, личное имя младенца, как правило, отсутствует: *Ялуторовского округа Рафайловской волости у поселенца Лариона Трофимова Рогожина и законной жены его Екатерины Ивановой* *незаконнорожденный* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 133 об.]. *Въ остроге у пересыльной арhстантке дhвки Анны Афанасьевой Афанасьевой же* *незаконнорожденная* [ГТПЦ, 1848, I, л. 587 об.]. *У вдовы мhщанской жены Феодосiи Артемьевой Елипсевой* *незаконнорожденный* [ГТПЦ, 1848, I, л. 219 об.].

В Градо-Тюменской Пророко-Ильинской и Градо-Тюменской Вознесенской церквях употребительно словосочетание *прижитый блудно (прижитая блудно): У Павла Трифанова Белянина и жены его Марьи Петровой* *прижитая блудно* *дочь Пелагея* [ГТПЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *У крестьянина Гаврила Власова Шмурыгина и законной жены его Анны Григорьевой* *прижитый блудно* *сынъ Богданъ* [ГТЗЦ, 1866, I, л. 16 об.] и т.д.

В толковом словаре В.И.Даля зафиксированы следующие значения однокорневого прилагательного *приблудный*: 1) «прил. разг.-сниж. рожденный от родителей, не состоявших в официальном браке»; 2) «незаконнорожденный» [Даль I:99].

В МКТ сочетания *прижитый блудно, прижитая блудно* в значении «рожденный(ая) незаконно, вне брака» синонимичны лексемам *незаконнорожденный, незаконнорожденная*.

В некоторых субтекстах МКТ сочетание *вhнчалась, будучи беременной дhвицей* использовалось писцом, если речь шла о рождении ребенка, мать которого была беременной до брака (в субтекстах имя ребенка отсутствует, родившийся обозначается как *незаконнорожденный*): F*едоръ Семеновъ Берсеневъ и Акулина* F*едорова Богдашева вhнчалась, будучи беременною дhвицію у нихъ незаконнорожденная* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 25 об.].

В субтекстах МКТ употребительны словосочетания *законная жена его, законной жены его*: *У мhщанина Егора Силова и законной жены его Анны Ивановой, оба православнаго вhроисповhданія сынъ Иванъ* [ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.]. *Деревни Мысовской у крестьянина* F*едора Скоробогатова и законной жены его Вали Васильевой близнецы Прокопій и Василій* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 37 об.]. *Ялуторовского уhзда Бобалевской волости деревни Ершиной крестьянинъ* F*едотъ Семеновъ Белошудовъ и законная жена его Ольга Иванова оба православнаго вhроисповhданія, священникъ Прохоръ Дизержовскій* [ГТЗЦ, 1840, I, л. 308 об.].

Словосочетания *законная жена его, законной жены его,* употребляемые в субтекстах первой части МК, характеризуют мать родившегося как лицо, состоящее в официальном браке (Ср.: О браке: 1) «принять закон, обвенчаться, жениться»; 2) «к закону относящийся, согласный с законом, с установлениями церкви и государства» [Даль I:588]).

В МКТ лексемы *крестный, крестная* дополнительно указывают на лицо, поручившееся за веру ребенка: *Крестный Ларионъ Ивановъ Кулаковъ крестная Марія Епанова Горяшина* [ГТПИЦ, 1812, I, л. 24 об.].

В ряде субтекстов МКТ указывается на совершившееся таинство обряда крещения [*(таинство) крещhнія (совершилъ)*], совершивший обряд крещения: *Таинство крещhнія совершилъ священникъ Гланскій* [ГТПИЦ, 1802, I, л. 23 об.]. *Таинство крещhнія совершилъ протоіерей Николай Солютинскій* [ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.].

По данным словаря В.И.Даля, субстантиват *крестный* мужского рода, субстантиват *крестная* женского рода имеют значение

«крестный отец, мать, кум и кума, восприемники от купели; — сын, дочь, крестники, принятые кем от купели; — брат, сестра, принятые от купели одним и тем же лицом, у кого общий крест, отец или мать» [Даль II:191].

Субстантиваты *крестный, крестная* реализуются в субтекстах МКТ в значении «духовный родитель, который в ходе таинства крещения принимает ответственность перед Богом за духовное воспитание крестника».

Лексема *родился* и однокорневые с ней *(незаконнорожденный, незаконнорожденная, родившiйся, родившаяся, о родившихся, родился, родилась)* связаны с существительным *род*. Согласимся с утверждением Е.И.Зиновьевой, считающей, что «в этих производных с корнем *-род-* происходит частичное «снятие» синкретизма производящего существительного *род,* благодаря специализации значений» [Зиновьева 2000:138]. «Концепт род входит в семантическое ядро русской культуры, а слова одной с ним словообразовательной парадигмы, отражая культурный фон эпохи, являются лексической репрезентацией фрагмента языкового образа мира изучаемого периода времени. В современном же языке, благодаря оформлению понятия на новом уровне сознания (conceptus), одновременно сохраняя внутреннюю форму (conceptum), вновь становится символом-синкретой в условиях изменившегося культурного фона. А его увеличившееся словообразовательное гнездо сохраняет семантическую доминанту корня, тем самым оставаясь в национальной культуре и отражая менталитет русского человека. См., например: *родина, родиться, родители, родной, родимый, родинка, родник, родственник, родня, родовой, родоначальник, родословная, рожа, рожать, уроженец, благородство* и многие-многие другие лексемы этого словообразовательного гнезда в русском языке» [Зиновьева 2001:27].

Концепт *рождение* в субтекстах записей первой части МКТ (о родившихся) мог быть репрезентирован:

1) субстантиватами мужского или женского рода *родившiйся, родившаяся* (в рамках формулы): *Родившаяся Евдокiя* [ГТПЦ, 1854, I, л. 68 об.]. *Родившаяся Анна* [ГТПЦ,1854, I, л. 70 об.]. *Родившiйся Борисъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *Родившiйся Валентинъ* [ГТПИЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *Родившiйся Александръ*

[ГТЗЦ, 1860 I, л. 1 об.]. *Родившiйся Григорiй* [ГТЗЦ, 1860 I, л. 1 об.];

2) субстантиватом *о родившихся* (субстантивированное причастие прошедшего времени в форме множественного числа в предложном падеже с предлогом *-о-*): *Записи о родившихся* [ГТВЦ, 1802, I, л. 1 об.]. *Метрическая тетрадь о родившихся* [ГТПИЦ, 1808, I, л. 1 об.]. *Часть первая, о родившихся* [ГТПЦ, 1860, I, л. 1 об.];

3) субстантиватом *о рождающихся (о раждающихся)* (субстантивированное причастие настоящего времени в форме множественного числа в предложном падеже с предлогом *-о-*): *1810 годъ, о рождающихся* [ГТЗЦ, 1810, I, л. 1 об.]. *Часть первая о раждающихся (Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь)* [ГТПИЦ, 1845, I, л. 2 об.];

4) субстантиватами мужского или женского рода *незаконнорожденный, незаконнорожденная*: *Двадцать восьмаго числа города Тюмени у отпущенницы Анны Никiфоровой Резанцевой незаконнорожденная дочь Матрона* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 207 об.]. *Двадцать девятаго числа города Тюмени у солдатки Стефаниды Петровой Метелевой незаконнорожденный сынъ Зотикъ* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 211 об.];

5) субстантиватами *крестный, крестная*: *Крестный Матвей Войновъ крестная крестьянская дочь Анна Андрѣева Воронова крещѣна священникомъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.]. *Крестный Василiй Зайковъ крестная: дочь Настасья Григорьева Зайкова крещѣна священникомъ Богдановымъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.]. *Крестный Иванъ Черепашковъ крестная дочь Евдокiя Никитина Елистева крещѣн тем же священникомъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 12 об.]. *Крестный Ларионъ Ивановъ Кулаковъ крестная Марiя Епанова Горяшина* [ГТПИЦ, 1812, I, л. 24 об.];

6) словосочетаниями *прижитый блудно, прижитая блудно* (субстантивированное причастие мужского или женского рода единственного числа + наречие): *У Павла Трифанова Белянина и жены его Марьи Петровой прижитая блудно дочь Пелагея* [ГТПЦ, 1860, I, л. 190 об.]. *У крестьянина Гаврила Власова Шмурыгина и законной жены его Анны Григорьевой прижитый блудно сынъ Богданъ* [ГТЗЦ, 1866, I, л. 16 об.];

7) сочетаниями *родился сынъ, родилась дочь* (глагол в прошедшем времени мужского или женского рода единственного числа + существительное мужского или женского рода): *Двадцать четвертаго числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же именія Тимоѳей Лаврентьевъ Кузнецовъ и законная жена его родилась дочь Ксенія* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Города Тюмени у мѣщанина Льва Васильева Краснова и законной жены Татьяны Никонаевой родилась дочь Матрона* [ГТПИЦ, 1837, I, л.210 об.]. *Восьмого числа у отставного солдата Ѳедора Осипова Колодина и законной жены его Маріами Стефановой родился сынъ Мина* [ГТПИЦ, 1837, I, л. 211 об.];

8) словосочетаниями *законная жена его, законной жены его*: *У мѣщанина Егора Силова и законной жены его Анны Ивановой, оба православнаго вѣроисповѣданія сынъ Иванъ* [ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.]. *Деревни Яровской у крестьянина Василія Васильева и законной жены его Прасковьи Ивановой сынъ Павелъ* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 17 об.]. *Ялуторовского уѣзда Бобалевской волости деревни Ершиной крестьянинъ Ѳедотъ Семеновъ Белошудовъ и законная жена его Ольга Иванова оба православнаго вѣроисповѣданія, священникъ Прохорь Дизержовскій* [ГТЗЦ, 1840, I, л. 308 об.];

9) клишированной конструкцией *вѣнчалась, будучи беременною дѣвицею: Крестьянинъ Гаврила Павловъ Мохіевъ и поселенка Татіяна Алексѣева Ковалькова вѣнчалась, будучи беременною дѣвицію у нихъ незаконнорожденный сынъ Михаилъ* [ГТПЦ, 1848, I, л. 576 об.]. *Ѳедоръ Семеновъ Берсеневъ и Акулина Ѳедорова Богдашева вѣнчалась, будучи беременною дѣвицію у нихъ незаконнорожденная* [ГТЗЦ, 1860, I, л. 25 об.];

10) клишированной конструкцией *таинство крещѣнія совершилъ*: *Таинство крещѣнія совершилъ* священникъ Гланскій [ГТПИЦ, 1802, I, л. 23 об.]. *Таинство крещѣнія совершилъ протоіерей Николай Солютинскій* [ГТВЦ, 1802, I, л. 17 об.]. *Таинство крещѣнія совершилъ Тихонъ Богдановъ* [ГТПИЦ, 1809, I, л. 16 об.]. *Таинство крещѣнія совершилъ Дьячокъ Николай Рычновъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 196 об.]. *Таинство крещѣнія совершилъ священникъ Тихонъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 196 об.]. *Таинство крещѣнія совершилъ священникъ Прохоръ Дизержовскій* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 308 об.]. *Таинство крещѣнія совершилъ священникъ Георгій*

Глинскiй [ГТПИЦ, 1842, I, л. 96 об.]. *Таинство крещѣнiя совершилъ священникъ Михайловъ* [ГТПИЦ, 1865, I, л. 17 об.].

11) простыми предложениями: *Города Тюмени у мѣщанина Василiя Кривошеiна сынъ Яковъ* [ГТПИЦ, 1810, I, л. 8 об.]. *У мѣщанина Андрея Пестерова и жены его Анны Мешандровой сынъ Мартижанъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 1 об.]. *Деревни Яровой у крестьянина Василiя Таилы и жены его Парасковы Ивановой сынъ Павелъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 1 об.]. *У крестьянина Ивана Симакова и жены его Екатерина Анорповой сынъ Георгiй* [ГТВЦ, 1830, I, л. 2 об.]. *У купецкого внука Александра Баранова и жены его Анны Васильевой сынъ Семенъ* [ГТВЦ, 1830, I, л. 2 об.];

Итак, языковая объективация концепта *рождение* в МКТ достигается конкретизаторами: лексемами *сынъ, дочь, незаконнорожденный, незаконнорожденная, родившiйся, родившаяся, о родившихся, о рождающихся, о раждающихся, родился, родилась, крестный, крестная;* словосочетаниями *родился сынъ, родилась дочь, прижитый блудно, прижитая блудно, законная жена его, законной жены его*; клишированными конструкциями *вѣнчалась, будучи беременною дѣвицей, таинство крещѣнiя совершилъ*.

В субтекстах стандартных записей о рождении рассматриваемый концепт *рождение* включает:

— однокорневые морфемы с корнем *-род-: родился (родилась), родившiйся (родившаяся), о родившихся, о рождающихся, незаконнорожденный (незаконнорожденная)*;

— однокорневые морфемы с корнем *-крест-(-крещ-): крестный (крестная), (таинство) крещѣнiя (совершилъ)*;

— синонимические пары: *незаконнорожденный(ая) и прижитый(ая) блудно*;

— словосочетания: *прижитый блудно; законная жена его (и законной жены его)*;

— клишированные конструкции: *вѣнчалась, будучи беременной дѣвицей; таинство крещѣнiя совершилъ*.

Таким образом, концепт *рождение* репрезентируется лексемами, словосочетаниями, реже — простыми клишированными предложениями, функционирующими в субтекстах МКТ в составе определенных формул.

3.3. Языковая репрезентация концепта брак

В метрических книгах первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления концепт *брак* мог включать конкретизаторы, указывающие на очередность брака, статус бракосочетавшихся, а также на лиц со стороны бракосочетавшихся и лицо (лица), совершившего обряд бракосочетания.

Очередность брака или венчания жениха и невесты обозначалась в МКТ с помощью словосочетаний *первымъ бракомъ сочетался, вторымъ бракомъ сочетался, первымъ бракомъ, вторымъ бракомъ, 2-ой бракъ, первый бракъ, второй бракъ, при браке, первымъ браком вѣнчанъ, вторымъ бракомъ вѣнчанъ: Степановъ Головинъ первымъ бракомъ сочетался Градского Благовещенского приказа*… [ГТВЦ, 1829, II, л.115 об.]. *Сѣго Вознесенского Прихода купца Егора Проскуринова дворовой изъ Калинова Александръ Герасимовъ вторымъ бракомъ сочетался, созоновского прихода съ крестьянской дочерью дѣвицей Марьей Егоровой Кривозиновой* [ГТПЦ, 1856, II, л. 144 об.]. *Города Тюмени деревни Букиной крестьянъ Яковъ Кондратовъ Чикишевъ первымъ бракомъ той же деревни съ крестьянской дочерью дѣвицей Марьей Андрѣевой Вороновой* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Иванъ Яковлевъ Тикановъ вторымъ бракомъ съ дѣвицей Анной Николаевой Бурылевой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 9 об.]. *Градотюменского прихода деревни Ожениной крестьянинъ Алексей Осиѳовъ Проскурсковъ 2-ой бракъ: Ильбинского прихода Тюмени съ вдовой крестьянкой женой Акулиной Еѳимовой Вилижаной* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]. *Двадцатаго числа Тюменского уѣзда Пышминского прихода Данилъ Яковлевъ Миринъ первый бракъ и вдова Ольга Онисимова Шурилина второй бракъ* [ГТВЦ, 1852, II, л. 184 об.]. *Священникъ Прохоръ Косминъ Дизертовскій при браке были діяконъ Григорій Ивановъ Космаковъ пономарь Іоаннъ Яковлевъ Машановъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.].

В ряде субтекстов МКТ в состав словосочетаний включалась лексема *вѣнчанъ*: *Владимирской губерніи, Села Ставрова крестьянинъ Андрей Ивановъ Копыловъ первымъ бракомъ вѣнчанъ съ мѣщанской дочерью дѣвицей Анной Милевой* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Туринского округа Калужской волости почтмейстеръ Ѳедоръ Васильевъ Васильевъ первымъ бракомъ вѣнчанъ съ*

дѣвицей Татьяной Егоровой [ГТВЦ, 1860, II, л. 190 об.]. *Города Тюмени мѣщанинъ Николай Аѳанасьевъ Захаровъ вторымъ бракомъ вѣнчанъ того же прихода съ мѣщанской дочерью дѣвицей Анной Егоровой Кривошеiной* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.].

В толковом словаре В.И.Даля зафиксированы следующие однокоренные слова к лексеме *вѣнчанъ*: «*Повенчать, обвенчать, свенчать* — совершить над кем таинство брака. *Венчевати,* црк. — увенчевать, венчать. *Венчанье* ср. — действие и состояние по знач. гл. на *-ть* и *-ся. Венчателъство* — то же. *Венчательный* или *венчальный* — до венчания относящийся, к обряду венчания принадлежащий; подвенечный. *Венчальное* сущ. — повенечное, повенчальное, плата за венчанье. *Венчатель м. — ница ж.* — венчающий, венчавший» [Даль I:123]. В современном русском языке значение лексемы *вѣнчанъ* также связано с исполнением «церковного обряда бракосочетания» [Евгеньева II:149].

В некоторых записях о бракосочетавшихся словосочетание с главным словом глаголом *сочетался* также содержит информацию о браке: *Градовознесенского прихода купецкiй сынъ Николай Григорьевъ Решетниковъ первымъ бракомъ сочетался съ купецкой дочерью Ѳектистой Гавриловой Барашниковой* [ГТВЦ, 1852, II, л. 182 об.].

В словаре В.И.Даля указывается: «*Бракосочетание, брачение* ср. венчание, повенчание четы, обряд освящения брака установленным церковью таинством. Брачный, относящийся к браку, к свадьбе. Брачить кого, венчать, более употреб. обрачить; брачиться, сочетаться браком, венчаться, быть обвенчанным. *Повенчать* кого с кем, или чету, обвенчать, свенчать, сочетать браком, обрачить; -ся, обвенчаться» [Даль I:123].

Как видим, в данной словарной статье глаголы *брачить (кого), венчать, брачиться, сочетаться браком, венчаться, повенчать* приводятся в одном синонимическом ряду.

Лексема *вѣнчанъ* и словосочетание с главным словом глаголом *сочетался* в субтекстах МК Градо-Тюменской Пророко-Ильинской, Градо-Тюменской Вознесенской и Градо-Тюменской Покровской церквях употреблялись в однотипных записях и, видимо, рассматривались писцами как синонимичные: *Владимирской губернiи, Села Ставрова крестьянинъ Андрей Ивановъ Копыловъ первымъ бракомъ вѣнчанъ съ мѣщанской дочерью дѣвицей Анной*

Милевой [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Сѣго Вознесенского Прихода купца Егора Проскуринова дворовой изъ Калинова Александръ Герасимовъ первымъ бракомъ сочетался, созоновского прихода съ крестьянской дочерью дѣвицей Маріей Егоровой Кривозиновой* [ГТПЦ, 1856, II, л. 144 об.].

Однако в словаре В.И.Даля в словарной статье *брак* выделено в отдельные значения: 1) «законный союз мужа и жены»; 2) «супружество»; 3) «таинство венчания, соединение четы церковию»; 4) «союз церкви с Господом, воссоединение человека через церковь» [Даль I:123]. В современном русском языке значение слова *брак* также связано с исполнением церковного обряда (Ср.: 1) «соединить кого-л. браком по церковному обряду»; 2) «обвенчать» [Евгеньева I:111]).

В наших источниках устойчивое сочетание *бракомъ сочетался* и лексема *вѣнчанъ* выступают в значении «сочетаться по церковному обряду бракосочетания».

В исследуемых МКТ лексемы *холостой* и *дѣвица* также репрезентируют концепт *брак*.

Лексемы *холостой* и *дѣвица* указывают на статус брачующихся: *Резановской Губерніи Спасского Уѣзда Гавриловской волости крестьянинъ Иванъ Власовъ холостой* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 13 об.]. *Вятской губерніи Уржумскій мѣщанинъ Михаилъ Алексѣевъ Власьевъ холостой* [ГТПЦ, 1860, I, л. 191 об.]. *Крестьянинъ Иванъ Михайловъ Парѳеновъ съ крестьянской дочерью дѣвицей Дарьей Даниловой Елкиной* [ГТВЦ, 1852, II, л. 65 об.]. *Двадцать втораго числа Градотюменского Покровского прихода Городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Гаврилъ Васильевъ Вороновъ холостой Тюменского уѣзда Пышминского прихода съ дѣвицей Пелагѣей Максимовой дочерью Максима Ѳедотова Мепина* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]. В словаре XIX века лексема *холостой* имеет следующие значения: 1) «неженатый, одинокий, не вступивший в брак»; 2) «вдовый»; лексема *дѣвица* — «1) «незамужняя, одинокая, не вступившая в брак»; 2) «вдовая» [Даль IV: 559; I:123]. В современном русском языке значение этих слов сужается. Ср.: *холостой* «неженатый, не вступивший в брак», *дѣвица* «лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоявшее в браке» [Евгеньева IV:618; I:375].

В субтекстах анализируемых источников лексемы *холостой и дhвица* имеют значение «не вступавший в брак мужчина» или «не вступавшая в брак женщина».

Концепт *брак* репрезентируется лексемами *(по) жениху, (по) невhсте, поручители*, которые характеризуют лиц, засвидетельствовавших брак со стороны жениха и невесты*: По жениху городовой волости крестьянинъ Илья Леонтьвъ Брюмановъ, по невhсте городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Андрей Ивановъ Вороновъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]. *Поручители мhщанинъ Иванъ Стеfаноf Ингулдъ и Егоръ* Fедоровъ *Пантелhевъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.].

Лексемы *невhста, женихъ*, по данным словаря В.И.Даля, имеют следующие значения: 1) «девица, вдова или разводка, сговоренная замуж»; 2) «обреченная или обрученная мужу, засватанная, просватанная, зарученная»; 3) «запитая девка»; 4) «вообще, всякая взрослая девица, о которой говорят, что она заневестилась, вошла во все года»; 5) «о взрослой и незамужней вообще: принимать вид невесты, молодиться, красоваться, казотиться; или скромничать, стыдиться и прятаться, как прилично невесте» [Даль II:508]; *женихъ* — 1) «сговоривший себе невесту или сговоренный с невестою»; 2) «суженый, зарученный, иногда обрученный»; 3) «всякий приискивающий себе невесту, намеренный жениться и даже всякий достигший полных лет, брачного возраста, молодой мужчина» [Даль I:533]. В современном русском языке сохраняются значения слов *женихъ* как «мужчина, имеющий невесту, будущий муж. Неженатый мужчина, ищущий невесту, намеревающийся жениться»; *невhста* как «женщина, имеющая жениха, будущая жена. Незамужняя женщина, ищущая жениха, намеривающая выйти замуж» [Евгеньева I:477; II:426].

Данные МКТ первой половины XIX века позволяют уточнить значения лексемы *женихъ*: «неженатый мужчина, нашедший невесту и намеревающийся обвенчаться с нею по церковному обряду»; лексемы *невhста* — «незамужняя женщина, нашедшая жениха и намеревающаяся обвенчаться с ним по церковному обряду».

Концепт *брак* вербализуется и лексемой *поручители.* В XIX веке лексема *поручители* имела значения: 1) «ходатай, поверенный, заступник»; 2) «заложник, ответчик в чем за кого»; 3) «поверитель, или дающий порученье» [Даль III:124].

В материалах МК лексема *поручители* используется в значении «духовные ответчики, которые в ходе таинства венчания принимают ответственность перед Богом за духовное попечение брачующихся».

В субтекстах МКТ концепт *брак* фиксируется в определенных формулах и репрезентируется:

1) лексемой *холостой*: *Третьей гильдіи купецъ цыганъ Иванъ Васильевъ Четвериковъ* <u>*холостой*</u> [ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.]. *Двадцать втораго числа Градотюменского Покровского прихода Городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Гаврилъ Васильевъ Вороновъ* <u>*холостой*</u> [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]. *Двадцать четвертого числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же именія Тимоѳей Лаврентьевъ Кузнецовъ* <u>*холостой*</u> [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Уволенный въ запасъ Иванъ Яковлевъ Мехонинъ* <u>*холостой*</u> [ГТВЦ, 1842, II, л. 178 об.];

2) лексемами *(по) жениху, (по) невѣсте* (существительные единственного числа в Д.п. с предлогом *-по-*): <u>*По жениху*</u> *городовой волости крестьянинъ Илья Леонтьевъ Брюмановъ*, <u>*по невѣсте*</u> *городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Андрей Ивановъ Вороновъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 213 об.]. <u>*По жениху*</u>*: Тюменскій мѣщанинъ Ѳедоръ Алексѣевъ Сотниковъ*, <u>*по невѣсте*</u> *Тюменскій мѣщанинъ Андрей Ивановъ Никоновъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. <u>*По жениху*</u> *Тюменскій мѣщанинъ Петръ Ивановъ Бородинъ*, <u>*по невѣсте*</u> *крестьянинъ Иванъ Аѳанасьевъ Берестовъ* [ГТПИЦ, 1812, II, л. 117 об.];

3) лексемой *поручители* (существительное множественного числа в и.п.): <u>*Поручители*</u> *мѣщанинъ Иванъ Стеѳановъ Ингулдъ и Егоръ Ѳедоровъ Пантелѣев* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]; <u>*Поручители*</u> *Иванъ Васильевъ Четвериковъ и мѣщанинъ Ивана Косминъ Мерновниковъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.].

4) словосочетаниями, включающими лексему *съ дѣвицей: Двадцать четвертаго числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же именія Тимоѳей Лаврентьевъ Кузнецовъ* <u>*съ дѣвицей*</u> *Анной Ивановой дочерью мѣщанина Градо-Тюменского Покровского прихода Алексѣева Ивана Голованова* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Градского Ильинского прихода мѣщанинъ Иванъ Семеновъ Коробниковъ Зверинского села умершего діячка Ивана Корчнова с дочерью его* <u>*дѣвицей*</u> *Марьей* [ГТВЦ, 1840, II, л. 7 об.];

5) клишированными конструкциями:

а) словосочетаниями *первым браком, первый брак, вторым браком, второй брак, 2-ой брак* и лексемой *брак (при браке, браком)*: *Города Тюмени деревни Букиной крестьянъ Яковъ Кондратовъ Чикишевъ первымъ бракомъ той же деревни съ крестьянской дочерью дѣвицей Марьей Андрѣевой Вороновой* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Двадцатого числа Тюменского уѣзда Пышминского прихода Данилъ Яковлевъ Миринъ первый бракъ и вдова Ольга Онисимова Шурилина второй бракъ* [ГТВЦ, 1852, II, л. 184 об.]. *Иванъ Яковлевъ Тикановъ вторым бракомъ съ дѣвицей Анной Николаевой Бурылевой* [ГТВЦ, 1829, II, л. 9 об.]. *Градотюменского прихода деревни Ожениной крестьянинъ Алексей Осиѳовъ Проскурсковъ 2-ой бракъ…* …[ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]. *…при браке были діяконъ Григорій Ивановъ Космаковъ пономарь Іоаннъ Яковлевъ Машановъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 212 об.];

б) словосочетаниями *первым браком вѣнчанъ, вторымъ бракомъ вѣнчанъ* (с главным словом кратким причастием): *Владимирской губерніи, Села Ставрава крестьянинъ Андрей Ивановъ Копыловъ первымъ бракомъ вѣнчанъ съ мѣщанской дочерью дѣвицей Анной Милевой* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 97 об.]. *Изъ поселенцевъ Алексей Ѳилипповъ Малыгинъ вторымъ бракомъ вѣнчанъ съ поселенкой Евдокіей* [ГТВЦ, 1829, II, л. 6 об.];

в) глагольным словосочетанием *первым браком сочетался* (с главным словом — глагол несовершенного вида прошедшего времени мужского рода): *Сѣго прихода города Тюмени крестьянинъ Николай Степановъ Головинъ первымъ бракомъ сочетался Градского Благовещенского приказа…* [ГТВЦ, 1829, II, л. 115 об.]. *Сѣго Вознесенского Прихода купца Егора Проскуринова дворовой изъ Калинова Александръ Герасимовъ первымъ бракомъ сочетался, созоновского прихода съ крестьянской дочерью дѣвицей Маріей Егоровой Кривозиновой* [ГТПЦ, 1856, II, л. 144 об.].

Языковая объективация концепта *брак* в МКТ достигается конкретизаторами: лексемами *холостой*; *бракъ (при браке, бракомъ); (по) жениху, (по) невѣсте* (существительные единственного числа в Д.п. с предлогом *-по*), *поручители* (существительное множественного числа в И.п.), словосочетаниями *первымъ бракомъ сочетался* (с главным словом — глаголом несовершенного вида прошедшего времени мужского рода); *первымъ бракомъ,*

первый бракъ, вторым бракомъ, второй бракъ, 2-ой бракъ; *первымъ бракомъ вѣнчанъ, вторымъ бракомъ вѣнчанъ* (в роли главного слова причастие краткой формы единственного числа мужского рода *вѣнчанъ*); простыми предложениями.

Таким образом, концепт *брак* получает языковое выражение благодаря:

— лексемам: *сочетался, вѣнчаны, холостой, по жениху, по невѣсте, поручители, при браке, бракомъ*;

— словосочетаниям: *вторымъ бракомъ, второй бракъ, первымъ бракомъ, первый бракъ, первымъ бракомъ вѣнчанъ, вторымъ бракомъ вѣнчанъ*;

— субстантивным словосочетаниям, включающим словоформу *съ дѣвицей (дѣвицей): крестьянинъ съ крестьянской дочерью дѣвицей*, *купецъ цыганъ съ дѣвицей.*

3.4. Языковая репрезентация концепта смерть

Изучение смертности имеет длительную историю. «Дореволюционная отечественная историография, основанная на материалах церковного учета, в меньшей степени касалась вопросов рождаемости, брачного состояния населения, акцентируя внимание главным образом на изучении смертности. Первые исследования этой проблематики появились в России в XVIII в., но они касались смертности в общих чертах» [Сарафанов 2007:196].

Интерес к обозначенной проблематике обусловлен тем, что «точное знание законов смертности какой-либо страны имеет решающее значение в суждениях о ее санитарном положении и жизненной силе ее населения. Влияние смертности отражается также и на политико-экономической жизни всякого народа…» [Бессер, Баллод 1897:147].

Смертность, как правило, изучается с двух сторон. К первой относятся антропонимические характеристики умершего — место смерти, пол, возраст, социальное положение, ко второй — причина и время смерти. Данные характеристики умершего обозначаются и в МКТ.

Концепт *смерть* в МКТ репрезентируется семантическими конкретизаторами, указывающими на пол умершего, его возраст, причину смерти, на место захоронения человека.

В рассматриваемых МКТ пол умершего обозначался при помощи лексем *сынъ*, *дочь*: *умеръ сынъ, умерла дочь, умерли дети: Деревни Яровой у крестьянина* Fедора Чеглонова *умерла дочь Настасья* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *В*ъ *остроге пересыльного Гаврила Мельникова умеръ сынъ* Fилиппъ [ГТПЦ, 1852, III, л. 633 об.].

В ряде субтекстов используется лексема *дети*, однако далее следуют имена собственные, называющие ребенка по полу (Иванъ, Романъ и т.п.): *Города Тюмени у ямщика Ивана Лужина умерли дети Иванъ и Романъ* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.] и т.д.

Лексемы *сынъ* и *дочь* в значении, отмеченном в XIX веке, употребляются и в современном русском языке (Ср.: «Всякий мужчина по отцу и матери сын, а женщина дочь» [Даль IV:375]; «Лицо мужского или женского пола по отношению к своим родителям» [Евгеньева I:442]).

Существительные *сынъ, дочь, дети* реализуются в субтекстах МКТ в значении «родившийся ребенок (дети) женского, мужского пола».

В МКТ лексема *младенецъ*, используемая в сочетаниях *умеръ сынъ младенецъ, умерла дочь младенецъ*, указывает на возраст умершего (умершей): *Двадцать втораго числа города Тюмени у отставного казака Прокопiя Иванова умерла дочь младенецъ Матрона* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. *Покровской церкви дiякона Павла Потихарского умеръ сынъ младенецъ Петръ* [ГТПЦ, 1843, III, л. 163 об.] и т.д.

В материалах МКТ лексема *младенецъ* имеет значение «маленький ребенок» (Ср.: *младенецъ* «дитя до семи лет» [Даль II:332]; *младенецъ* «дитя, маленький ребенок» [Евгеньева II:279]).

В отношении умершей женщины указывалось, была ли она «женой», «вдовой» или «девицей». В тех случаях, когда умирала незамужняя женщина, в метрике она записывалась девицей, даже если ей было 80 лет: *Тюменская мѣщанская дочь дѣвицей Ульяна Леонтьева Опаренова умерла отъ старости* [ГТПЦ, 1836, III, л. 129 об.]. В третьей части МКТ существительное *дѣвица* употребляется в значении «незамужняя, немолодая женщина, не вступавшая в брачные отношения».

В записи о смерти для мужчины указывалось, являлся ли он вдовцом: *Омского округа Комаковской волости вдовецъ Николай Петровъ Висковъ умеръ отъ апокалипсического удара* [ГТПЦ, 1857, III, л. 287 об.]. Отсутствие указания на вдовство свидетельствовало о том, что до смерти мужчина состоял в браке: *Мѣщанинъ Степанъ Алексѣев Широковъ умеръ отъ подагры* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.].

Не вступавший в брак пожилой мужчина обозначался в записи о смерти как *отрокъ*: *Отрокъ Яковъ Ѳедоровъ Ломаевъ умеръ отъ старости* [ГТВЦ, 1832, III, л. 19 об.]. *Тюменскій мѣщанинъ отрокъ Богдановъ Ивановъ Трофимовъ умеръ отъ сердечной боли* [ГТПЦ, 1837, III, л. 89 об.]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля четвертое значение лексемы *отрокъ* (из пяти) — «отрок на возрасте» [Даль II: 751]. В МКТ значение лексемы *отрокъ* — «неженатый, немолодой мужчина, не вступавший в брачные отношения». В современном русском языке значение лексемы *отрокъ* — «мальчик-подросток среднего возраста между ребенком и юношей» [МАС II: 678; Ожегов, Шведова 1999:479].

В метрических книгах употребительны глагольные сочетания с главным словом *умеръ* [*глагол + предлог отъ + существительное в родительном падеже (название болезни)*]: *Крестьянинъ Гурій Степановъ Быковъ умеръ отъ подагры* [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.]. *Мѣщанская дочь дѣвица Маріанна Ефимова Куприянова умерла отъ болезни сердца* [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.] и т.д.

Источником, отражающим причину смерти человека на протяжении первой половины XIX века, являлись метрические книги (3 часть). Фиксацию причин смерти можно назвать весьма условной. Точную причину смерти мог установить только врач. В большинстве же случаев от священнослужителей требовали «при записи умерших подробно расспрашивать родственников, чем хворал покойник, какие симптомы болезни замечались у больного, а не ограничиваться голословными показаниями вроде того, например, «от старости», когда покойнику не было и 60 лет…» [Смирнова 2002:36].

Соответственно запись причины смерти зависела от образованности и компетентности священника. Достаточно часто причина смерти фиксировалась на основании заявления полиции.

Например, заявление полицейского надзирателя 1-го участка Барнаула (16 сентября 1896 года) выглядело так: «Имею честь просить причт придать тело скоропостижно умершего барнаульского мещанина Федора Лазаревича Баранова, 89 лет, земле по христианскому обряду и уведомить, что смерть Баранова произошла, по заявлению родственников, от головокружения, которое с ним повторялось периодически в течение нынешнего лета и от старости. Полицейский надзиратель…» [ЦХАФ АК. Ф. 144. Оп. 5. Д. 691].

В «Словаре церковнославянского русского языка» смерть (смертность) определяется в двух значениях: как «свойство, состоянье всего смертного» и как «количество умирающих, отношенье числа их к населению» [СЦРЯ 1847:394].

По данным словаря В.И.Даля, существительное женского рода *смерть* имеет значение «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего» [Даль IV:233] и фиксируется следующий синонимичный ряд слов: «умирать, умереть, умирывать; умерть кал. умерти зап. или умерти, млрс. умрети црк. — помирать, помереть**,** умирать и умереть, лишаться жизни, уснуть на веки, перейти в вечность, преставиться, переселиться, скончаться, отдать Богу душу, упокоиться, отойти**,** перейти в вечность, на вечный покой, испустить дух, дыханье, душу, помшиться, покончиться, отжить, изойти**,** приложиться к предкам, к родителям, ко праотцам, преобразиться, угаснуть, починуть, опочить, почить вечным сном, сном праведных, смежить очи, закрыть глаза, приказать долго жить, уйти на тот свет, извечиться, извековать, -ся, исконаться, побывшиться, протянуться, протянуть ножки, окочуриться, издыбеть, одубеть. О скоте говор. издохнуть, околеть, пасть, известись» [Даль IV:492]. Лексемы *умереть, мертвый*, связанные с обозначением смерти человека, в МКТ выступают как однокорневые.

В субтекстах шестой формулы МКТ находим лексемы *погребенiе, погребенъ (погребены)*, которые репрезентируют концепт *смерть*: [где погребенъ] [ГТВЦ, 1830, III, л. 273 об.]; [кто совершалъ погребенiе и где погребены] [ГТПЦ, 1857, III, л. 300 об.] (Ср.: «Погребать, погребсти или погрести или погресть кого, предавать земле, зарывать, закапывать, хоронить, отправлять похороны, со всеми обрядами» [Даль III:168]; «Погребать — хоронить»

[Евгеньева III:207]). В метрических книгах данные лексемы реализуются в значении «предавать земле».

Концепт *смерть* вербализуется и лексемой *кладбище (кладбищахъ): на учрежденныхъ на то при селенияхъ ихъ* кладбищахъ [ГТВЦ, 1830, III, л. 273 об.]; *въ нарочито учрежденномъ при селе* кладбище [ГТЗЦ, 1853, III, л. 120 об.]; *на учрежденномъ Градскомъ* кладбище [ГТПЦ, 1857, III, л. 300 об.].

В наших источниках лексема *кладбище* используется в значении «территория, специально выделенная для захоронения умерших» (Ср.: «кладбище, кладенец, кладка, кладь и пр. — общее место, где хоронят усопших» [Даль II:113]; «место, предназначенное для погребения умерших» [Евгеньева II:53]).

Концепт *смерть* репрезентируется в МКТ в рамках формул:

1) сочетаниями: *умеръ сынъ, умерла дочь, умерли дети, умеръ сынъ младенецъ, умерла дочь младенецъ*: *Въ остроге пересыльного Гаврила Мельникова* умеръ сынъ *Филиппъ* [ГТПЦ, 1852, III, л. 633 об.]. *Деревни Яровой у крестьянина Федора Чеглонова* умерла дочь *Настасiя* [ГТВЦ, 1829, III, л.10 об.]. *Города Тюмени у ямщика Ивана Лужина* умерли дети *Иванъ и Романъ* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 67 об.]. *Двадцать втораго числа города Тюмени у отставного казака Прокопiя Иванова* умерла дочь младенецъ *Матрона* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. *Тюменской Инвалидной команды рядового Дмитрiя Петрова Афоневского* умерла дочь *Анна* [ГТПЦ, 1843, III, л. 158 об.]. *Покровской церкви дiякона Павла Потихарского* умер сынъ младенецъ *Петръ* [ГТПЦ, 1843, III, л. 163 об.];

2) словосочетаниями *найденъ мертвымъ, найдена мертвою* (в ряде субтекстов в препозиции содержалась формула, подтверждающая факт смерти): *У поселенца Михаила Матвѣева Камкина жена Ольга Николаева умерла отъ старости* найдена мертвою [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Мѣщанинъ Федоръ Васильевъ Баженинъ умеръ отъ сердечной боли* найденъ мертвымъ [ГТВЦ, 1834, III, л. 24 об.]. *Червишинской волости крестьянина Никифора Иванова Дружанина жена Марiя Стефанова умерла отъ апоплексического удара* найдена мертвою [ГТПИЦ, 1857, III, л. 14 об.]. *Градо-Тюменского Знаменского прихода крестьянинъ Дориментъ Стефоновъ Нестеровъ* найденъ мертвымъ [ГТЗЦ, 1852, III, л. 9 об.];

3) глагольными словосочетаниями [глаг. + сущ. с предлогом *отъ*] *умер отъ …*: *У поселенца Гаврила Яковлева дочь Матрена умерла отъ оспы* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *У купецкого сына Василія Комагорова сынъ Александръ умеръ отъ кори* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Города Тюмени крестьянина Григорія Сидорова жена Параскова Васильева умерла отъ сердечной боли* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Крестьянинъ Гурій Степановъ Быковъ умеръ отъ подагры* [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.]. *Мѣщанская дочь дѣвица Маріанна Ефимова Куприянова умерла отъ болезни сердца* [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.];

4) клишированной конструкцией *по внезапной смерти не был исповедан*: *Мѣщанинъ Иванъ Стефановъ Ингулдъ умеръ отъ апоплексического удара по внезапной смерти не былъ исповеданъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 146 об.]. *Созоновского прихода, деревни Борновской крестьянинъ Иванъ Ѳедоровъ Корохинъ умеръ отъ сердечной боли по внезапной смерти не былъ исповеданъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.]. *Омского округа Колмаковской волости поселенецъ Николай Петровъ Висковъ умеръ отъ апоплексического удара по внезапной смерти не былъ исповеданъ* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 14 об.];

5) клишированными конструкциями *на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ, въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище, на учрежденномъ Градскомъ кладбище*: *на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ* [ГТВЦ, 1830, III, л. 273 об.]; [ГТПИЦ, 1830, III, л. 369 об.]; [ГТПЦ, 1856, III, л. 640 об.]; *въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище* [ГТЗЦ, 1853, III, л. 120 об.]; [ГТЗЦ, 1860, III, л. 302 об.]; [ГТЗЦ, 1865—1867, III, л. 530 об.]; *на учрежденномъ Градскомъ кладбище* [ГТПЦ, 1857, III, л. 300 об.].

Особо скажем об антропонимических характеристиках, которые также отражают своеобразие узуального ядра концептов *рождение, брак, смерть*.

Так, в первой части МКТ для священнослужителей важно было обозначить родившегося через антропонимические характеристики родителей. Как правило, для записи родившегося характерна одночленная модель именования и для идентификации его используется трехчленная модель именования родителей (имя, полуотчество с суффиксами ОВ/ЕВ и фамильное прозвание

на ОВ/ИН/ЕВ), незамужних (девок), вдов: *Деревни Яровской у крестьянина Василія Васильева Туринова и законной жены его Прасковіи Ивановой сынъ Павелъ* [ГТПИЦ, 1840, I, л. 17 об.]. *Города Тюмени у крестьянина Матвія Иванова Карасева и жены его Маріи Лукиной сынъ Александръ* [ГТПИЦ, 1842, I, л. 51 об.]. *Ялуторовскаго округа Рaѣайловской волости у поселенца Лариона Трофимова Рогожина и законной жены его Екатерины Ивановой сынъ Иванъ* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 133 об.]. *Резановской Губернiи Спасского Уhзда Гавриловской волости у поселенки Мавры Аѳанасьева Кипировой дочь Анна* [ГТЗЦ, 1842, I, л. 10 об.] и т.д.

Во второй части МКТ (о бракосочетании) были значимы антропонимические характеристики бракосочетавшихся. Видимо, этим можно объяснить употребительность трехчленной модели именования жениха и невесты: *Двадцать четвертого числа Тюменского округа крестьянинъ Яланского прихода и того же именiя Тимоѳей Лаврентьевъ Милеховъ холостой съ дhвицей Анной Ивановой Курилиной Градо-Тюменского Покровского прихода* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 214 об.]. *Градо Тюменского Знаменского прихода крестьянинъ Дорiментъ Стеѳоновъ Нестеровъ первымъ бракомъ сочетался chго прихода деревни Яровской съ дочерью дhвицей Татiяной Макаровой Сиревой* [ГТВЦ, 1852, II, л. 9 об.]. *Chго Вознесенского Прихода Александръ Герасимовъ Проскуриновъ первымъ бракомъ сочетался, созоновского прихода съ крестьянской дочерью дhвицей Маріей Егоровой Кривозиновой* [ГТПЦ, 1856, II, л. 144 об.].

Особенность третьей части МКТ — продуктивность трехчленной модели именования в записи умершего: *Деревни Яровской вдова крестьянская жена Параскова Иванова Кирiянова* [ГТВЦ, 1829, III, л. 11 об.]. *Рыбацкая дочь дhвица Марана Андрhева Токарева* [ГТВЦ, 1829, III, л. 10 об.]. *Двенадцатаго числа города Тюмени мhщанская вдова Татiяна Михайлова Елисова* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 216 об.]. *Солдатская дочь дhвица Евдокiя Иванова Соколова* [ГТПЦ, 1843, III, л. 153 об.]. Для именования умершего несовершеннолетнего ребенка использовалась однокомпонентная формула, которая дополнялась антропонимическими характеристиками родителей: *Тюменской Инвалидной команды рhдового Дмитрiя Петрова Аѳоневского дочь Анна* [ГТПЦ, 1843, III, л. 158 об.]. *Покровской церкви дiякона Павла Потихарского сынъ младенецъ*

Петръ [ГТПЦ, 1843, III, л. 163 об.]. *Умершего коллежского регистратора дочери дѣвки Анны Петровой Худяковой дочь Пелагея* [ГТПЦ, 1846, III, л. 160 об.]. *Въ остроге пересыльного Гаврила Мельникова сынъ Ѳилиппъ* [ГТПЦ, 1852, III, л. 633 об.].

В записях рукоприложений священнослужителей во всех трех частях фиксируется двучленная (реже одночленная) антропонимическая модель именования лица, что свидетельствует, на наш взгляд, о складывании норм в оформлении скреп МК: *священникъ Михаилъ Богдановъ* [ГТПИЦ, 1810, II, л. 113 об.]; *священникъ Прохоръ Косминъ Дизертовскій* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 213 об.]; *священникъ Иванъ Тихановъ* [ГТВЦ, 1829, III, л. 115 об.]; *священникъ Григорьевскій* [ГТВЦ, 1830, III, л. 270 об.].

Языковая объективация концепта *смерть* в МКТ достигается конкретизаторами: лексемами *сынъ, дочь* (существительное единственного числа мужского или женского рода), редко лексемой *дети* (существительное множественного числа), *дѣвица* (существительное единственного числа женского рода), *отрокъ* (существительное единственного числа мужского рода), *погребеніе* (существительное единственного числа среднего рода), *погребенъ (погребены)* (краткое причастие); словосочетаниями *сынъ младенецъ, дочь младенецъ*; *умеръ отъ ...* [*причина болезни*]; *найденъ мертвымъ, найдена мертвою.* В МКТ место погребения обозначено клишированными конструкциями: *на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ*, *въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище, на учрежденномъ Градскомъ кладбище*.

Таким образом, концепт *смерть* получает языковое выражение благодаря:

— лексемам: *сынъ, дочь, дети, дѣвица, отрокъ, погребеніе, погребенъ, погребены*;

— словосочетаниям: *сынъ младенецъ, дочь младенецъ*, *умеръ отъ* + *существительное в Р.п. (название болезни)*;

— клишированным конструкциям: *найденъ мертвымъ, найдена мертвою, по внезапной смерти не былъ исповеданъ, на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ (въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище, на учрежденномъ Градскомъ кладбище)*.

Необходимо отметить то, как писцы фиксировали в метрических книгах причину смерти человека. Квалификация причин смерти

«зависела» и от компетенции священнослужителя. Данные записи оформлялись, как правило, в рамках определенной формулы в третьей части субтекстов МКТ и являлись средствами вербализации концепта *смерть*.

Список обозначений наименований причин смерти в МКТ включает 51 номинативную единицу. Смерть рассматривалась как естественная и неестественная. Характеризуя естественную смерть, священник регистрировал различные болезни и симптомы, сопутствовавшие им: *болезнь сердца, водянка, воспаленiе легкихъ, отъ горячки, отъ золотухи, отъ апоплексического удара, отъ кори, лихорадка, отъ оспы, отъ родимца, отъ родима, отъ родимой, отъ родимчище, отъ родимчика, отъ водяной болести, отъ каменной болести, отъ головной болести, отъ зубной болести, отъ подагры, отъ паралича, скарлатина, отъ тиѳа, отъ тиѳозной горячки, умопомешательство, чахотка; завалило грудь, грудь заложило, грудь заложена, носъ заложенъ, уши заложены, отъ сердечной боли, отъ боли въ животе, отъ кашля, отъ боли въ горленной, отъ отдышки, отекъ легкихъ, отъ поноса, рвота, отъ грыжи* (Ср.: Города *Тюмени крестьянская жена Марiя Егорова Стеѳанова болезнь сердца* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 17 об.]. *У купецкого сына Андрея Калакова* <u>*водянка*</u> [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Дочь младенецъ Оксана (3 месяца)* <u>*воспаленiе легкихъ*</u> [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Мѣщанинъ Андрей Антипьевъ Парфеновъ умеръ* <u>*отъ горячки*</u> [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Дочь дѣвица Татiяна Макарова Моляхова умерла* <u>*отъ золотухи*</u> [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.] и т.д.

Неестественная смерть, как правило, наступала от несчастного случая: *убийство, замерзъ, утонулъ, застреленъ, отъ родовъ, отъ излишне выпитого вина, отъ обжога* (Ср.: *Тюменскiй мѣщанинъ Григорiй Онисимовъ Золотавинъ* <u>*замерзъ*</u> [ГТВЦ, 1832, III, л. 35 об.]. *Пересыльный арестантъ Павелъ Ивановъ Гилевъ* <u>*застреленъ*</u> [ГТПЦ, 1856, III, л. 585 об.]. *Городовой волости рыболова Михаила Кузьмина Зараева сынъ Петръ* <u>*утонулъ*</u> [ГТПИЦ, 1857, III, л. 20 об.]. *Города Тюмени у крестьянина Богдана Ларина жена Ольга умерла отъ* <u>*родовъ*</u> [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Вдова покойного Ивана Корнилова Feодосiя Алексѣева умерла отъ* <u>*излишне выпитого вина*</u> [ГТПИЦ, 1860, III, л. 15 об.]. *Градотюменского Покровскаго прихода Городовой волости деревни Букиной*

крестьянинъ Гаврилъ Васильевъ Вороновъ умеръ отъ обжога [ГТПИЦ, 1810, III, л. 213 об.]).

Смерть считалась «плохой», если ей предшествовала агония, и «хорошей» — если человек умирал внезапно, тихо. Как видим, и смерть имела свое качество, зависевшее от обстоятельств и времени.

Многочисленны различные наименования заболеваний человека. Выделяется группа лексем с базовым словом *болесть*, при котором могли употребляться определители *водяной, каменной, зубной, головной*: *Деревни Яровой у крестьянина Федора Чеглонова дочь Настасія умерла отъ водяной болести* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]; *…умерла отъ каменной болести* [ГТВЦ, 1832, III, л. 34 об.]; *…умеръ отъ зубной болести* [ГТПЦ, 1836, III, л. 600 об.]; *…умерла отъ головной болести* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 19 об.].

В материалах словаря В.И.Даля зафиксировано: «Болезнь, болесть, боля ж. боль, хворь, хиль, немочь, недуг, нездоровье, нарушение равновесия во всех жизненных отправлениях» [Даль I:112]. Лексема *болесть* также отмечена в областном словаре А.М.Кошкарёвой и зафиксирована в Тюменской области, что свидетельствует об ее употребительности на данной территории (Ср.: «Болесть, -и, ж. Болезнь. — Молода была, так никаких болестей не знала» [Кошкарёва 1997:17]; *Горленная болезнь*. То же, что горланка. *Горланка,* ед., ж. р. Скарлатина» [Кошкарёва 1997:18]). В словаре русского языка XI—XVII вв. находим следующее определение *водяной болести:* «Водяная болезнь — водянка. Когда печень и селезенка засорится и от того зарожается цынга или водяная или желтая болезнь» [СлРЯ XI—XVII Т. 1: 259] (Ср.: «Каменная болезнь — образование камней во внутренностях, особенно в почках или в пузыре» [Даль II:81]; «Каменная болезнь — заболевание, выражающееся в образовании твердых осадков, окаменелостей, в печени, в почках, мочевом пузыре и др.» [Евгеньева II:23]. «Голова болит, причиняет боль, страдания» [Даль I:112]; «Зубная боль — к зубам принадлежащий, относящийся» [Даль I:695]; «Водяная болезнь — водянка, водяная, накопление водянистой жидкости в различных частях тела» [Даль I:220]); «Водянка — скопление жидкости в тканях и полостях тела при болезнях сердца, почек и т.д.» [Евгеньева I:194]. Материалы МКТ также подтверждают выводы А.П.Урсу-Архиповой

о том, что в наименовании болезней используются многочисленные сочетания следующей модели: [*дифференцирующее понятие атрибутивного уточнения + обобщающее существительное — болесть —*] [Урсу-Архипова 2005].

В материалах МК представлены наименования, характеризующие некоторые состояния здоровья человека: повышенная температура тела, детские припадки и нарушение функционирования внутренних органов.

Употребительны именования различных заболеваний с повышенной температурой тела, которые обозначались как *горячка, тифозная горячка, тиф, воспаление легких, лихорадка*.

Широко представлены в метрических книгах лексемы *горячка, тифозная горячка, тиф*: *Деревни Яровской вдова крестьянская жена Парскова Кириянова умерла отъ тифозной горячки* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Мѣщанинъ Андрей Антипьевъ Парѳеновъ умеръ отъ горячки* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Мещанинъ Ѳедоръ Каршевъ умеръ отъ тифа* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.].

«В русском литературном языке слово *горячка* появилось в начале XVIII века, по говорам оно получило распространение значительно раньше. На протяжении XVIII века слово *горячка* употребляется параллельно со словами *огневица, огневая болезнь,* к концу XVIII века последние окончательно вытесняются из литературного языка. Причины такой смены терминов, по-видимому, лежат в усилении контактов с украинским, белорусским и польским языками» [СРНГ 1969:127]. Словом *горячка* назывались все заболевания с повышенной температурой, но в отличие от слов *огонь, огневица* данная лексема не обозначает самой температуры, для этого используется слово *жар* [СРНГ 1969:127]. В.И.Даль дает такое определение слову *горячка:* «общее воспаление крови в человеке или животном; жар, частое дыхание и бой сердца; огневица febris acuta, synocha» [Даль I:385] (Ср.: «Горячка — болезнь, сопровождающаяся высокой температурой, жаром; лихорадка» [Евгеньева I:338]).

Этот научный термин фиксирует в своем словаре В.И.Даль: «У нас неясно различают слова *горячка* и *лихорадка*: обычно *лихорадкой* зовут небольшую и недлительную горячку, а более перемежную, а *горячкой* — длительную и опасную, например, нервную, желчную, гнилую и пр.» [Даль I:385]. Слово *горячка*

продолжает существовать в литературном языке для обозначения других заболеваний с высокой температурой. По говорам процесс распространения научных терминов для обозначения конкретных заболеваний относится уже к XX веку [Будде 1898, III:16].

Лексемой *mu*f характеризовалось заболевание с высокой температурой. По данным специальной литературы научный термин *тиф* как обозначение четырех острых инфекционных заболеваний распространяется в литературном языке в начале XIX века сначала в форме *тифозная горячка* и *тифус* (из нем. *Typhus*), последняя форма отражена в словаре 1847 года. С 60-х годов эта форма заменяется на *тиф* [Герасимов 1898:161]. По-видимому, под влиянием украинско-польских форм возникло в калужских говорах словосочетание *дурная болезнь* «горячка», ср. польск. *dur* «тиф», укр. *дурноха, дурнячка* «нервная лихорадка, тиф» [СРНГ 1969:458] (Ср.: «Тиф — общее название нескольких острых инфекционных заболеваний: сыпного, возвратного и брюшного тифа и парафитов» [Евгеньева IV:368]).

К 60-годам XIX в. можно отнести и появление термина *воспаление легких,* являющегося калькой с немецкого Lungenentzindung [СРНГ 1969:75]. Из польского *zapalenie* термин *запалёнье* в значении «воспаление» проник в русские говоры Прибалтики: «Пръстуд'йлъс' и зъпал'эн'щь и пам'орла» [СРНГ 1969:57]. Словарь В.И.Даля фиксирует воспаление легких как «подобное состояние этой части: прилив алой крови, которою наполняются мельчайшие сосуды, боль, жар и наклонность к нагноению» [Даль I:249].

Отмечены в МКТ и названия детских болезней. Детские спастические параличи, сопровождающиеся эпилептическими припадками как врожденные, так и полученные в результате родовой травмы или занесенной инфекции, еще в XIX веке были распространены.

Новорожденные и малолетние дети чаще всего умирали *отъ родима, отъ родимой, отъ родимчище, отъ родимчика, отъ родимца*: *Въ остроге пересыльного Гаврила Мельникова сынъ младенецъ Анапiй отъ родимца* [ГТПЦ, 1836, III, л. 633 об.]. *Втораго числа деревни Быковой у крестьянина Архипа Сергhева Пушкева сынъ младенецъ Fедотъ отъ родимца* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 215 об.]. *Седьмаго числа у него же, дочь младенецъ Александра отъ*

родимца [ГТПИЦ, 1837, III, л. 215 об.]. *Тюменского округа, Сазоновской волости деревни Михряковой поселенца Макара Данилова Данилова дочь младенецъ Оксана отъ родимца* [ГТПЦ, 1856, III, л. 129 об.]. *Деревни Быковой крестьянина Дмитрія Шешенова жена Татьяна умерла отъ родима* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 79 об.]. *Города Тюмени мѣщанинъ Ѳедоръ Яковлевъ Бабаевъ умеръ отъ родимой* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 82 об.]. *Города Тюмени вдова мѣщанская жена Ѳеодосія Ѳедорова Присолова умерла отъ родима* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 83 об.]. *Города Тюмени ямщика Ивана Лужина дети Иванъ и Романъ отъ родимчище* [ГТПИЦ, 1811, III, л. 90 об.]. *У мѣщанина Максима Паланцова сынъ Георгій умеръ отъ родимчика* [ГТВЦ, 1830, III, л. 10 об.].

Историки считают, что эту болезнь можно назвать «…одной из тяжелых форм рахита, вызванной недостатком кальция в организме. Результатом становились судороги, младенцу было нечем дышать, и он умирал» [Смирнова 2002: 37].

М.Фасмер обозначает существительное *родимец* в ином значении, в значении *паралич* дает лексему *родимок* (Ср.: родимец «черт» в качестве диалектного, табуистического названия, «родимый», ср. *родимок* «паралич», олонецк. [Ф. III:491]). Лексема *родимчик* в значении «болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (у беременных, рожениц и маленьких детей)», отмечается в словаре И.И.Срезневского [Срезн. III:723].

В.И.Даль также отмечает: *«Родимец, родимчику* — падучая младенцев, или вернее воспаленье мозга с корчами. // Родимецъ, пострел, паралич» [Даль IV:11]. Однокорневые лексемы *родима, родимец, родимчище* фиксирует А.М.Кошкарёва в говорах на территории Тюменской области: «*Родима*, -ы, ж. Эпилепсия. *Родимец* ед., м. То же, что родима. Родимец — падучая болезнь. *Родимный*, -ая, п. Больной эпилепсией, «родимой». Если бьют припадки, его называют родимным. *Родимчище*, -ед., с. То же, что родима, эпилепсия» [Кошкарёва 1997:25]. «Словообразовательная структура слова *родимец* проста, в основе лежит прилагательное *родимый,* но в значении не «родной», а «врожденный, с рождения». Ср.: *родимое пятно, родимый* «наследственный, прирожденный» [Добровольский 1914:793].

Метрические записи *о параличе, болезненном припадке (родимце)* представляют лингвистическую ценность: в них фиксируются

однокорневые названия болезни с корнем -род-: *(умеръ) отъ родима, (умеръ) отъ родимой, отъ родимчище, отъ родимчика, отъ родимца*.

В губернаторском отчете 1845 года говорилось: «Местных болезней в городе незамечено, кроме того, что весной, также в продолжение жары и сырого воздуха, новорожденные и малолетние дети подвергаются поносу; повальных недугов не господствовало» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 123. Л. 337 об.].

Детские болезни в МКТ характеризуются и лексемой *поносъ*: *Яровской волости деревни Букиной крестьянина Стеѳана Космина Воронова дочь младенецъ Анна умерла отъ поноса* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 14 об.] (Ср.: «Понос — учащенное и жидкое испражнение, помытуха» [Даль III: 285]; «Понос — расстройство деятельности кишечника, выражающееся в частых и жидких испражнениях» [Евгеньева III: 289].

В МКТ зафиксированы наименования естественных причин смерти *болезнь сердца, отъ сердечной боли, отъ золотухи, отъ апоплексического удара, отъ кори, отъ оспы, отъ паралича, умопомешательство, чахотка: Города Тюмени крестьянская жена Марія Егорова Стеѳанова болезнь сердца* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 17 об.]. *Города Тюмени крестьянина Григорія Сидорова жена Параскова Васильева умерла отъ сердечной боли* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.] (Ср.: «Сердце — грудное чрево, принимающее в себя кровь из всего тела, очищающее ее через легкие и рассылающее обновленную кровь по всем частям, для питания, для обращения ее в плоть» [Даль IV:175]; «Сердечный — к сердцу относящийся» [Даль IV:220]; «Сердце — центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости» [Евгеньева IV:80]).

Дочь дѣвица Татьяна Макарова Моляхова умерла отъ золотухи [ГТВЦ, 1829, III, л. 15 об.]. Толковый словарь живого великорусского языка В.И.Даля фиксирует лексему *золотуха* как «прирожденная болезнь худосочия, в которой особенно болеют железы» [Даль I:692].

Омского округа Комаковской волости вдовецъ Николай Петровъ Висковъ умеръ отъ апоплексического удара [ГТПЦ, 1857, III, л. 287 об.] (Ср.: «Апоплексия — болезнь удар, пострел, шуточн. кондрашка; различают нервный, кровяной и пасочный; а по месту,

мозговой, легочный; паралич, нервный удар, но более частный, не всего тела, а некоторых частей или членов его» [Даль I:19]; «Апоплексический удар — кровоизлияние в мозг или закупорка мозгового сосуда, вызывающие внезапную потерю сознания, паралич» [Евгеньева I:42]).

У купецкого сына Василія Комагорова сынъ Александръ умеръ отъ кори [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.] (Ср.: «Корь — овальная, детская болезнь, с особой сыпью, жаром, болью горла, глаз» [Даль II:171]; «Корь — детская заразная болезнь, сопровождающаяся сыпью и лихорадкой» [Евгеньева II:109]).

У поселенца Гаврила Яковлева дочь Матрена умерла отъ оспы [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.] (Ср.: «Оспа — сыпная повальная болезнь людей» [Даль II:702]; «Оспа — тяжелая заразная болезнь, сопровождающая появлением пузырчатой сыпи, оставляющей рубцы на коже и слизистых оболочках» [Евгеньева II:652]).

Вдова Марина Андрѣева Токарева умерла отъ паралича [ГТВЦ, 1830, III, л. 10 об.] (Ср.: «Паралич — болезнь, лишающая часть тела движения или чувства» [Даль III:18]; «Паралич — болезнь, заключающаяся в потере способности производящих движений каким-либо органом или частью тела» [Евгеньева III:21]).

У крестьянского сына Ивана скарлатина [ГТПИЦ, 1857, III, л. 16 об.] (Ср.: «Скарлатина — сыпная болезнь, краснуха» [Даль IV:193]; «Скарлатина — острая заразная болезнь, преимущественно детская, характеризующаяся повышенной температурой тела, ангиной и кожной сыпью [Евгеньева IV:104]»).

У крестьянской дѣвки Агрипины Петровой Галыконой умопомешательство [ГТВЦ, 1830, III, л. 10 об.] (Ср.: «Умопомешательство — неистовость, утрата ума, рассудка или сознательности своих действий» [Даль IV:496]; «Умопомешательство — потеря рассудка» [Евгеньева IV:234]).

У крестьянина Ивана Матѳѣева Лотигина чахотка [ГТПИЦ, 1857, III, л. 26 об.] (Ср.: «Чахотка — изнурительная смертельная болезнь, с порчей легких» [Даль IV:583]; «Чахотка — устарелое название прогрессирующего истощения организма преимущественно при тяжелых формах туберкулеза легких» [Евгеньева IV:656]).

В МКТ обозначаются симптомы болезней, характеризующие нарушение функционирования отдельных органов или частей тела,

прекращение или задержки естественных отправлений. Указанная группа представлена следующими сочетаниями: *грудь заложена, грудь завалило, носъ заложенъ, уши заложены*. Данные сочетания не называют болезнь, диагноз подразумевается по соматическим показаниям.

Небольшая группа слов, характеризующая это состояние человеческого организма, любопытна тем, что она устойчиво воспроизводит одну и ту же семантическую модель. Образ лежит в аналогии с замками, затворами, созданиями препятствий. Например, *заложить, закрыть, запереть, сделать преграду* при отечности носоглотки *(носъ заложенъ)* (Ср.: «Завал — засоренье в протоке, в трубке, в сосудах живого тела, с опухолью и отвердением желез или других внутренностей» [Даль I:557]): *Въ остроге пересыльного Ивана Селахина у сына младенца Козьмы носъ заложенъ* [ГТПЦ, 1835, III, л. 213 об.]. *Второго числа деревни Быковой у крестьянина Григорія Никитина Тюменцева у сына Василія уши заложены* [ГТПИЦ, 1837, III, л. 195 об.]. *Седьмаго числа города Тюмени, у дочери дѣвицы Александры грудь заложило* [ГТПИЦ, 1840, III, л. 215 об.]. *У крестьянской жены Дарьи Стефановой завалило грудь найдена мертвою* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 17 об.].

Группа наименований причин смерти (естественной), наступившей по факту исчерпания жизненной силы, включает лексемы *отъ старости, по старости летъ, по старости, по воле божіей, скоропостижно*.

Судя по записям об умерших, около половины взрослых людей умирали естественной смертью от старости *(отъ старости, по старости летъ, по старости)*: *У поселенца Михаила Моченова жена Евдокія Иванова умерла отъ старости* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Купецъ Яковъ Оськинъ по старости летъ* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 20 об.] (Ср.: «Старость — лета, года, век, срок от рождения, от созданья, от изготовленья, от начала бытия, возраст» [Даль IV:316]).

Иногда священники, не имея возможности квалифицировать причину смерти, писали на всей странице субстантивное словосочетание «*по воле божіей*»: *Мѣщанинъ Иванъ Тимановъ умеръ по воле божіей* [ГТВЦ, 1832, III, л. 15 об.]. *Тюменскій купецъ вдовецъ Андрей Ивановъ Коверинъ умеръ по воле божіей* [ГТПИЦ,

1857, III, л. 16 об.] (Ср.: «Божий — свойственный, принадлежащий богу» [Даль I:103]; «Воля божья — власть или сила, могущество» [Даль I:238]).

Не всегда в записях метрических книг священнослужители детализировали причину смерти и достаточно часто ее обозначали лексемой *скоропостижно: Тюменскiй купецъ Василiй Григорьевъ Тороповъ умеръ скоропостижно* [ГТВЦ, 1832, III, л. 17 об.]. *Города Тюмени крестьянина Ивана Яковлева жена Татiяна Осипова умерла скоропостижно* [ГТВЦ, 1840, III, л. 25 об.] (Ср.: «Скоропостижный — смерть, без предшедшей болезни» [Даль IV:206]).

В МКТ в третьей части фиксируется неестественная смерть, наступившая от несчастных случаев или насилия: *убийство, замерзъ, утонулъ, застреленъ, отъ родовъ, отъ излишне выпитого вина, обжогъ*. В некоторых субтекстах МКТ зафиксирована причина смерти — убийство человека: *Тюменскiй вдовецъ Андрей Павловъ Мотагинъ умеръ отъ убiйства* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 22 об.] (Ср.: «Убийство — убой, убиение человека, смертоубийство, умерщвление, лишение жизни, как преступленье» [Даль IV:457]).

Единичны случаи фиксации в метрических записях Градо-Тюменской Вознесенской, Пророко-Ильинской и Покровской церквей неестественной смерти человека, наступившей в результате действий, обозначенных лексемами *замерзъ, утонулъ, застреленъ, отъ обжога, отъ родовъ*: *Тюменскiй мѣщанинъ Григорiй Онисимовъ Золотавинъ замерзъ* [ГТВЦ, 1832, III, л. 35 об.]. *Пересыльный арестантъ Павелъ Ивановъ Гилевъ застреленъ* [ГТПЦ, 1856, III, л. 585 об.]. *Городовой волости рыболова Михаила Кузьмина Зараева сынъ Петръ утонулъ* [ГТПИЦ, 1857, III, л. 20 об.]. *Градотюменского Покровскаго прихода Городовой волости деревни Букиной крестьянинъ Гаврилъ Васильевъ Вороновъ умеръ отъ обжога* [ГТПИЦ, 1810, III, л. 213 об.]. *У мѣщанина Максима Кабарова жена Татiяна Иванова отъ родовъ* [ГТВЦ, 1832, III, л. 41 об.]. В словаре В.И.Даля зафиксированы следующие значения лексем *замерзъ, утонулъ, обжогъ, роды* «замерз, замерзнуть, умереть, погибнуть от мороза» [Даль I:602]; «утонул — пошел ко дну, а под водой задохся и умер» [Даль IV:521]; «опалить — причинить боль или вред огнем»

[Даль II:580]; «роженье — отделение от матери младенца» [Даль IV:10].

Дважды в текстах МК встречается запись *отъ излишне выпитого вина*: *Мѣщанинъ Григорій Борисовъ Морозовъ умеръ отъ излишне выпитого вина* [ГТВЦ, 1832, III, л. 35 об.]. *Вдова покойного Ивана Корнилова Ѳеодосія Алексѣева умерла отъ излишне выпитого вина* [ГТПИЦ, 1860, III, л. 15 об.] (Ср.: «Вино — растительная жидкость, перешедшая третью степень брожения и получившая от этого пьяное свойство» [Даль I:205]).

Наименования причин смерти (естественной и неестественной) в МКТ представлены однословными: *водянка, (отъ) горячки, (отъ) золотухи, (отъ) кори, лихорадка, оспа, (отъ) паралича, (отъ) поноса, скарлатина, (отъ) тифа, чахотка, (отъ) родимца, (отъ) родима, (отъ) родимой, (отъ) родимчище, (отъ) родимчика, (отъ) подагры, (отъ) грыжы, (отъ) родовъ, умопомешательство, рвота, (отъ) отдышки, (отъ) кашля, (отъ) обжога, (отъ) старости, старость, убійство, замерзъ, утонулъ, застреленъ, скоропостижно*; двухсловными: *грудь заложена, грудь заложило, (отъ) сердечной боли, носъ заложенъ, уши заложены, завалило грудь, (отъ) боли въ животе, (отъ) боли въ горленной, отекъ легкихъ, тифозная горячка, (отъ) головной болести, (отъ) зубной болести, (отъ) водяной болести, (отъ) каменной болести, воспаленіе легкихъ, (отъ) апоплексического удара, болезнь сердца, по воле божіей, (по) старости летъ*; и многословными: *(отъ) излишне выпитого вина* номинативными единицами.

В МКТ названия причин смерти (естественной и неестественной) обозначаются в субтексте третьей части в рамках глагольной конструкции (глагол + существительное в Р.п.): *(отъ) кори, (отъ) горячки, (отъ) золотухи, (отъ) кори, (отъ) родимца, (отъ) родима, (отъ) родимой, (отъ) родимчище, (отъ) родимчика, (отъ) родов, (отъ) обжога, (отъ) подагры, (отъ) отдышки, (отъ) паралича, (отъ) поноса, (отъ) старости, (по) старости лет, (отъ) тифа, (отъ) грыжи*; предикативными сочетаниями: *завалило грудь, грудь заложило, грудь заложена, носъ заложенъ, уши заложены*; субстантивными сочетаниями разных структур: *болезнь сердца, отъ сердечной боли, воспаленіе легкихъ, отъ апоплексического удара, отъ боли въ животе, отъ водяной болести, отъ каменной болести, отъ головной болести, отъ зубной болести,*

отъ боли въ горленной, отъ излишне выпитого вина, отекъ легких, отъ старости летъ, по стрости летъ, отъ тифозной горячки, по воле божіей.

В первой половине XIX веке терминология заболеваний еще была далека от совершенства. Процесс формирования ее только обретал силу. МКТ отразили этот процесс многочисленными названиями болезней, описаниями видимых симптомов заболеваний, наименованиями фактов исчерпания жизненной силы и описаниями неестественной смерти от несчастного случая. В современном русском языке семантика ряда наименований болезней и их симптомов, отмеченных в МКТ, сохраняется: горячка, корь, оспа, паралич, скарлатина, тиф, каменная болезнь и т.д.

В МКТ употребляются наименования болезней, их симптомов только в одном из значений, свойственным им в этот период времени. Дефиниции таких именований могут быть дополнены «*повлекшая за собой смерть*»: *паралич* — болезнь, лишающая часть тела движения или чувства, *повлекшая за собой смерть*; *оспа* — сыпная повальная болезнь людей, *повлекшая за собой смерть*; скарлатина — сыпная болезнь, краснуха, *повлекшая за собой смерть* и т.д. Именно это значение является маркированным, репрезентирующим в третьей части МК (об умерших) часть фрагмента языковой картины мира первой половины XIX века.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Человек (рожденный, бракосочетавшийся, умерший) — главное лицо метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления — представлен через координаты пространства («география») и времени («хронология»).

Концепты *рождение, брак* и *смерть* являются ментальными образованиями, с помощью которых познается окружающий мир. Под познанием подразумевается обобщенное представление о мире. Концепт является тем элементом, с помощью которого это представление строится в сознании человека и вливается в языковую картину мира.

В метрических книгах первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления как особом жанре представлена локальная концептосфера, репрезентирующая события *рождения (крещения), брака (венчания), смерти (погребения)* конкретных лиц.

Особое значение имеет анализ языковых репрезентаций концептов. Концепт *рождение* получает языковое выражение через однокорневые лексемы с корнем *-род-*, в своем значении связанные с «получить жизнь в результате родов, появиться на свет»: *родился (родилась), родившiйся (родившаяся), о родившихся, о раждающихся, незаконнорожденный (незаконнорожденная)*.

Концепт *рождение* конкретизируется номинативными единицами, характеризующими рождение человека, указывающими на пол родившегося *(сынъ, дочь)*, его статус *(прижитый блудно, прижитая блудно)*, на лиц, поручившихся за веру родившегося *(крестный, крестная)*, на совершившееся таинство обряда крещения *(таинство крещѣнiя совершилъ)*.

Концепт рождение репрезентируется в МКТ готовыми лексемами (синонимическими парами *незаконнорожденный(ая) и прижитый(ая) блудно*; однокорневыми лексемами *-крест-(-крещ-) крестный (крестная), (таинство) крещѣнiя (совершилъ)*; клишированными конструкциями *(прижитый блудно*; *вѣнчалась, будучи беременной дѣвицей; законная жена его (и законной жены его)*; *таинство крещѣнiя совершилъ)*.

Концепт *брак* репрезентирован лексемами с корнем *-брак-* и словосочетаниями, связанными в значении с «обрядом освящения брака установленным церковью таинством»: *вторымъ бракомъ, второй бракъ, первымъ бракомъ, первый бракъ, первымъ бракомъ вѣнчанъ, вторымъ бракомъ вѣнчанъ*; *2-ой бракъ*.

Концепт *брак* вербализуется и лексемами, содержащими сведения о женихе и невѣсте *(холостой, дѣвица, съ дѣвицей, сочетался, вѣнчанъ)*, их поручителях *(по жениху, по невѣсте, поручители)*.

Концепт *смерть* репрезентируется через вербализованные единицы, в своем значении связанные с «концом земной жизни, кончиной, разлучением души с телом, умиранием, состоянием отжившего»: лексемы *(смерть, умеръ)*, словосочетания *(найденъ мертвымъ, найдена мертвою, по внезапной смерти не былъ исповеданъ)*.

Концепт *смерть* объективируется и указаниями на пол умершего *(сынъ, дочь, дети, дѣвица, отрокъ)*, его возраст *(сынъ младенецъ, дочь младенецъ)*, причину смерти *(естественной и неестественной)*, на место захоронения *(погребенъ на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ, погребенъ въ нарочито учрежденномъ при селе кладбище, погребенъ на учрежденномъ Градскомъ кладбище)*.

Антропонимические характеристики лиц, фиксируемые в субтекстах трех частей МКТ, также содержат концептуальную информацию, которую можно соотнести с жанровой: в первой части родившийся обозначен одночленной моделью именования и его идентификация дана через антропонимические характеристики родителей (используется трехчленная модель именования родителей); во второй части МКТ значимы антропонимические характеристики брачующихся (продуктивна трехчленная модель именования жениха и невесты); в третьей части умерший обозначается, как правило, трехчленной моделью именования. Во всех трех частях в оформлении скреп — двучленная, реже одночленная модель именования лица (священнослужителя), что свидетельствует, вероятно, о стремлении писца соблюдать единые нормы в оформлении документа.

Наименования причин смерти зафиксированы в формулах, характеризующих концепт *смерть* (51 номинативная единица).

Смерть характеризуется как естественная (регистрируются различные заболевания и симптомы, сопутствовавшие болезням; факты исчерпания жизненной силы) и как неестественная — наступившая от несчастного случая или насильственных действий.

Наименования заболеваний человека классифицируем по лексическим множествам:

1) наименования с базовым словом болесть, при котором употреблялись определители *((отъ) каменной, (отъ) зубной, (отъ) головной, (отъ) водяной)*;

2) наименования, характеризующие повышенную температуру тела человека *(горячка, тифозная горячка, тиф, воспаленіе легких, лихорадка и т.д.)*;

3) наименования детских болезней (особо отметим группу лексем с общеславянским корнем *-род- ((отъ) родимца, (отъ) родима, (отъ) родимой, (отъ) родимчище, (отъ) родимчика)*;

4) наименования болезней, связанные с ощущениями больного *(носъ заложенъ, уши заложены, завалило грудь)*.

Номинативные единицы *по воле божіей, скоропостижно, по старости летъ, по старости, отъ старости, старость* указывали на факт исчерпания жизненной силы человека.

Неестественная смерть или насилие обозначались в МКТ лексемами *убийство, замеръ, утонулъ, застреленъ*.

Концепт *смерть* включает вербализованные единицы: лексемы *(водянка, (отъ) горячки, (отъ) золотухи, (отъ) кори, лихорадка, оспа, (отъ) паралича, (отъ) поноса, скарлатина, (отъ) тифа, чахотка, (отъ) родимца, (отъ) родима, (отъ) родимой, (отъ) родимчище, (отъ) родимчика, (отъ) подагры, (отъ) грыжы, (отъ) родовъ, умопомешательство, рвота, (отъ) отдышки, (отъ) кашля, (отъ) обжога, (отъ) старости, старость, убийство, замерзъ, утонулъ, застреленъ, скоропостижно)*; сочетания: двухсловные *(грудь заложена, грудь заложило, (отъ) сердечной боли, носъ заложенъ, уши заложены, завалило грудь, (отъ) боли въ животе, (отъ) боли въ горленной, отекъ легкихъ, тифозная горячка, (отъ) головной болести, (отъ) зубной болести, (отъ) водяной болести, (отъ) каменной болести, воспаленіе легкихъ, (отъ) апоплексического удара, болезнь сердца, по воле божіей, (по) старости летъ)* и многословное *((отъ) излишне выпитого вина)*.

В МКТ названия причин смерти (естественной и неестественной) обозначаются в субтексте третьей части в рамках конструкции глагол + существительное в Р.п. *((отъ) кори, (отъ) горячки, (отъ) золотухи, (отъ) кори,* (*отъ) родимца, (отъ) родима, (отъ) родимой, (отъ) родимчище, (отъ) родимчика, (отъ) родовъ, (отъ) обжога, (отъ) подагры, (отъ) отдышки, (отъ) паралича, (отъ) поноса, (отъ) старости, (по) старости летъ, (отъ) тифа, (отъ) грыжи)*, отдельными лексемами *(лихорадка, оспа, рвота, скарлатина, старость, убийство, умопомешательство, чахотка, замерзъ, утонулъ, застреленъ)*, предикативными сочетаниями *(завалило грудь, грудь заложило, грудь заложена, носъ заложенъ, уши заложены)*, субстантивными сочетаниями разных структур *(болезнь сердца, отъ сердечной боли, воспаленіе легкихъ, отъ апоплексического удара, отъ боли въ животе, отъ водяной болести, отъ каменной болести, отъ головной болести, отъ зубной болести, отъ боли в горленной, отъ излишне выпитого вина,*

отекъ легкихъ, отъ старости летъ, по стрости летъ, отъ тифозной горячки, по воле божіей).

В первой половине XIX веке идет процесс становления специальной терминологии. Данные МКТ позволяют уточнить дефиниции наименований болезней и их симптомов сочетанием *повлекшая за собой смерть* (оспа — сыпная, повальная болезнь людей, повлекшая за собой смерть и т.д.). В современном русском языке семантика ряда наименований болезней и их симптомов, отмеченных в МКТ, сохраняется.

Концепты, вокруг которых формируются фрагменты языковой картины мира, нашедшие отражение в МК Тюмени, употребляются в метрических записях не свободно. Они функционируют в составе определенных субтекстов (формул). Фрагменты языковой картины мира формируются вокруг концепта лексемами, а также клишированными конструкциями, обозначающими типичные жизненные ситуации. Вариантность их оформления во многом определялась компетенцией исполнителя документа.

Проведенный анализ позволил проследить сохранность в языке семантических доминант как основного признака в содержании выраженных словесным знаком концептов *рождение, брак, смерть*.

Концепты *рождение*, *брак* и *смерть*, свойственные церковному институту Тюменского Духовного Правления Русской Православной Церкви первой половины XIX века, входили в семантическое ядро русской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метрические книги были введены Петром I в 1722 году для установления обязательной регистрации рождений у православного населения и существовали до конца 30-х годов XX века. XIX век занимает особое положение в истории ведения метрик (появляется обновленная форма ведения метрик, в формуляр добавляются графы, содержащие удостоверение событий церковнослужителем и свидетелями (при рождении) и поручителями (при бракосочетании)), подпись священника, совершившего обряд).

В XIX веке вырабатывается деловой слог, все более приближающийся по своим показателям к современному письму; унифицируются различия государственных и местных форм выражения деловой речи. В это время деловая письменность представлена разными видами документов, которые изучаются историками и лингвистами.

МК также привлекли внимание историков в XVIII веке (изучались вопросы демографии, документирования актов гражданского состояния и т.д.); и языковедов — в XIX веке (описывался антропонимикон различных регионов и сделаны отдельные обобщения стилистического и лексикографического характера). Метрические книги историки относят к частноправовым актам церковного права, лингвисты — к регистрационной документации.

В работе исследованы рукописные метрические книги четырех церквей города Тюмени, которые хранятся в фонде Государственного архива Тюменской области (ГАТО): Градо-Тюменской Пророко-Ильинской, Градо-Тюменской Вознесенской, Градо-Тюменской Покровской, Градо-Тюменской Знаменской.

Хронологические рамки МКТ охватывают период с 1802 по 1867 гг. Священнослужители в это время осуществляли духовное наставничество вверенной им епархии с целью поддержания православной традиции на территории города Тюмени.

Анализ метрических книг дает возможность выявить специфику в оформлении документов этого жанра указанных церквей. В МК, как особом жанре, широко представлена антропонимическая лексика и лексика, репрезентирующая концепты *(рождение, брак, смерть)*.

Рассмотрение жанровой структуры метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления позволил не только охарактеризовать жанровые признаки МК, но и выявить возможные пределы модификации жанровой структуры документов, не выходящей за рамки основного назначения документа (регистрация актов гражданского состояния).

В текстах МК связь жанра со стилем органична: жанровое своеобразие стиля данных документов рассмотрено через особенности субтекстового состава. В жанрово-стилевом описании МК предпринята попытка анализа от целого текста к его частям (субтекстам).

Концепты также связаны с жанрово-стилевыми характеристиками МК и отражают их историю. Концепты делового текста образует концептосферу, которая эксплицируется на лексико-фразеологическом и композиционно-стилистическом уровнях.

В исследуемых памятниках наблюдается общность в построении формуляра, включающем стандартный набор пяти субтекстов: субтекст заголовка, субтекст части 1 (о родившихся), субтекст части 2 (о бракосочетавшихся), субтекст части 3 (об умерших), субтекст итоговой таблицы общего количества рожденных, бракосочетавшихся и умерших за год.

Континуально субтексты объединены общим смыслом и связаны между собой репрезентацией фрагментов языковой картины мира. Каждый из пяти субтекстов имеет набор формул, которые в процессе развития метрик приобретают устойчивость и превращаются в субтекстовые формулы, регулярно воспроизводимые в метрических книгах. Субтексты строятся по определенным моделям и допускают широкое варьирование языковых средств.

К концу XIX века наблюдается «свертывание» субтекста заголовка, что объясняется отбором языковых средств для передачи информации. Активность использования данного приема в официально-деловой речи XIX века можно объяснить тем, что он позволял при максимальной экономии идентифицирующих средств добиться лаконичности и информационной достаточности номинативной единицы.

Сопоставление формуляра субтекстов заголовков метрических книг показывает, что характер использования подобных именований был различен в документах церквей Тюменского Духовного

Правления. Инвариантная модель субтекстов заголовков могла включать шесть формул; субтекстов первой части (о родившихся) — пять формул; субтекстов второй части (о бракосочетавшихся) — шесть формул; субтекстов 3 части (об умерших) — шесть формул. Метрические книги заканчивались субтекстом итоговой таблицы, фиксирующей общее количество родившихся, бракосочетавшихся и умерших за год в цифровом оформлении.

Формулы субтекстов трех частей (о родившихся, о бракосочетавшихся, об умерших), как показал анализ, были варианты в своем оформлении и лексическом наполнении. Формуляр метрических книг первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления был устойчив, наличие вариантов формул не вносило существенных изменений в сложившийся жанр документа.

Отмеченное некоторое единство в формуляре МК, в наборе синтаксических конструкций (синтаксис, как правило, представлен простыми предложениями) свидетельствует о том, что метрические книги первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления создавались с опорой на нормы центрального делопроизводства. Охарактеризованные нами типы субтекстов типичны для жанра МК. Каждый из них может быть привлечен к анализу как аналог жанра МК.

Анализ жанровой структуры и формулообразующей лексики МКТ показывает, что к первой половине XIX века оформились основные черты жанра документов актов гражданского состояния (метрических книг). Несмотря на незначительные отличия ведения МК в церквях, обнаруживается тенденция к регламентированности структуры и языкового выражения того материала, который писцы были обязаны или считали нужным внести в субтексты метрических книг. Кроме того, степень информативности и своеобразие жанровой структуры МК отдельных церквей зависела от задач, поставленных перед писцами, что влияло на объем записи субтекста, на отбор формул и их лексики.

Одной из жанровых особенностей МКТ является наличие в них богатого антропонимического материала. Данные исследуемых деловых документов позволили определить тенденции в построении формул именования лиц мужского и женского пола. Материалы МК содержат социальную дифференциацию именников,

которая проявляется в характере использования одночленных, двучленных и трехчленных моделей для именования лиц.

Во всех трех частях МКТ продуктивна трехчленная модель именования лица: в первой части — именования отца, восприемников (крестных), разведенных матерей, незамужних, вдов, матерей (неполная семья); во второй — жениха и невесты; в третьей — умершего взрослого человека. Двучленная модель именования лица использовалась для записи женщин, состоявших в браке, а также для записи лиц, участвовавших в таинстве крещения (дьякон, псаломщик или пономарь) — в первой части, для записи крестьян, мещан и пересыльных — во второй части. Одночленные именования встречаются в записях о родившихся (1 часть) и умерших детях (3 часть).

Специфика номинации лица в трех частях метрических книг первой половины XIX века связана с включением в именование компонентов с относительной референцией (патронимов и фамилий), употреблением при антропониме различных конструкций, порядком слов в предложении и именовании, использованием дейктических (указательных) контекстуальных средств географического характера.

Обращение к исследованию женских именований в МКТ позволяет глубже понять социальный статус женщины. Женщина (мать, жена, восприемница, свидетельница) в метрических книгах устанавливалась исключительно по мужской линии: модель именования незамужней женщины обязательно включала в свой состав патроним по отцу, модель именования замужней женщины или вдовы — патроним по мужу, модель именования восприемницы — через сведения ее кровного родственника (мужа или отца).

Фрагменты языковой картины мира формируются вокруг концептов лексемами, а также клишированными конструкциями, обозначающими типичные жизненные ситуации. Фрагменты языковой картины мира, отраженные в МК, организуются вокруг концептов *рождение, брак, смерть*, репрезентирующих лицо (родившийся, бракосочетавшийся, умерший).

Концепт *рождение* включает однокорневые лексемы с корнем *-род-* (в своем значении связанные с «получить жизнь в результате родов, появиться на свет»); конкретизируется указаниями, опосредованно характеризующими рождение человека: на пол родившегося,

его статус, на лиц, поручившихся за веру родившегося, совершившееся таинство обряда крещения; репрезентируется готовыми лексемами (синонимическими парами, однокорневыми лексемами, клишированными конструкциями). Концепт *брак* содержит лексемы с корнем *-брак-* и клишированные конструкции, связанные в значении с «обрядом освящения брака установленным церковью таинством»; дополняется сведениями о женихе и невесте, их поручителях. Концепт *смерть* формируется через вербализованные единицы, в своем значении связанные с «концом земной жизни, кончиной, разлучением души с телом, умиранием, состоянием отжившего» (также представлены лексемами и клишированными конструкциями). Концепт *смерть* дополняется указаниями на пол умершего, его возраст, причину смерти, на место захоронения.

В формулах, репрезентирующих концепт *смерть*, зафиксирована 51 номинативная единица (обозначалась естественная смерть: болезни и симптомы, сопутствовавшие им; факты исчерпания жизненной силы; неестественная смерть от несчастного случая). Вариантность в оформлении названий болезней и их симптомов свидетельствует о том, что рассматриваемый период (первая половина XIX века) — это один из этапов развития русского языка, когда идет оформление специальной терминологии.

Антропонимические характеристики лиц, фиксируемые в субтекстах трех частей МКТ, также содержат концептуальную информацию, которую можно соотнести с жанровой (ср.: в первой части обозначен родившийся; во второй части — брачующийся; в третьей части — умерший).

Перспективны исследования эволюции жанра МК: введение в научный оборот МК других территорий; сопоставление МК с родственными им отечественными источниками культового происхождения — с исповедными ведомостями (духовными росписями), брачными обысками, клировыми ведомостями, что способствует созданию в отечественном языкознании собственной генеалогической спирали развития делового письма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамова Е.П.* География камчатских фамилий (по метрическим книгам и исповедальным росписям камчатских церквей 1885—1925 гг.) [Текст] / А.С.Сесицкая // «Камчатка разными народами обитаема»: Материалы XXIV Крашенинник. чтений / Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С.П.Крашенинникова, 2007. С. 5—7.

2. *Азарх Ю.С.* Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы [Текст] / Ю.С.Азарх; Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 18—25.

3. *Аксёнов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. [Текст] / А.И.Аксёнов. М.: Наука, 1988. 120 с.

4. *Амади Ш.А.* Разговорное и письменное начало в синтаксической организации деловых текстов последней трети XVIII века (на материале тюменских распорядительных, просительных документов и записей допросов) [Текст]: Дис. … канд. филол. наук / Ш.А.Амади. Тюмень, 2008. 192 с.

5. *Антонов Д.Н.* Метрические книги: время собирать камни [Текст] / И.А.Антонова // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 37—40.

6. *Антонов Д.Н.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. [Текст] / И.А.Антонова. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 385 с.

7. *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография [Текст] / Ю.Д.Апресян // «Языки русской культуры». Избранные труды. М.: Школа, 1995. Т. 2. С. 645—646.

8. *Арутюнова Н.Ю.* Метафора и дискурс [Текст] / Н.Ю.Арутюнова; Теория метафоры. М., 1992. С. 5—33.

9. *Арутюнова Н.Д.* Введение [Текст] / Н.Д.Арутюнова; Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3—6.

10. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д.Арутюнова. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

11. *Арутюнова Н.Д.* Введение [Текст] / Н.Ю.Арутюнова; Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред.: Н.Д.Арутюнова, И.Б.Левонтина. М.: Индрик, 1999. 424 с.

12. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово [Текст] / С.А.Аскольдов; Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. В.П.Неврознака. М., 1997. 217 с.

13. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П.Бабушкин. Воронеж, 1996. С. 23—30.

14. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А.К.Байбурин. СПб., 1993. С. 20—22.

15. *Багрянцева Г.И.* Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопроизводства) [Текст]: Автореферат дис. … канд. филол. наук / Г.И.Багрянцева. М., 1986. 20 с.

16. *Багрянцева Г.И.* Деловой язык Петровской эпохи [Текст] / Г.И.Багрянцева; Русская речь, 1986. № 4. С. 87—92.

17. *Баженова, Е.А.* Научный текст как система субтекстов [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.А.Баженова. Екатеринбург, 2001. 36 с.

18. *Баженова И.С.* Эмоции, прагматика, текст [Текст] / И.С.Баженова. М.: Менеджер, 2003. С. 109—120.

19. *Баракова О.В.* Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформление [Текст] / О.В.Баракова. М.: МГОУ, 2003. 238 с.

20. *Бахвалова Т.В.* К изучению развития личных имен в Белозерье [Текст]: Дис. … канд. филол. наук / Т.В.Бахвалова. Л., 1972. 230 с.

21. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Текст] / М.М.Бахтин; Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 210—280.

22. *Бахтин М.М.* Проблемы речевых жанров [Текст]: В 5 т. / М.М.Бахтин // [Собр. соч. Работы 40-х — начала 60-х годов]. М., 1996. С. 120—200.

23. *Белецкий А.А.* Лексикология и теория языкознания (ономастика) [Текст] / А.А.Белецкий. Киев, 1972. 230 с.

24. *Бессер Л.* Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851—1890 годы [Текст]. В серии 8. Т. 1. Записки Императорской академии наук

по историко-филологическому отделению / К.Баллод. СПб., 1897. 324 с.

25. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика [Текст] / В.Д.Бондалетов. М., 1983. С. 23—44.

26. *Бондарко А.В.* Посессивность: Вступительные замечания [Текст] / А.В.Бондарко; Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996. С. 99.

27. *Будде Е.Ф.* О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губ. [Текст]: В 3 т., Кн. 3. / Е.Ф.Будде; [Изв. ОРЯС]. М., 1898. 190 с.

28. *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей: (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) [Текст] / С.В.Булгаков; Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. С. 955.

29. *Булыгина Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / А.Д.Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

30. *Буняковский В.Я.* Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам [Текст] / В.Я.Буняковский. СПб., 1865. С. 2.

31. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А.Вежбицкая. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

32. *Веретенников В.И.* К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов [Текст] / В.И.Веретенников // Сборник статей А.С.Лаппо-Данилевского. СПб., 1916. С. 11.

33. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста [Текст]: В 2 кн. / В.И.Вернадский. М.: Наука, 1975. 173 с.

34. *Вернадский В.И.* Избранные сочинения [Текст]: В 5 т. / Отв. ред. А.П.Виноградов. М.: Изд-во Акад наук. СССР, 1959—1960. Т. 5. С. 50—120.

35. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни [Текст] / В.И.Вернадский // Сост., вступ. ст., и коммент. М.С.Бастраковой: сборник М.: Совет. Россия, 1989. 702 с.

36. *Верховых Л.Н.* Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района

Воронежской области [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Н.Верховых. Воронеж, 2008. 21 с.

37. *Викторова Н.В.* Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца XVIII — начала XIX вв. (по материалам Государственного архива Челябинской области) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.В.Викторова. Орел, 1994. 24 с.

38. *Виноградов В.В.* Вступительное слово на Всесоюзном терминологическом совещании 1959 г. [Текст] / В.В.Виноградов // Вопросы терминологии. М., 1961. С. 70—97.

39. *Виноградов В.В.* Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII века [Текст] / В.В.Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 88—94.

40. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. / В.В.Виноградов // Учебник. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

41. *Владимирова О.В.* Порядок слов в синтаксисе русских деловых документов конца XVIII века (на материале документов Курганского городового хозяйственного управления 1799 года) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.В.Владимирова. М., 2000. 20 с.

42. *Владимирова О.В.* Порядок слов в синтаксисе русских деловых документов конца XVIII века (на материале документов Курганского городского хозяйственного управления 1799 года) [Текст]: Дис. … канд. филол. наук / О.В.Владимирова. М., 2000. 205 с.

43. *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века [Текст] / С.С.Волков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 8—34.

44. *Волков С.С.* Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII в. (на материале челобитных) [Текст]: дис. … д-ра филол. наук / С.С.Волков. Л., 1980. 362 с.

45. *Волков А.А.* Динамика антропонимов в первый год советской власти (по материалам метрических книг Михайло-Архангельской церкви г.Аткарска) [Текст] / А.А.Волков; Саратовский гос. ун-т им. Н.Г.Чернышевского. Саратов, 2001. С. 16—24.

46. *Вуйтович М.* Древнерусская антропонимия XIV—XV вв. Северо-Восточная Русь [Текст] / М.Вуйтович. Poznan, 1986. 150 с.

47. *Выхрыстюк М.С.* Тобольская письменность XVII—XVIII вв. в аспекте лингвистического источниковедения и исторической стилистики [Текст]: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / М.С.Выхрыстюк. Челябинск, 2008. 38 с.

48. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р.Гальперин. М.: Наука, 1981. 140 с.

49. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос [Текст] / Г.Гачев. М., 1995. 480 с.

50. *Генеалогическая* информация в государственных архивах России [Текст]: Справочное пособие: Ч. 1. М., 1996. С. 47.

51. *Георгиева Т.С.* Русская культура: история и современность [Текст] / Т.С.Георгиева // Учебное пособие. М.: Юрайт, 1999. С. 137.

52. *Герасимов М.К.* Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губ. [Текст] / М.К.Герасимов // Живая старина. 1898., Вып. 2. С. 161.

53. *Гончаров Ю.М.* Брачность, рождаемость и смертность в городах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. [Текст] / Ю.М.Гончаров; Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII — начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 3—27;

54. *Горюшкин Л.М.* Историография Сибири (период капитализма) [Текст] / Л.М.Горюшкин. — Новосибирск: Наука, 1979. 270 с.

55. *Горюшкин Л.М.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.) [Текст] / Н.А.Миненко. Новосибирск: Наука, 1984. С. 24—45.

56. *Голованова О.И.* Тюменские следственные дела 1782—1796 гг. в аспекте лингвотекстологического и источниковедческого анализа [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.И.Голованова. Тюмень, 2008. 22 с.

57. *Григоровский С.П.* О метрических свидетельствах лиц узаконенных (по поводу нового о них закона) [Текст] / С.П.Григоровский // Церковные ведомости. 1893. № 39. С. 1413—1414.

58. *Григоровский С.П.* О компетенции духовного суда по делам об исправлении и восстановлении метрических записей о рождении и крещении [Текст] / С.П.Григоровский // Церковный вестник. 1895. № 22. С. 681—685.

59. *Григоровский С.П.* По вопросу о метрической записи события крещения [Текст] / С.П.Григоровский // Церковный вестник. 1896. № 11. С. 359—361.

60. *Дерягин В.Я.* К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важских орядных XVII в.) [Текст] / В.Я.Дерягин // Русский язык: Источники для его изучения. М., 1971. С. 151.

61. *Дерягин В.Я.* Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов [Текст] / В.Я.Дерягин // Вопросы языкознания. М., 1980. № 4. С. 3—37.

62. *Дерягин В.Я.* Русская деловая речь на Севере в XV—XVII вв. [Текст]: Автореф. … дис. д-ра филол. наук / В.Я.Дерягин; ИРЯ АН СССР. М., 1980. 49 с.

63. *Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике [Текст] / В.В.Дементьев // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109—121.

64. *Елпатьевский А.В.* К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. — по настоящее время) [Текст] / А.В.Елпатьевский // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 55—84.

65. *Елпатъевский А.В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в России [Текст] / А.В.Елпатъевский; Источниковедение отечественной истории. М., 1984. С. 48.

66. *Ермацанс И.А.* Институализация Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах развития Камчатской и Благовещенской епархий) [Текст]: Автореф. дис. … канд. философ. наук / И.А.Ермацанс. Благовещенск, 2006. 26 с.

67. *Замалутдинова Л.Г.* Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар нижнего течения р. Тура II половины XX в. (на материале Тюменского района Тюменской области) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Г.Замалутдинова. Тюмень, 2007. 26 с.

68. *Занадворова А.В.* Прозвища и обращения в современном семейном речевом обращении [Текст] / А.В.Занадворова // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 1 / Отв. ред. Л.П.Крысин. М., 2003. С. 20—32.

69. *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ) [Текст] / В.А.Зверев. Новосибирск, 1991. 220 с.

70. *Зинин С.И.* Русская антропонимия XVII—XVIII в. (на материале переписных книг городов) [Текст]: Автореф. дисс… канд. филол. наук / С.И.Зинин. Ташкент, 1969. 23 с.

71. *Зиновьева Е.И.* Записные кабальные книги Московского государства XVI—XVII веков. Структура. Лексика. Фразеология [Текст] / Е.И. Зиновьева. СПб., 2000. 240 с.

72. *Зиновьева Е.И.* Стилеобразующие фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI—XVII вв. (на материале записных кабальных книг) [Текст]: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Е.И.Зиновьева. СПб., 2001. 38 с.

73. *Зуева Е.А.* Ведомости учета купеческих капиталов как исторический источник [Текст] / Е.А.Зуева // Массовые источники по истории Сибири. Новосибирск, 1987. С. 98—107.

74. *Зуева Е.А.* Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. [Текст] / Е.А.Зуева // Социально-культурное наследие Сибири. Бахрушинские чтения 1991 г. Новосибирск, 1991. С. 25—33.

75. *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. [Текст]: Дис. ... канд. ист. наук / Е.А.Зуева. Новосибирск, 1992. 240 с.

76. *Иванов В.В.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. (Древний период) [Текст] / В.Н.Топоров. М.: Наука, 1965. 246 с.

77. *Ивонин А.Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования) [Текст] / А.Р.Ивонин. Барнаул, Изд-во АГУ, 2000. 338 с.

78. *Ипанова О.А.* Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: Лингвокультурологический и лексикографический аспекты [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.А.Ипанова. С.-Петерб. гос. ун-т. 2001. 24 с.

79. *Кабузан В.М.* Народонаселение XVIII — первой половины XIX в. (по материалам ревизий) [Текст] / В.М.Кабузан. — М., 1963. 180 с.

80. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И.Карасик; Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, Архангельск, 1996. 150 с.

81. *Карасик В.И.* О категориях лингвокультурологии [Текст] / В.И.Карасик; Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. 185 с.

82. *Карасик В.И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / Г.Г.Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А.Стернина, Воронежский государственный университет. Воронеж: 2001. С. 75—80.

83. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н.Караулов. М.: Наука, 1996. 264 с.

84. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В.Б.Касевич. СПб., 1996. 288 с.

85. *Качалкин А.Н.* Памятники деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии [Текст] / А.Н.Качалкин // Вопросы языкознания. 1972. № 1. С. 104—113.

86. *Качалкин А.Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи [Текст] / А.Н.Качалкин. М., 1988. Ч. 1—2. С. 3—92.

87. *Качалкин А.Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи. Филологический метод анализа документов [Текст] / А.Н.Качалкин. М.: Изд-во МГУ, 1990. Ч. II. 390 с.

88. *Качалкин А.Н.* Книга как жанр деловой письменности допетровской эпохи (материалы для исторического словаря) [Текст] / А.Н.Качалкин; Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. Ч. 2. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. С. 87.

89. *Каштанов, С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики [Текст] / С.М.Каштанов // Источниковедение. Теоретические и методические вопросы. М., 1969. С. 138.

90. *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики [Текст] / С.М.Каштанов. М.: Наука, 1970. 504 с.

91. *Каштанов С.М.* Русская дипломатика [Текст] / С.М.Каштанов // Учебное пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1988. 231 с.

92. *Каштанов С.М.* Акты исторические [Текст]: Отечественная история: Энциклопедия / С.М. Каштанов. М., 1994. Т. I. С. 47.

93. *Кибрик А.А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов [Текст] / А.А.Кибрик // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3—21.

94. *Князева Е.Е.* Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII — нач. XX вв. [Текст]: Дис. ... канд. ист. наук / Е.Е.Князева. СПб., 2004. 438 с.

95. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика [Текст] / И.М.Кобозева // Учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 180 с.

96. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка [Текст] / М.Н.Кожина. 3-е изд. М., 1993. 250 с.

97. *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси [Текст] / В.В.Колесов. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 180 с.

98. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова» [Текст] / В.В.Колесов. СПб., 1999. 220 с.

99. *Колесников А.Д.* Источники о населении Сибири [Текст] / А.Д.Колесников; Историческая демография: новые подходы, методы, источники. М., 1992. С. 56—86.

100. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. [Текст] / А.Д.Колесников. Омск, 1973. 440 с.

101. *Коллингвуд Р.Дж.* Два условия существования теории эстетики [Текст] / Р.Дж.Коллингвуд; Принципы искусства. М., 1999. 56 с.

102. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г.В.Колшанский. М.: Наука, 1990. 103 с.

103. *Комарова Л.Э.* Тюменские челобитные XVII— первой трети XVIII века как лингвистический источник [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.Э.Комарова. М. 2000. 26 с.

104. *Комлева Н.В.* Антропонимия Вологодский памятников официально-деловой письменности конца XVI—XVII Веков [Электронный ресурс] [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Комлева. М.: РГБ, 2005. 380 с.

105. *Копосов Л.Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII—XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология) [Текст]: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Л.Ф.Копосов. М., 2000. 42 с.

106. *Королёва И.А.* Происхождение фамилий и отчеств на Руси [Текст] / И.А.Королёва. Смоленск: Смоленский гос. пед. у-т, 1999. С. 112.

107. *Королёва И.А.* Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики: (становление современной формулы фамилия, имя, отчество) [Текст] / И.А.Королёва // Учебное пособие по курсу «Русская антропонимика». М., Смоленск, 2000. 312 с.

108. *Кортава Т.В.* Памятники приказного делопроизводства как объект лингвистического исследования [Текст] / Т.В.Кортава // Вопросы истории и источниковедения русского языка: Межвуз. сб. научн. трудов. Рязань, 1998. С. 16—20.

109. *Косов А.Г.* Эволюция документный жанров в деловом языке XVIII века [Электронный ресурс]: На материале рукописный и печатный текстов Объединенного государственного архива Челябинской области [Текст]: Дис. ... канд. филол наук / А.Г.Косов. М.: РГБ, 2003. 246 с.

110. *Котков С.И.* О предмете лингвистического источниковедения [Текст] / С.И.Котков // Источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1964. С. 3—13.

111. *Котков С.И.* Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка [Текст] / С.И.Котков // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 15—27.

112. *Котков С.И.* Старинная русская деловая письменность в ее отношении к литературному языку [Текст] / С.И.Котков // Источники по истории русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1991. С. 122—144.

113. *Кошкарёва А.М.* Специальная лексика северных районов Тюменской области [Текст] / А.М.Кошкарёва. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2003. 140 с.

114. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] / Н.А.Красавский. Волгоград, 2001. 495 с.

115. *Красных В.В.* От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) [Текст] / В.В.Красных // Вестник Московского ун-та. М., 1998. Сер. 9. Филология. № 1. С. 24—27.

116. *Крафт Л.Ю.* Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом [Текст]: В 2 т. / Л.Ю.Крафт; [Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы]. СПб., 1787. Ч. II. С. 365.

117. *Кюршунова И.А.* Славянская антропонимия Карелии связи с реконструкцией лексики донационального периода [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / И.А.Кюршунова. Вологда, 1994. 250 с.

118. *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерки русской дипломатии частных актов [Текст] / А.С.Лаппо-Данилевский. Пг., 1920. С. 40—97.

119. *Лебедева А.А.* Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (конец XVIII — начало XX в.) [Текст] / А.А.Лебедева // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 26—34.

120. *Липинская В.А.* Семейно-брачные связи у русских крестьян Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. [Текст] / В.А.Липинская; Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVIII — начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 8—45.

121. *Лисицин А.Г.* К проблеме концептуального анализа [Текст] / А.Г.Лисицин // Язык и культура: Третья международн. конференция: докл. и тезисы. Киев, 1994. С. 98.

122. *Литвак К.Б.* Перепись 1897 г. о крестьянстве России [Текст] / К.Б.Литвак // История СССР. М., 1990. № 1. С. 20—34.

123. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С.Лихачев // Русская словесность: Антология. М., 1997. 120 с.

124. *Луканин А.М.* Руководство к производству дознаний и следствий по проступкам и преступлениям священно-церковнослужителей против должности, благочиния, и благоведения [Текст] / А.М.Луканин; Изд. Протоирея Чижевского. Харьков, 1879. 159 с.

125. *Мазурин М.Д.* Описи имущества среднерусских монастырей XVII века как источник исторической лексикологии [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / М.Д.Мазурин. М., 2000. 28 с.

126. *Майоров А.П.* Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья) [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.П.Майоров. М., 2006. 45 с.

127. *Маковский М.М.* «Картина мира» и образы миров [Текст] / М.М.Маковский // Вопросы языкознания. М., 1992. № 6. С. 6—12.

128. *Малышева И.А.* Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения [Текст] / И.А.Малышева. Хабаровск: Изд-во Хабаровского пед. ун-та, 1997. 182 с.

129. *Мароевич Р.* Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа Vbsevjlozaja в древнерусском языке) [Текст] / Р.Мароевич // Вопросы языкознания. М., 1981. № 5. С. 6—10.

130. *Мароевич Р.* К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных [Текст] / Р.Мароевич // Этимология. 1986—1987. М., 1989. С. 18—25.

131. *Мароевич Р.* Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка [Текст] / Р.Мароевич; Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1988—1990. М., 1993. 230 с.

132. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / В.А.Маслова. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.

133. *Медведева Н.В.* Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / Н.В.Медведева. Пермь: ПГУ, 1999. 240 с.

134. *Месеняшина Л.А.* Деловой стиль [Текст] / Л.А.Месеняшина; Русский язык для делового общения. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. С. 9—72.

135. *Мильков О.В.* Руководство к ведению метрических книг и актов гражданского состояния в приходах Холмской епархии [Текст] / О.В.Мильков. М., 1912. Ч. 1—2. С. 8.

136. *Миненко Н.А.* Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII — первой половины XIX в. [Текст] / Н.А.Миненко; Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. 230 с.

137. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — 1-й половине XIX века) [Текст] / Н.А.Миненко. Новосибирск, 1979. С. 10—24.

138. *Морковкин В.В.* Язык, мышление и сознание et vice versa [Текст] / А.В.Морковкина // Русский язык за рубежом. М., 1994. № 1. С. 20—24.

139. *Назаров А.И.* Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков [Текст] / А.И.Назаров. Алматы: Комплекс, 2003. 180 с.

140. *Наумова О.В.* Антропонимическая система Тамбовской области (на материале деловой письменности XVIII—XIX вв.) [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / О.В.Наумова. Тамбов, 2004. 168 с.

141. *Нечаев П.И.* Практическое руководство для священнослужителей [Текст] / П.И.Нечаев. СПб., 10-е изд., 1910. С. 430—431.

142. *Никитин О.В.* Проблемы изучения русской деловой письменности в научных воззрениях В.В.Виноградова [Текст] / О.В.Никитин // Вопросы языкознания. М., 1999. № 2. С. 113—127.

143. *Никитин О.В.* Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников северно-русских монастырей XVIII века) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.В.Никитин. М., 2000. 30 с.

144. *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI—XVIII вв.): Лингвистические очерки [Текст] / О.В.Никитин. М.: Флинта, 2004. 266 с.

145. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С.Е.Никитина. М.: Наука, 1993. 189 с.

146. *Никитина Л.Б.* Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте (К проблеме образа человека в современном русском языке) [Текст]: Дис. … канд. филол. наук / Л.Б.Никитина. Омск, 1996. 210 с.

147. *Никонов В.А.* Личное имя — социальный знак [Текст] / В.А.Никонов; Глазами этнографов. М., 1982. 115 с.

148. *Новиков Л.П.* Метрики (общие акты состояний) у православных (по ведомствам епархиальному и военно-духовному), иностранных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан. Акты гражданского состояния в Царстве Посольском: Сб. законоположений, церковных правил, распоряжений, разъяснений и указаний [Текст] / Л.П.Новиков / Ред. Протоирей Н.А.Каллистов. СПб., 1907. 292 с.

149. *Павлов А.* 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права [Текст] / А.Павлов. СПб., 1885. С. 65—78.

150. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В.Падучева. М., 1996. С. 245.

151. *Палагина В.В.* К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI—XVII вв. [Текст] / В.В.Палагина // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968. С. 23—30.

152. *Паловец О.В.* Особенности антропонимии дальневосточных метрических книг второй половины XIX века [Текст] / О.В.Паловец // Российский лингвистический ежегодник. Вып. 1 (8), 2006. С. 101—105.

153. *Парвов А.И.* Практическое изложение церковно-гражданских постановлений в руководство священнику на случай совершения важнейших треб церковных [Текст] / А.И.Парвов. СПб., 1864. 190 с.

154. *Парфёнова Н.Н.* Русские фамилии конца XVI—XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья) [Текст]: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Н.Парфёнова. М., 2002. 41 с.

155. *Пеньковский А.Б.* Русские личные именования, построенные по двукомпонентной «имя + отчество» [Текст] / А.Б.Пеньковский; Ономастика и норма. М., 1976. С. 23—27.

156. *Попова З.Д.* Язык как национальная картина мира [Текст] / И.А.Стернин. Воронеж, 2000. 59 с.

157. *Поспелов Н.Г.* Теория литературы [Текст] / Н.Г.Поспелов. М., 1978. С. 230—340.

158. *Пронин В.И.* Сибирь в период капитализма. Экономическое развитие Сибири в 1861—1900 г. [Текст] / В.И.Пронин. Новосибирск, 1997. С. 56—78.

159. *Пронштейн А.П.* Методика исторического исследования [Текст] / А.П.Пронштейн. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1971. 468 с.

160. *Проскуряков М.Р.* Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация [Текст]: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / М.Р.Проскуряков. СПб., 2000. 43 с.

161. *Ратникова И.Э.* Место отчества как актуального эксплицитного патронима в ряду базовых антропонимических единиц [Текст] / И.Э.Ратникова // Русский язык: Межведом. сб. Вып. 12. Минск, 1992. С. 34—37.

162. *Раушенбах Б.В.* Логика троичности [Текст] / Б.В.Раушенбах // Вопросы философии. М., 1993. № 3. С. 63—70.

163. *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления [Текст] / Н.П.Розанов. М., 1869. Ч. 1. С. 108—109.

164. *Руднева О.В.* Концептуализация пейзажа в малой прозе И.А.Бунина (лингвостилистический аспект) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.В.Руднева. Сургут 2007. 26 с.

165. *Рудозуб Е.Н.* Стилеобразующие средства жанров делового и бытового общения в русском языке XVII века: Дис. … канд. филол. наук / Е.Н.Рудозуб. Омск, 1999. 220 с.

166. *Рутц М.Г.* Источники формирования городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. [Текст] / М.Г.Рутц; Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 180.

167. *Савельева О.Г.* Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.Г.Савельева. Краснодар, 2006. 23 с.

168. *Савченко А.Н.* Язык и система знаков [Текст] / А.Н.Савченко // Вопросы языкознания. М., 1972. № 6. С. 21—32.

169. *Сагайдачный А.Н.* Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX века [Текст] / А.Н.Сагайдачный. Новосибирск, 2000. 186 с.

170. *Сарафанов Д.Е.* Смертность населения в Барнауле в XIX веке [Текст] / Д.Е.Сарафанов // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай — Казахстан, XIX—XX вв.). Сб. статей. / Под ред. В.Н.Владимирова, И.Г.Силиной. Барнаул, Изд-во Алтайского университета, 2007. С. 196—200.

171. *Селивёрстова О.Н.* Экзистенциальность и посессивность в языке и речи [Текст]: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / О.Н.Селивёрстова. М., 1982. 45 с.

172. *Серебренников Б.А.* Язык как общественное явление. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Б.А.Серебренников. М., 1970. С. 417—450.

173. *Сидоренко Е.Ю.* Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г.Тобольска) [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.Ю.Сидоренко. Тюмень, 2005. 21 с.

174. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г.Слышкин. М.: Academia, 2000. 128 с.

175. *Смирнова С.С.* Смертность в Олонецкой губернии в XIX — начале XX в.: к вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) [Текст] / С.С.Смирнова // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2002. № 30. С. 36—40.

176. *Смольников С.Н.* Антропонимия в деловой письменности русского севера XVI—XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения [Текст] / С.Н.Смольников. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2005. 256 с.

177. *Солганик Г.Я.* Стилистика теста [Текст] / Г.Я.Солганик. М., 1997. С. 158—180.

178. *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир: Дискурс. факт и принцип причинности [Текст] / Ю.С.Степанов // Язык и наука конца 20 века. М., 1997. С. 18—30.

179. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С.Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

180. *Сы ЫН Ён.* Речевой жанр современного церковно-религиозного послания [Текст]: Дис. … канд. филол. наук / Сы ЫН Ён. М., 2000. 230 с.

181. *Сыщиков О.С.* Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): Автореф. дис. … канд. филол. наук / О.С.Сыщиков. Волгоград, 2000. С. 9.

182. *Топоров В.Н.* Модель мира (мифопоэтическая) [Текст] / В.Н.Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161—166.

183. *Трофимова О.В.* Тюменская деловая письменность. 1762—1769 гг. [Текст]: В 3 кн. / О.В.Трофимова. Кн. III. Тюменские рукописные деловые тексты 1762—1769 гг. в аспектах лингвистики и документоведения: Лингвистический анализ текста. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 232 с.

184. *Уляшева О.Я.* Значение определенности-неопределенности у имен собственных в системе языка и речи [Текст] / О.Я.Уляшева // Функционально-семантический аспект единиц русского языка (Межвуз. сб. науч. ст.): Памяти д-ра филол. наук, проф. Л.Д.Чесноковой посвящается. Таганрог, 2001. С. 66.

185. *Унбегаун Б.О.* Отчества на -ич и их отношение к русским фамилиям [Текст] / Б.О.Унбегаун // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1977. С. 15—32.

186. *Урсу-Архипова А.П.* Тобольский «Травник XVIII века» как лингвистический источник [Текст]: Дис. ... канд. филол. наук / А.П.Урсу-Архипова. Челябинск, 2005. 177 с.

187. *Урысон Е.В.* Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке [Текст] / Е.В.Урысон // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред.: Н.Д.Арутюнова, И.Б.Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 11—26.

188. *Федосюк М.Ю.* Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение», «уговоры» [Текст] / М.Ю.Федосюк. Екатеринбург, 1996. 134 с.

189. *Фролов Н.К.* К вопросу об эволюции антропонимов пос. Боровое [Текст] / Н.К.Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 33—38.

190. *Фролов Н.К.* К вопросу о фамильных именах и становлении некоторых южнорусских фамилий [Текст] / Н.К.Фролов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1977. С. 46.

191. *Фролов Н.К.* Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья [Текст] / Н.К.Фролов. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1996. 160с.

192. *Храмков, А.А.* Села Ирбино, Веселовское и Белое Новосибирской области в начале XX в. (По материалам сельскохозяйственной переписи 1917г.) [Текст] / А.А.Храмков // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. С. 16—23.

193. *Чайкина Ю.И.* Русская ономастика и ономастика России [Текст] / Ю.И.Чайкина. М.: Школа-Экспресс, 1994. С. 66—74.

194. *Чередниченко А.П.* Выражение временных отношений в деловом языке XVIII в. (к проблеме стабилизации синтаксической нормы) [Текст] / А.П.Чередниченко // Становление норм русского национального языка. Челябинск, 1990. С. 85—102.

195. *Черемисина Н.В.* Языковые картины мира и их семантическое взаимодействие в художественном тексте [Текст] / Н.В.Черемисина // Человек. Язык. Искусство (памяти проф. Н.В.Черемисиной): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МГПУ, 2002. С. 12—24.

196. *Черепнин Л.В.* Рецензия на первый том публикаций «Таможенных книг Московского государства XVII в.» [Текст] / Л.В.Черепнин // Вопросы истории. М., 1950. С. 78—90.

197. *Чесноков П.В.* Слово и соответствующая ему единица мышления [Текст] / П.В.Чесноков. М., 1967. С. 34—39.

198. *Чижевский И.Л.* Церковное письмоводство [Текст] / И.Чижевский. Харьков, 1893. С. 39.

199. *Чижевский И.Л.* По вопросу о метрической записи события крещения [Текст] / И.Л.Чижевский // Церковный вестник. М., 1896. № 17. С. 544—548.

200. *Чинчлей К.Г.* Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность [Текст] / К.Г.Чинчлей. СПб., 1996. С. 100—101.

201. *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий [Текст] / В.К.Чичагов. М., 1959.

202. *Шахеров В.П.* Проблемы социально-экономического развития Юго-Восточной Сибири XVIII — первой половины XIX вв. в трудах Ф.А.Кудрявцева [Текст] / В.П.Шахеров // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск, 1994. С. 31—33.

203. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю.Шведова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.

204. *Шмелёв А.Д.* Дух, душа и тело в свете данных русского языка [Текст] / А.Д.Шмелёв // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 180 с.

205. *Шмелёв А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д.Шмелёв. М.: Языки славянской культуры, 2002. 230 с.

206. *Шмелёва Т.В.* Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) [Текст] / Т.В.Шмелёва. М.: Русистика, 1990. № 2. С. 20—32.

207. *Шпалтаков В.П.* Купеческий капитал Сибири в первой половине XIX в. [Текст] / В.П.Шпалтаков; Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 58—72.

208. *Шпалтаков В.П.* Рост торговой буржуазии в Западной Сибири в первой половине XIX в. [Текст] / В.П.Шпалтаков; Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 53—61.

209. *Шушарина И.А.* Деловая письменность Южного Зауралья XVIII в. в аспекте лингвистического источниковедения (варианты и нормы в субстантивном склонении) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А.Шушарина. Челябинск, 1999. 26 с.

210. *Шулежкова С.Г.* Жанрово-стилистическая характеристика официально-деловых документов южноуральских крепостей XVIII в. [Текст] / С.Г.Шулежкова // Вопросы современного русского языка. Челябинск, 1967. Вып. 2. С. 125—136.

211. *Щетинин Л.М.* Актуальные вопросы прикладной ономастики [Текст] / Л.М.Щетинин. Ростов н/Д, 1999. 249 с.

212. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С.Яковлева. М.: Гнозис, 1994. 190 с.

213. *Яковлева Е.С.* К описанию русской языковой картины мира [Текст] / Е.С.Яковлева // Русский язык за рубежом. 1996. № 1—3. С. 34—40.

Источники, словари

1. ГАТО [Текст]. Ф. 3. Оп. 4. Д. 123. Л. 337 об.

2. РГИА [Текст]. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 7. Д. 21. Л. 1—5.

3. ЦХАФ АК [Текст]. Ф. 144. Оп. 5. Д. 691.

4. Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь (до 1895 г. — Покровская) [Текст]. Фонд И-104, опись 1, дело 2, 1802—1842 на 369 листах; фонд И-104, опись 1, дело 26, 1865 на 116 листах.

5. Градо-Тюменская Вознесенская церковь [Текст]. Фонд И-112, опись 1, дело 6 на 1830 год на 273 листах.

6. Градо-Тюменская Покровская церковь [Текст]. Фонд И-104, опись 1, дело 8, 1843—1856 на 640 листах; фонд И-104, опись 1, дело 16, 1857—1862 на 307 листах.

7. Градо-Тюменская Знаменская церковь [Текст]. И-104, опись 2, 1853 год, на 120 листах; И-254, опись 1, дело 27, 1860, на 302 листах; И-104, опись 2, 1865—1867, на 530 листах.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: В 4 т. / В.И.Даль. М., 1994 г.

9. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь [Текст] / В.Н.Добровольский. Смоленск, 1914.

10. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка [Текст] / Т.Ф.Ефремова. М., 1996.

11. *Кабузан В.М.* Метрические книги [Текст] / В.М.Кабузан // Народонаселение: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г.Меликьян. М., 1994.

12. *Кошкарёва А.М.* Материалы областного словаря (специальная лексика северных районов Тюменской области) [Текст]: В 4 ч. / А.М.Кошкарёва // Лексика народной медицины. Лексика кедрового промысла. Лексика сбора ягод и грибов. Лексика сенокошения и сеноуборки. Лексика прядения и ткачества. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997.

13. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., 1996.

14. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / Н.Ю.Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

15. *Парфёнова Н.Н.* Словарь русских фамилий конца XVI—XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья) [Текст] / Н.Н.Парфёнова. Москва, 2005.

16. Словарь русского языка XI—XVII вв. [Текст]. Т. 1—26. М., 1975—2002.

17. Словарь русского языка [Текст]: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.

18. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный [Текст]: В 6 т. СПб., 1806—1822.

19. Словарь церковнославянского русского языка [Текст]: В 4 т. / Сост. Вторым отд. Академии наук. СПб., 1847.

20. Словарь русских народных говоров [Текст] / Под ред. Ф.П.Филина. Л., 1969. Вып. 4.

21. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка [Текст] / И.И.Срезневский // Т. I—III. СПб., 1893—1912.

22. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) [Текст] / Э.Благова, Р.М.Цейтмен, С.Геродес. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999.

23. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен [Текст] / Н.М.Тупиков. СПб., 1903.

24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка [Текст]: В 4 т. / М.Фасмер; Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. 4-е изд., стер. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

25. Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона [Текст] / И.А.Ефрон. СПб., 1896.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БИЕ — Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгаузом и И.А.Ефроном. СПб., 1894. Т. 1—13.

БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

ГИ — Генеалогическая информация в государственных архивах России. Справочное пособие. Часть 1. — М., 1996.

ГТПИЦ — Градо-Тюменская Пророко-Ильинская церковь (до 1895 г. — Покровская).

ГТВЦ — Градо-Тюменская Вознесенская церковь.

ГТЗЦ — Градо-Тюменская Знаменская церковь.

ГТПЦ — Градо-Тюменская Покровская церковь.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1981.

САР — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: В 6 т. СПб., 1806—1822.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. Вып. 1—35. М; Л.; СПб., 1965—2002.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка / Сост. Вторым отд. Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—26. М., 1975—2002.

Срезн. — Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка / Т. I—III. СПб., 1893—1912.

Ф. — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2003.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образец формуляра метрических книг Тюмени:
часть 1, о родившихся.
Градо-Тюменская Вознесенская церковь,
фонд И-112, опись 1, дело 6 на 1830 г..

№	число рожденія	у кого кто родился	число крещѣнія	кто были воспріемники
1	2 марта 1830 годъ	Деревни Львовской у крестьянина Федора Дворенского и жены его Меланіи Петровой дочь Татіяна.	того же числа	Крестьянинъ Левъ Витженинъ и жена его Александра Кокорина. Священникъ Георгій Глинскій.
2	4 марта 1830 годъ	У мѣщанина Манемна Палашенцова и жены его Феодосіи Ивановой сынъ Георгій.	6 марта	Мѣщанинъ Василій Баранов и мѣщанская дочь дѣвица Евдокія. Священникъ Гланскій и дьячокъ Николай Рычнов.
3	6 марта 1830 годъ	У вдовы мѣщанской жены Парасковы Шимуниной дочь Евгенія.	того же числа	Крестьянинъ Иванъ Шаховъ и мѣщанская дочь Ольга Жерновникова.
4	10 марта 1830 годъ	Деревни Мысовской у крестьянина Федора Скоробагатова и жены его Вали Васильевой близнецы Прокопій и Василій.	10 марта	Коллежскій регистраторъ Василій Загорный и мѣщанская дочь дѣвица Параскова. священникомъ Глинскимъ.

Образец формуляра метрических книг Тюмени:
часть 1, о родившихся.
МК Градо-Тюменской Покровской церкви за 1857 год,
фонд И-104, опись 1, дело 16

Метрическая книга на 1857 годъ, часть 1 о родившихся							
счетъ родив-шихся		**мѣсяцъ и день**		**имена родив-шихся**	**званіе, имя, отчество и фамиліи родителей и какого вѣроисповѣ-данія**	**званіе, имя, отчество и фамиліи воспріемниковъ**	**кто совершалъ таинство крещѣнія**
1.	—	31 декабря	1	Василій	Багадинской волости деревни Евтю-гиной у кре-стьянской дочери дѣвки Маріанны Михайловны Евтюгиной сынъ незакон-норожденный.	Туринского окру-га Благовещен-ской волости поселенецъ Антонъ Ивановъ Квартыгинякъ и того же округа Кошунской волости кресть-янская дочь дѣвица Анна Варфоломѣева Куртюкова.	священникъ Дмитрій Костаковъ съ понома-ремъ Ива-номъ Ни-кольскимъ.
2.	—	2 января	2	Иванъ	Тюменского Городового врача ученика Михаила Ва-сильева Федо-рова и закон-ная жена его Александра Павлова, оба православные.	Тюменскій Горо-довой врачъ Ни-кодоръ Лаврентьевъ Борщевскій и Коллежско-ре-гистраторская жена вдова Анна Александрова Зайкова.	священникъ Дмитрій Космако-выхъ с Діякономъ Іоанномъ Поповымъ.
—	1.	10 января	1	Татіяна	Ялуторовского округа, Кизак-ской волости, поселенецъ Александръ Савельевъ Слуев ъ и за-конная жена его Евдокія Филиппова	Тобольскій Горо-довой волости крестьянинъ Василій Николае-вичъ Носовъ и Тюменская мѣщанская жена Евфросинія Пав-лова Головачева.	священникъ Дмитрій Космако-выхъ с Діякономъ Іоанномъ Поповымъ.

					оба право-славные.		
—	2.	12 января	2	Ксенія	Яровской же волости деревни Букиной крестьянинъ Евстафій Петровъ Воиновъ и законная жена его Александра Стефанова оба православные.	той же деревни крестьянскій сынъ Иванъ Стефановъ Вороновъ и Тюменская мѣщанская дочь дѣвица Ольга Иванова Тоженина.	онъ же
3.	—	14 января	3	Петръ	Багадинской волости деревни Гилевой поселенецъ Иванъ Петровъ же и законная жена его Марія Михайлова оба православные.	той же деревни поселенецъ Устинъ Захаровъ Трусовъ и Яровской волости вдова поселенка Анна Николаева Николаева же.	онъ же

Образец формуляра метрических книг Тюмени:
часть 2, о бракосочетавшихся.
Градо-Тюменская Вознесенская церковь,
фонд И-112, опись 1, дело 6 на 1830 г.

счетъ браковъ	**кто вѣнчался**	**число вѣнчанія**	**кто были поручителями**
1	Chго Вознесенского Прихода купцы Егора Проскуринова дворовой изъ Калинова Александръ Герасимовъ 1-мъ бракомъ сочетался созоновского прихода съ крестьянской дочерью дѣвицей Маріей Егоровой Кривозиновой. Вѣнчалъ священникъ Тихановъ съ причетниками.	5 апреля	крестьянинъ Николай Переваловъ и Павелъ Лазаревъ.
2	Chго прихода города Тюмени Критвинниковъ Никадоръ первымъ бракомъ сочетался Градского Благовещенского приказа съ мѣщанской дочерью дѣвицей Анной Васильевой Чкаловой. Вѣнчанъ священникомъ Тихановымъ съ причетниками.	6 апреля	Мѣщанинъ Иванъ Семеновъ Коробниковъ Зверенского села умершего діячка Ивана Корчана и дочь дѣвица Марія Дорагова.
3	Изъ военнорабочихъ крестьянъ Юсиръ Емельяновъ первымъ бракомъ сочетался chго прихода деревни Парфеновой со вдовой крестьянской женой Даріей Прокопьевой Парфеновой. Вѣнчаны священникомъ Глиппеновымъ съ причетниками.	8 апреля	крестьянинъ Григорій Овчинниковъ и крестьянская дочь Неонила Овчинникова.
4	Созоновского Прихода деревни Борновской крестьянинъ Иванъ Федоровъ Вилипповъ вторымъ бракомъ сочетался; chго прихода съ мѣщенской дочерью дѣвицей Маріанной Ефимовой Куприяновой.	10 апреля	Мѣщанинъ Филиппъ Котельниковъ и Анна Рыболова.

Образец формуляра метрических книг Тюмени:
часть 2, о бракосочетавшихся.
МК Градо-Тюменской Покровской церкви за 1857 год,
фонд И-104, опись 1, дело 16

Метрическая книга на 1857 годъ, часть 2, о бракосочетавшихся							
счетъ браковъ	**мѣсяцъ и день**	**званіе, имя, отчество и фамилія и вѣроисповѣданіе жениха у которыхъ бракъ**	**лѣта жениха**	**званіе, имя, отчество и фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты у которой бракъ**	**лѣта невѣсты**	**кто совершалъ таинство**	**кто были поручители**
1	январь 4	Яровской волости, деревни Букиной крестьянинъ Алексей Михайловичъ Воиновъ православный, первый бракъ.	33	Яровской волости деревни Ошкуковой крестьянская дочь дѣвица Татіяна Антонова Зырянова, православная.	35	Священникъ Дмитрий Костаковъ съ Дьякономъ и дьячкомъ Петромъ Серебрянниковымъ	По жениху: Тюменскіе мѣщане Григорій и Ивановъ Гилевъ. По невѣсте: Тюменскій мѣщанинъ Алексей Михайловъ Обласовъ и Троицкой волости крестьянинъ Сильвестръ Княжевъ.

Образец формуляра метрических книг Тюмени:
часть 3, об умерших
Градо-Тюменская Вознесенская церковь,
фонд И-112, опись 1, дело 6 на 1830 г.

счетъ умершихъ	**кто умеръ**	**отъ чего умеръ**	**когда умеръ**	**где погребенъ**
1	У мѣщанина Максима паланцова сынъ Георгій (8 дн)	отъ родимца	1 апреля	на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ
2	Мѣщанинъ Андрей Антипьевъ Парфеновъ	отъ сердечной боли	6 апреля	на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ
3	Города Тюмени крестьянина Григорія Сидорова жена Параскова Васильева	скоропостижно	8 апреля	на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ
4	Деревни Яровской у крестьянина Егора Зыкова дочь Павла	отъ поноса	12 апреля	на учрежденныхъ на то при селеніяхъ ихъ кладбищахъ

Образец формуляра метрических книг Тюмени:
часть 3, об умерших
МК Градо-Тюменской Покровской церкви за 1857 год,
фонд И-104, опись 1, дело 16

Метрическая книга на 1857 годъ, часть 3, о умершихъ								
счетъ умершихъ		**мѣсяцъ и день**		**званіе, имя, отчество и фамилія умерших**	**лѣта умершихъ**		**от чего умеръ**	**кто совершалъ погребеніе и где погребены**
мужъ	**женъ**	**смерти**	**погребенія**		**мужъ**	**женъ**		
1	—	13 марта	16 марта	Омского округа Колмаковской волости поселенецъ Николай Петровъ Висковъ	32	—	отъ апокалипсическаго удара	Священникъ Дмтирій Посшаковъ съ діяко-номъ Іоанномъ Поповымъ и съ діячкомъ Петромъ Серебринниковымъ на учрежденномъ Градскомъ кладбище
—	1	14 марта	15 марта	Яровской волости Деревни Букиной крестьянина Стефана Космина Воронова дочь младенецъ Анна	—	4 месяца	отъ поноса	діячокъ Петръ Серебринниковъ на учрежденномъ Градскомъ кладбище
	2	15 марта	15 марта	Чкеревишинской волости крестьянина	—	44	найдена мертвою	на учрежденномъ Градскомъ кладбище

				Никифора Иванова Дружинина жена Марія Стефанова				
—	3	16 марта	19 марта	Троицкой волости крестьянина жена Ахилина Петрова Пяткова	—	40	отъ боли въ животе	на учрежденномъ Градскомъ кладбище

Образец итоговой таблицы общего количество родившихся, бракосочетавшихся и умерших за год. МК Градо-Тюменской Покровской церкви за 1857 год, фонд И-104, опись 1, дело 16

месяцъ	**родившихся**			**бракосочетавшихся**	**умершихъ**		
	мужъ. пола	**женъ. пола**	**обоhго пола**		**мужъ. пола**	**женъ. пола**	**обоhго пола**
январь	2	3	5	4	1	2	3
февраль	4	3	7	5	2	3	5
мартъ	5	2	7	3	4	2	6
апрель	1	5	6	6	3	0	3
май	0	4	4	2	1	4	5
іюнь	3	2	5	2	3	3	6
іюль	4	3	7	2	4	2	6
августъ	5	3	8	7	3	1	4
сентябрь	2	4	6	4	4	4	8
октябрь	2	5	7	5	6	5	11
ноябрь	4	5	9	2	9	2	11
декабрь	5	1	6	2	5	5	10
итого	37	40	77	44	45	33	78

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ 7
1.1. Метрические книги как историко-лингвистический источник 7
1.2. Жанрово-стилевая характеристика делового текста 16
1.3. Описание структуры и формуляра документа 23
1.4. Концепт как универсалия, влияющая на стилистико-текстовую организацию делового документа 29
1.5. Антропонимия в деловом тексте 33

Глава 2. СТРУКТУРА И ФОРМУЛЯР МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ: СУБТЕКСТОВЫЙ СОСТАВ, ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ 44
2.1. Структура метрических книг 44
2.2. Формуляр субтекстов заголовков 44
2.3. Формуляр субтекстов метрических книг Тюмени: часть 1, о родившихся 49
2.4. Формуляр субтекстов метрических книг Тюмени: часть 2, о бракосочетавшихся 70
2.5. Формуляр субтекстов метрических книг Тюмени: часть 3, об умерших 82

Глава 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В МЕТРИЧЕСКИХ КНИГАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ТЮМЕНСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ 101
3.1. Человек в актах гражданского состояния 101
3.2. Языковая репрезентация концепта рождение 103
3.3. Языковая репрезентация концепта брак 112
3.4. Языковая репрезентация концепта смерть 118

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 141

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 146

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ 167

ПРИЛОЖЕНИЕ 168